

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 9 2020 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

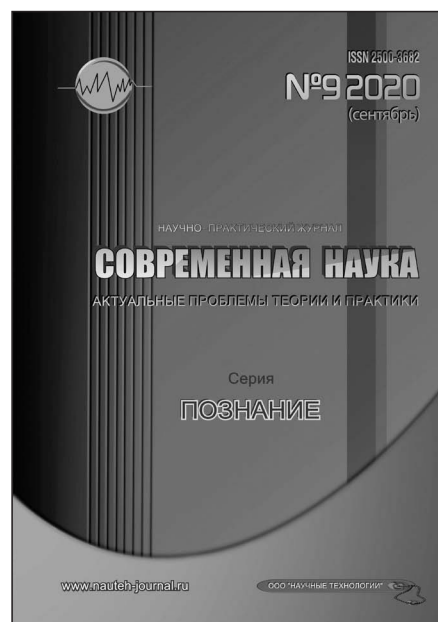
Подписано в печать 25.09.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 9 (сентябрь) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусств.н., профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусств.н., профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Афанасьев Н.В. – Историко-культурологический анализ мифологии народа с точки зрения эволюционного аспекта: архаичная мифология

Afanasev N. – Historical and culturological analysis of the mythology of the people from the point of evolutionary aspect: archaic mythology 5

Каландаришвили З.Н., Гезенко Д.П. – Ментальная основа правовой культуры России

Kalandarishvili Z., Gezenko D. – The mental basis of legal culture of Russia 10

Сенченко Н.А. – Особенности коммуникации в молодежных виртуальных сообществах

Senchenko N. – Peculiarities of communication in youth virtual communities 13

Психология

Афиногенова В.А. – Последовательное развертывание диалога и коммуникативная инициатива собеседников (на материале повседневного дискурса взрослых и детей)

Afinogenova V. – Subsequent dialogue progress and interlocutors' communication initiative (on the material of children and adult ordinary discourse) 18

Бархоянц Г.В. – Направления использования позитивной психотерапии в консультативном процессе

Barkhoyants G. – Directions for using positive psychotherapy in the consultation process 22

Иванов Д.В., Хачунц Д.Ю. – Психологические особенности личности студентов, склонных к употреблению алкоголя

Ivanov D., Khachunts D. – Psychological characteristics of alcohol-prone students 25

Кадышев А.С. – Опыт пастырского попечения ВИЧ-инфицированных пациентов в условиях стационара

Kadyshev A. – Experience in pastoral care for HIV-infected patients in hospital 30

Капидинова С.Б. – Психологический анализ крымскотатарских сказок: обозначение ресурсов

Kapidinova S. – Psychological analysis of Crimean Tatar fairy tales: designation of resources 35

Кибальченко И.А. – Химическая направленность ума: к вопросу о возможности формирования предпринимательской культуры и позиции активного гражданина при изучении химии в старшем подростковом возрасте

Kibal'chenko I. – The focus of the mind on chemical phenomena: the question about the opportunity of forming entrepreneurial culture and the position of an active citizen when studying chemistry in teenagers 38

Лито А.Н., Литвиненко А.Н. – Экзистенциальная исполненность и ее взаимосвязь с благоприятным профилем личностных характеристик

Lito A., Litvinenko A. – The existential fulfillment and the favourable personal characteristics 42

Сенченко В.В. – Особенности общения в социальных сетях интернет-активных подростков

Senchenko V. – Features of communication in social networks of Internet active teenagers 48

Философия

Абдулаева З.Э. – Паллиативная терапия и качество жизни безнадежно больных пациентов: этический аспект

Abdulaeva Z. – Palliative therapy and quality of life in reliable patients: ethical aspects 54

Басманов А.В. – Философия А.А. Роига как артикуляция цивилизационного и культурного становления латиноамериканского коллективного субъекта исторического процесса

Basmanov A. – A.A. Roig's philosophy as an articulation of civilizational and cultural formation of the Latin American collective subject of the historical process 57

Кривовяз Н.В. – «Креативный класс» в разрезе Р. Флориды: товар инновационной экономики

Krivoviyaz N. – "Creative class" in the section of R. Florida: product of innovative economy 62

Питик Г.В., Зимовец Л.Г. – Метафизическая абсолютизация многообразия человеческой истории в концепциях локальных цивилизаций

Pitik G., Zimovec L. – Absolutization of the diversity of human cultures and historical relativism in the concepts of local civilizations 65

Сметанкина Л.В., Михалёв С.А. – Глобализация и диверсификация современного пространства культуры

Smetankina L., Mikhalev S. – Globalization and diversification in the modern cultural space 69

Тетенков Н.Б. – Патология как индикатор нормы

Tetenkov N. – Epistemology: pathology as a norm' indicator 73

Информация

Наши авторы. Our Authors 78

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 79

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИФОЛОГИИ НАРОДА С ТОЧКИ ЭВОЛЮЦИОННОГО АСПЕКТА: АРХАИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ

Афанасьев Ньургун Вячеславович

К. филол. н., доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет имени М.К. Аммосова»

(г. Якутск, Россия)

n.v.afanasev@mail.ru

HISTORICAL AND CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE MYTHOLOGY OF THE PEOPLE FROM THE POINT OF EVOLUTIONARY ASPECT: ARCHAIC MYTHOLOGY

N. Afanasev

Summary: This article is devoted to the study of the evolutionary aspect of archaic mythology. The work touches upon the problems of archaic mythology as a reflection of collective forms of activity and the collective nature of the acquisition and transfer of knowledge. The author came to the conclusion that the tribal organization of primitive tribes was reflected in archaic myths. And through archaic myths, the social order was consolidated, they sanctioned the right of a tribe, group, collective to a certain habitat, established tribal rituals, traditions, a system of moral principles, that is, archaic myths in antiquity played an important social role.

Keywords: mythology, archaic myth, cultural analysis, worldview, myth.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию эволюционного аспекта архаичной мифологии. В работе затрагивается проблематика архаической мифологии как отражение коллективных форм деятельности и коллективный характер приобретения и передачи знаний. Автор пришел к выводу, что в архаических мифах находила свое отражение родовая организация первобытных племен. И через архаические мифы происходило закрепление социального порядка, они санкционировали право племени, группы, коллектива на определенную территорию обитания, устанавливали племенные обряды, традиции, систему моральных принципов, то есть, архаические мифы в древности играли важнейшую социальную роль.

Ключевые слова: мифология, архаический миф, культурологический анализ, мировоззрение, миф.

Введение

Знания гуманитарного характера, описывающие многомерный мир человека, состоят из целого ряда разнородных составляющих. Древнейшей формой мировоззрения является мифология, которая на протяжении столетий сохраняла неизменными свои внутренние механизмы и основные черты, претерпевая при этом значительную трансформацию, получая новую целевую аудиторию и задачи.

Многочисленные исследования, посвященные феномену мифа, отличаются концептуальным плюрализмом по вопросам о его месте в культуре и самой сущности. Среди прочего, миф рассматривается в качестве поэтического инструмента, архаического мышления специфического характера, средства манипулирования массами через инструменты массовой коммуникации, а также в роли ключевой составляющей идеологических конструкций.

Многие ошибочно рассматривают миф как элемент архаической истории. Между тем речь идет о более универсальном компоненте культуры, который оказывает огромное влияние на поведение людей. Между тем

мифология действительно своими истоками уходит в самые ранние этапы развития человеческого общества. Мы считаем, что перед рассмотрением актуальных научных концепций по этому вопросу следует вкратце остановиться на истории изменения взглядов на мифологический материал.

Историография

Работа итальянского ученого Дж. Вико «Основания новой науки» содержит в себе оригинальную теорию исследования мифа. По мнению автора, одной из причин сходства разных народов является их прохождение через общую для всех поэтическую стадию, которая характеризуется формированием мифологии [2]. Рассматривая особенности мифологии, Вико нашел в ней общие черты с детской психологией, с присущими ей верховенством фантазии над рассудком и эмоциональностью. Его концепция занимает особое место, поскольку она послужила фундаментом главных направлений, возникших в изучении данной темы. В дальнейшем предложенный Вико взгляд на миф, как художественное преломление окружающего мира, нашел свое развитие в работах Б. Малиновского, П. Гуревича, Э. Дюркгейма и Д. Фрезера.

Очевидным шагом назад в этой области стали концепции «просветителей» (Д. Дидро, Вольтер, Ш. Монтескье и др.), для которых мифология была тождественна суеверию, а значит должна уступить место рациональности.

Место мифа в поэтической сокровищнице различных народов стало предметом изучения И. Гердера, что стало поворотным пунктом перед появлением концепций мифа, предложенных романтиками (братья Гримм, К. Мориц, Гейне и др.). Особое место среди этих концепций занимает теория, выдвинутая Ф. Шеллингом, согласно которой миф занимает место между искусством и природой [9, с.12]. Символ, по мнению Ф. Шеллинга, следует рассматривать в качестве конструктивного элемента мифологии. Этот тезис во многом предвосхитил ряд теорий XX столетия [11].

Как инструмент трансформации реальности рассматривали миф Р. Барт, К. Мориц, Х. Уэзенер и М. Мюллер. Схожую позицию поддерживали А.Н. Веселовский, А.А. Потебня и Ф.И. Буслаев.

Такие представители антропологической школы, как Э. Лэнг, Г. Спенсер, Э. Тайлор считают, что миф утратит свое значение перед наступлением рационалистического мышления.

Механизм, который выражает бессознательное - таков взгляд на миф представителей психоаналитической школы. По мнению В. Вундта, миф представляет собой проекцию различных чувств, сновидений и аффективных состояний в природные и социальные объекты [3]. Эта концепция получила свое развитие в работах З. Фрейда и его последователей, рассматривающих миф как энергию бессознательного, которая материализуется в представлениях и образах через сублимацию, что характерно и для искусства. Благодаря мифотворчеству человек легче адаптируется к обществу.

К.Г. Юнг высказал позицию, отличающуюся от классического фрейдизма, рассматривая миф как коллективные представления, а не как продукт индивидуальной психики [13].

Основное

Архаический миф рассматривается в качестве формы целостного коллективного восприятия и понимания реальности через чувственно-наглядные образы; объективизации в обрядах и ритуалах мифологического сознания через словесные (вербальные) и другие знаковые формы (музыка, изображения, жесты, танцы); субъективную мыслительную форму (субъективное образование), играющую роль объективной реальности [6].

Следовательно, архаический миф главным образом является отражением коллективных форм деятельности. Отличием архаического мифа является коллективный характер приобретения и передачи знаний.

Коллективные переживания, чувства и представления в мифе господствуют над индивидуальными. При этом член первобытного коллектива растворяется, обесличивается в этом коллективе, что является определяющим условием его (индивида) существования.

Член архаического коллектива представляет свою жизнь и общество в неразрывно связи, целостности.

Рассмотрим, как в архаическом коллективе регламентировались общественные отношения через табу и тотемы, которые можно рассматривать в качестве первых продуктов разделения социальной жизни на профанную и сакральную сферы.

В некотором смысле тотемизм является неотъемлемым элементом архаического мифа. Тотемизм характеризуется тождеством множественности и единичности, когда индивид не выделяется из социального и природного мира, ощущая свою общность с тотемным существом, родом.

Тотемические представления отличаются отсутствием четкого разграничения между индивидом как представителем той или иной социальной группы и растением или животным, представляющих мир природы.

Выстраивание мифа могло осуществляться вокруг поведенческой модели животного, которое человек воспринимал как родственное. Любой элемент природы при этом, от особенностей местного ландшафта до повадок животного, имели символическое значение, осмысливались с позиции тотемистичности [7].

Таким образом, тотемистические представления позволяли члену традиционного общества сформировать понимание своего места в рамках коллектива, своих сущностных характеристик. Наблюдая за поведением тотемного животного, человек переносил его специфические поведенческие особенности на жизнь своего клана, коллектива.

В данном случае мы наблюдаем возникновение связей субъект-объектного характера, когда человек отождествляет себя со строго определенным природным явлением или животным, почитаемым в своем коллективе.

Объективные условия существования человека традиционной культуры обуславливали то, какой именно тотем человек выбирал для отождествления себя. Таким

образом, тотем, кроме прочего, осуществлял функцию социализации: с помощью тех или иных ритуалов, например табу, позволял упорядочить представление о месте человека в обществе и о самом обществе [8].

Полифункциональность мифа является одним из факторов его уникальности, если рассматривать миф как феномен культуры. Какую же роль играет миф в жизни первобытного общества? Сама сущность традиционного общества предполагает, что его представители видели в мифе данность, которая существовала в их мире изначально. Мифы древнейших времен открывают нам целую плеяду тотемистических предков-творцов, своеобразных ремесленников-мастеровых, создавших все сущее. Их деятельность не завершается созданием архаической вселенной, они непрерывно усложняют мир различных явлений в природе, как и мир живых существ.

Рассматривая различные аспекты роли древних мифов в жизни первобытного общества, необходимо остановиться на функциях регулятивно-нормативного и социально-интегративного характера, которые закладывали фундамент архаической «правовой» системы, которая не только регулировала взаимоотношения внутри группы, племени, но и помогала, тем самым, индивиду с минимальными трудностями адаптироваться к жизни в коллективе. Это является особенно важным, поскольку вне коллектива доисторический человек не имел ни малейшего шанса на выживание. Его племя, род, были частью вселенной, вне которой он не мог себя помыслить, поэтому его выживание предполагало необходимость полного сотрудничества с коллективом и полное подчинение ему. Инстинкт подсказывал первобытному человеку линию поведения, которая включала в себя проявление альтруизма в границах группы своих родственников и бессознательное враждебное отношение к представителям других коллективов, к чужакам. В ходе дальнейшего развития человеческого общества влияние коллектива родственников, племени на человека значительно ослаблялось, и мы наблюдаем постепенный переход человека к традиции индивидуализма и все большее дистанцирование его от коллективизма.

Одной из характерных черт традиционного архаического коллектива является полное, абсолютное подчинение индивидуального общему, растворение индивида в племени, роде. В мировоззрение мифологического типа, характерного для архаического коллектива, отсутствует индивидуальный аспект, ключевой посыл такого мышления, вся его содержательная составляющая были направлены исключительно на архетипическое, общее.

Учитывая вышесказанное, можно глубже понять ту важнейшую роль мифа в жизни традиционного общества, которую он играл, прививая члену этого общества все необходимые качества для полноценной жизни в

рамках его коллектива. С этой позиции мы отчетливо видим в архаическом мифе прообраз, зародыш будущих общественных институтов и правовых систем, тот инструмент, который скреплял, сохранял и передавал из поколения в поколение сложившиеся в обществе порядки и традиции. Регулируя общественную жизнь традиционного общества, миф играет роль первичной формы идеологии.

Этноцентризм – еще одна характеристика, лежащая в основе мышления мифологического типа. Родное племя для индивида лежит в центре социального мироздания. Его превосходство над другими коллективами не поддается сомнению. Представитель племени мыслил о своем коллективе только в положительном ключе, в нем собрались избранные, а само племя является идеалом гармонии и всяческих добродетелей. Другие люди, чужие, способны нести только неприятности и сеять вокруг себя хаос. Такой взгляд характерен для всех мифологий первобытного мира, что закреплено в традициях, обрядах и многочисленных символах.

Механизм, позволяющий распознать «чужих» от «своих», характерен для всего живого мира. Механизм, позволяющий безошибочно идентифицировать «чужих» и определить «своих», не менее успешно функционирует и в человеческом обществе. Особую роль он играл именно в первобытном традиционном обществе. С помощью стереотипных признаков человек имел возможность с минимальными затратами времени и усилий осуществить такую идентификацию, ощущая в кругу «своих» чувство уверенности, психологический комфорт, безопасность. Вместе с тем, важно отметить, что наряду с очевидными положительными моментами, такие стереотипы приводят к значительному упрощению картины окружающего мира, что заставляет воспринимать других людей, народы, племена в чрезвычайно искаженном, главным образом, негативном виде [1, с.30-36].

Считаем важным отметить многовариантность организационных форм традиционных обществ. Мы видим группы с четко выраженной жесткой иерархией и группы, в основе организации которых заложен принцип эгалитаризма. Ведя речь о коллективном характере архаического общества, следует отметить, что части первобытных коллективов не были чужды отдельные проявления индивидуализма. Так, в эгалитарных группах отсутствие жесткой иерархии во многом обусловлено отсутствием излишков продуктов питания, без чего невозможно имущественного расслоение. Необходимость совместного труда консолидировало группу, а система символов (тотем, праздники, мифы, ритуалы) подкрепляла эту консолидацию.

Были коллективы, которые имели сильного вождя, жесткую иерархию. Такие коллективы называют иерар-

хическими.

Между крайними проявлениями иерархической и эгалитарной форм устройства традиционных архаических коллективов было большое количество форм, сохраняющих не столь ярко выраженные признаки той или иной модели [10].

К. Леви-Стросс при изучении рассматриваемых нами типов общественной организации на примере алгонкинов, обнаружил существование у них и двух типов мифов, соответствующих либо эгалитарной, либо иерархической форме социального устройства. Всеми своими средствами данные мифы утверждали и закрепляли соответствующие общественное устройство, регулируя отношения между членами внутри этих традиционных коллективов.

По мнению М. Мосса и Э. Дюркгейма, для понимания сути мифологического сознания необходимо осознать то состояние ума человека, когда он не способен к различению. Даже в современном мире в основе многих произведений народного творчества, мифологии и верований положены сюжеты, где смешаны самые разнообразные образы и идеи. В фольклорных произведениях и текстах религиозного характера без труда передаются качественные характеристики объектов материального характера, их одушевление, замещаются и превращаются души, тела и верования [5].

К. Леви-Строссом, в отличие от позиции Л. Леви-Брюля, было обращено внимание на особенности мышления представителя архаического общества, среди которых для нас представляет интерес в контексте настоящего исследования, способность классифицировать явления и объекты живой и неживой природы на основе тотемизма. Способность классифицировать объекты по аналогии лежит в основе более сложных систем описания реальности. Для человека архаического общества со специфическим опытом мифологического мышления являлось вполне органичным и естественным создавать в своем представлении символические образы, которые служили ему для кодировки окружающей действительности, первым шагом к чему стала способность к выявлению общих и отличительных специфических признаков.

Связи, сформированные между объектами и явлениями, которые, на первый взгляд невозможны, являются некими предшественниками мифических отсылок и подмен. Так, древний человек усмотрел удивительную связь между такими действиями и объектами, как женщина, луна и процесс прядения. Его мифологическое мышление превратило луну в прядильщицу, которая кропотливо прядет нить жизни и саму человеческую жизнь [12].

Социальная организация традиционного архаиче-

ского общества, являющаяся для коллектива священной, была своего рода моделью, смысловым фундаментом той или иной мифологической системы. Одушевленные и неодушевленные предметы были объектами классификации первобытной группы, племени. Подобные примеры простейшей классификации существуют среди аборигенов Австралии, которые разделены на две большие группы племен, каждая из которых имеет общую родословную. Структура этих крупных племенных объединений (фратрий) включала в себя более мелкие коллективы или группы, которые несли на себе, кроме прочего, функции регулирования брачных отношений, с целью избежать связей между близкими родственниками в рамках немногочисленной группы людей. С такой же четкостью осуществляется классификация объектов живого и неживого мира. Например, одной из таких племенных групп может принадлежать луна, небо, трава, солнце и т.д. Мы рассмотрели простейших пример деления - двоичный, что отнюдь не исключает существование более сложных моделей. Подобные сложные структуры классификации были призваны сформировать иерархические связи между тотемами, выполняющими функцию основных религиозных объектов, и другим живыми и неживыми объектами окружающего мира [4].

На начальном этапе становления мифологического мировоззрения происходит определение родства между разными объектами. Например, «мифосоциологическую» организацию общества мы наблюдаем у племени зуны. Помимо того, что за конкретными кланами «закреплены» различные объекты природы (солнце, луна и т. д.), существует еще пространственная классификация, включающая в себя семь сторон света, среди которых четыре стороны света, а также Середина, Надир и Зенит. Подобным же образом распределяются социальные функции, а не только объекты. Так, область тепла или Южное направление, ассоциируется в представлении древнего человека с земледелием и медициной. Сфера, олицетворяющая силу, войну и разрушительный потенциал, расположена на Севере. Магический и религиозный Восток стал обиталищем солнца, а Западное направление открывает дорогу к миру, согласию и охоте. Миры, расположенные вверху и внизу тем или иным способом, сочетают в себе названные выше явления и объекты.

Помимо этого, есть связь каждой области с определенным цветом. Мифологическое сознание окрашивает Юг в красные оттенки, символизирующие огонь и лето, на древний человек Западе видит глубокую голубизну неба на закате, направив свой взор на Север, он видит желтый цвет рассветного и закатного солнца [5].

Постепенно совокупность тождественных понятий, столь естественных для мифологического мышления, становится полноценной символической системой, играющей важную роль в поддержке коммуникации

внутри группы, параметры которой заданы общепринятыми культурными установками. Рассматривая отношение древнего человека к цветам, следует сказать, что оно связано связью цветовых ассоциаций с явлениями природы, стихийными проявлениями. Ассоциации человека первобытного общества, связывающие определенный цвет с теми или иными явлениями, предметами, играющими важную роль в его выживании, легли в основу формирования единой архетипической системы значений и символов.

Заключение

Таким образом, развитие функций мифа происходит синхронно с общим развитием культуры и теми когнитивными изменениями, происходившими в ходе культурного и исторического развития человеческой цивилизации, поскольку очевидна тесная связь между

антропогенезом и появлением первых артефактов культурного характера, включая зарождение мифотворчества. В архаических мифах находила свое отражение родовая организация первобытных племен. Через мифы, которые следует рассматривать как своеобразную форму протоидеологии, которая освящала власть жреца, вождя, в наибольшей мере осуществлялось регулирование жизни архаического коллектива, группы, племени. Духи и тотемы представляют собой первичные формы концептуализации священного, так как мифологическое сознание преломляет отражение объективного мира сквозь призму сакрального. Через архаические мифы происходило закрепление социального порядка, они санкционировали право племени, группы, коллектива на определенную территорию обитания, устанавливали племенные обряды, традиции, систему моральных принципов, другими словами, играли важнейшую социальную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будюкин Д.А., Иванов А.Г. Реабилитация мифа в эпоху Романтизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1 (397). Философские науки. Вып. 43. С. 30-36.
2. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико; Пер. и комм. А.А. Губера. - Л., 1940. - 619 с.
3. Вундт, В. Миф и религия / В. Вундт. - СПб.: Издание Брокгауз-Ефрон, 1914. - 427 с.
4. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. - М.: Едиториал УРСС, 2004. 248 с.
5. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / [пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана; Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая]. Москва: Восточная литература, 1996. 360 с.
6. Жаров С.Н. Бытие и реальность в гуманитарном познании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 2. С. 18-37.
7. Иванов А.Г. Механизм воздействия мифов на развитие общества // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 2 (32). С. 6-14.
8. Иванов А.Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями социальных мифов // Известия Саратовского государственного университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 13-18.
9. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. - М.: Наука, 1976. - 407 с.
10. Олескин А.В. Биополитика: Политический потенциал в современной биологии: философский, политологический и практический аспекты: учебное руководство по биополитической проблематике для студентов биологических и гуманитарных факультетов университетов и колледжей / Учебно-методическое объединение университетов России, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва, 2001. 423 с.
11. Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг; Перевод П.С. Попова. - М., 1966. - 494 с.
12. Элиаде М. Тайные общества: Обряды инициации и посвящения: [пер. с фр.]. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999. 356 с.
13. Юнг, К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.-Г. Юнг; Пер. с англ. В.В. Науманова. - М.; К.: Совершенство-Port-Royal, 1996. - 384 с.

© Афанасьев Ньургун Вячеславович (n.v.afanasev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ¹

THE MENTAL BASIS OF LEGAL CULTURE OF RUSSIA

Z. Kalandarishvili
D. Gezenko

Summary: In the study, the authors discuss the problem associated with the mental basis of Russian legal culture. It acts as a kind of criterion in determining the quality side of the legal reality of people's lives. According to the authors of the article, historically established legal customs and traditions will always be part of the legal culture of citizens. They reflect the deep «layers» of morality, psychology, ideology and legal consciousness of a person.

Keywords: culture, legal culture, mental basis of legal culture, state, mentality, legal consciousness, spiritual values.

Каландаришвили Зураб НодаровичК.ю.н., к.п.н., профессор, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
zurab.kalandarishvili@yandex.ru**Гезенко Дарья Павловна**Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
Гуманитарный Университет Профсоюзов
billy_92@mail.ru

Аннотация: В исследовании авторы рассуждают о проблеме, связанной с ментальной основой российской правовой культуры. Она выступает своеобразным критерием в определении качественной стороны правовой реальности жизни людей. По мнению авторов статьи, частью правовой культуры граждан всегда будут выступать исторически сложившиеся правовые обычаи и традиции. Они отражают глубинные «пласты» нравственности, психологии, идеологии и правового сознания человека.

Ключевые слова: культура, правовая культура, ментальная основа правовой культуры, государство, менталитет, правовое сознание, духовные ценности.

До сих пор в теоретических вопросах правовой культуры существует немало разных дискуссионных вопросов и нерешенных проблем. Сегодня намечаются лишь первые подходы к изучению такого важного структурного элемента содержания правовой культуры как ее ментальная основана.

По авторской концепции, ментальная основа правовой культуры представляет собой, сложное, многоуровневое нравственное, психологическое и интеллектуальное образование социоправовой действительности, отражающее глубинные пласты человеческого правового сознания, сложившиеся и передающиеся от старшего поколения к молодому поколению традиции образа жизни и культуры в правовой сфере.

Менталитет – это устойчивый культурный субстрат, который является глубинным уровнем коллективного сознания определенной общности людей и преобразовывает хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений в упорядоченную картину мира; это скрытый феномен культуросмысловой реальности общества, который воспринимается людьми как само собой разумеющийся; это основной идентификационный и консолидирующий фактор, сохраняющий целостность системы культурных координат в пределах данной общности.

Менталитет отражает глубокий пласт общественного сознания и является своего рода возможностью выхо-

да исследования правовой культуры из узко-государственной трактовки в более широкое правовое поле, в котором осязаемы духовно-культурные особенности конкретно-исторической правовой действительности, или то, что можно обозначить как «правовой дух», сохраняющий «сквозные» правовые архетипы.

Ментальная основа правовой культуры несет в себе постоянство и устойчивость индивидуальных, групповых, массовых и общественных духовно-психологических структур российского правового сознания, выражает этногенетический код общества, национальный характер народа, образ его жизни, быта и культуры в сфере права. Это такая духовная подсистема, которая всем ходом умственно-интеллектуального, культурного и иного развития российского общества призвана отразить психологический генотип российского этноса, сохранить его и по возможности приумножить.

Таким образом, в менталитете, в том числе и правом, заложены специфические способы восприятия и понимания этносом своего внутреннего мира, основанного на системе ценностей, обуславливающие все сферы жизнедеятельности людей.

Для ментальной основы правовой культуры России характерным является традиционализм, коллективизм, ярко выраженный антииндивидуализм, склонность чрезмерно идеализировать определенные проявления

1 Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира»

жизни. Вместе с тем присутствует стремление к правде, добру, равенству и милосердию. Специфический отпечаток на российскую ментальность накладывает религиозное и этическое многообразие России [1, с.34].

Традиционно духовной ценностью в России признавалась сплоченность, крепость семейных отношений, верность в дружбе, сотрудничество, чувство локтя. Соперничество, конкуренция, предательство, измена, эгоизм, индивидуализм всегда имели негативный смысл [5, с.120].

В этом смысле, Д.С. Лихачев, обращаясь к различным письменным источникам, справедливо замечает, что «не было ни одного литературного произведения, которое проповедовало бы раздробленность, обособление русских княжеств. Борьба за разъединение Руси не могла быть популярной [6, с.47].

Н.А. Бердяев говорил о противоречивости характера русского народа, но не пытался духовностью объяснить его нищету, а изменения в судьбе России к лучшему видел не в отказе от духовности, а в ее синтезе с характерными для запада ответственностью, дисциплинированностью и законопослушностью [2, с.7].

На содержание ментальной основы правовой культуры россиян в значительной мере повлияло и то, что люди в России веками видели несправедливость, неправду, творимую властью, предвзятый характер решений судей и т.п., что не могло не вызвать у граждан отрицательного отношения к законам государства и к правосудию. Но при этом забывалось, что проще осуждать того, кто нарушает закон, чем самому его исполнять. Иными словами, куда труднее развивать свое правовое сознание и правовую культуру, в которых идет схватка взаимоисключающих мыслей; перед каждым человеком постоянно стоит выбор – жить по совести и закону или «забыть» об их существовании. Вместе с тем современный российский менталитет в целом обладает голосом совести, национальной терпимости и гражданственности. В этом следует искать духовно-правовые основания государственно-юридической системы России. В частности, большую роль сегодня может сыграть патриотизм как один из важнейших «духовных нервов» России [3, с.116].

Ментальная основа правовой культуры как неотъемлемый фактор жизнедеятельности любого индивида и всего общества детерминируется многими (и не только правовыми) факторами – экономической, социальной, политической, духовной обстановкой, «миром повседневности». Вместе с тем, оно стремится сохранить свое, специфическое – содержащиеся в ней определенные установки и ценности, которые включают в себя некие общеобязательные, иногда формально-определенные

образцы, модели повседневной жизнедеятельности, которые формируются не только в процессе «сиюминутных обстоятельств» осознания идеи законности, правопорядка, но имеют и более глубокие корни, более глубокие «пласты» общественного и индивидуального сознания. Особый духовный настрой, специфический способ восприятия и оценки действительности и находят свое отражение в понятии «менталитет» («ментальность»).

В связи со сказанным, проблема исследования ментальной основы правовой культуры является сегодня весьма актуальной. Многие аспекты восприятия человеком, обществом таких сторон и явлений жизни, как-то: понимание индивидом своего места в системе социального целого, степень удовлетворения этим, отношение к труду и собственности, богатству и бедности; отношение к свободе и ее толкованию; суждение о праве и обычае, справедливости и равенстве и т.п. – эти и другие стороны реального бытия во многом своими истоками уходят в особенности менталитета каждого общества, в том числе и нашего российского, которое по своей сути очень самобытно и специфично.

Каковы же перспективы эволюции ментальной основы правовой культуры России?

В Российской Федерации к настоящему времени еще отсутствует, в полном смысле этого слова, ясно сформулированный правовой комплекс, связанный с оценкой деятельности государства, его структуры, с оценкой жизни общества и конкретных людей. Сегодня идут поиски, продолжаются дискуссии на различных уровнях, высказывается масса предложений как теоретиков, так и практиков. Кое-где в какой-то мере с различным эффектом намечаются или проводятся в тех или иных областях науки эксперименты, но они, по большому счету, не в состоянии пока в полной мере решить проблемы правовых основ существования российской государственности. Сегодня в сознании людей накопилось много негативного за годы проводимых реформ во всех областях социально-экономической, политической, правовой и духовной сфер. Многие специалисты справедливо говорят о том, что для сегодняшней России самая сложная проблема – как построить относительно безболезненно гражданское общество и правовое государство. Главное и самое трудное сегодня состоит в формировании и поддержке в массовом масштабе реальных образцов правового поведения, прежде всего в среде молодых российских граждан, т.е. в среде будущего России. Реально предположить, что сегодня подавляющее большинство молодежи России не имеет надлежащего представления о правах человека, возможно, многие молодые люди даже не догадываются, что существуют такие права. И пока не произойдут радикальные изменения в государственно-правовой жизни, ни о каких правах человека как факторе именно массовой правовой культуры, го-

ворить пока не приходится, так же, как и ее основных ценностей, свойственных менталитету в рамках данной культуры. В российском обществе права человека – это пока еще ценностный эталон, не более того, хотя и четко обозначенный, особенно после недавних внесений поправок, в Конституции РФ.

Российская Федерация – это уникальная форма государственно-правового устройства, нетипичная, «обособленная» от классических образцов. Отсюда возникает и настоятельная потребность бережного отношения к ее истории, традициям и правовому менталитету российского народа.

Прав бесспорно в этой связи А.С. Запесоцкий, утверждая, что «у России есть шанс преодолеть катастрофический тренд европейской цивилизации: оставаться в границах духовного пространства русской цивилизации, исторически оправданного и выстраданного народом, и не участвовать в проектах западного мира» [4, с.268].

В иерархии целей общества и государства, в его пра-

вовой системе, в практике ее осуществления интересы человека должны стоять всегда на первом месте. И когда мы говорим, что человек – «цель, а не средство», то мы имеем в виду именно заботу государства об охране прав и свобод каждого человека и его человеческого достоинства. Основные человеческие ценности, как-то: свобода, человеческое достоинство, справедливость, сама человеческая жизнь и ряд других – должны выступать в правовом опосредовании или, как справедливо подчеркивал В. С. Нерсесянц, «должны являться формально-правовыми качествами, должны входить в понятие права и правовой культуры, быть возможны и выразимы в правовой форме» [7, с.165].

В этой связи ментальная основа правовой культуры выступает своеобразным критерием в определении качественной стороны правовой реальности жизни людей, т.к. всегда частью правовой культуры граждан будут выступать исторически сложившиеся правовые обычаи и традиции, отражающие глубинные «пласты» нравственности, психологии, идеологии и правового сознания человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: введение в общую теорию. – Саратов: СГУ, 2001. – 296 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Мысль, 1990. – 640 с.
3. Гуревич С.С. Менталитет и культура современного общества. – М.: Издательский дом СПб, 2008. – С. 116 - 117.
4. Запесоцкий А.С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 605 с.
5. Иконникова С.Н. Русский национальный характер: грани ментальности // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире. VII Международные Лихачевские научные чтения. – СПб., 2007. – С. 119-121.
6. Лихачев Д.С. Избранные труды по рукописной мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2006. – 540 с.
7. Нерсесянц В.С. Актуальные проблемы теории государства и права. – М.: Норма-Инфа, 2001. – 816 с.

© Каландаришвили Зураб Нодарович (zurab.kalandarishvili@yandex.ru), Гезенко Дарья Павловна (billy_92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В МОЛОДЕЖНЫХ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Сенченко Наталья Анатольевна

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь
senchenko_n.a@mail.ru

PECULIARITIES OF COMMUNICATION IN YOUTH VIRTUAL COMMUNITIES

N. Senchenko

Summary: The article deals with the features of communication in virtual communities. The author notes that immersion in the virtual world can be disastrous for minors. The article analyzes various virtual communities and general features of communication in them. The paper highlights the main characteristics of social networks: instability, hierarchy and the installation of expert authority. In addition, the author notes that the specifics of interaction are changing and the consideration of communicative activities in the Internet space should take place in parallel with progress, and change when new methods of communication appear on the Internet. The author analyzes the interaction in deviant communities.

Keywords: virtual community, social networks, deviation, youth and adolescents, communication.

Аннотация: В статье идет речь об особенностях коммуникации в виртуальных сообществах. Автор отмечает, что для несовершеннолетних погружение в виртуальный мир может стать губительным. В статье анализируются различные виртуальные сообщества и общие особенности коммуникации в них. В работе отмечены основные характеристики социальных сетей: нестабильность, иерархичность и установку экспертной власти. Кроме того, автор отмечает, что изменяется специфика взаимодействия и рассмотрение коммуникативной деятельности в интернет-пространстве, должно проходить параллельно с прогрессом, и видоизменяться при появлении новых способов общения в интернете. Автором анализируется взаимодействие в сообществах девиантной направленности.

Ключевые слова: виртуальное сообщество, социальные сети, девиация, молодежь и подростки, коммуникация.

Введение

Современные интернет-коммуникации позволили человечеству не только сократить время получения информации, но и расширить возможности взаимодействия с другими людьми, невзирая на расстояние. В интернет-пространстве появляются новые площадки для общения людей – социальные сети, виртуальные сообщества, чаты, блоги. Виртуализация жизнедеятельности населения приводит к тому, что данная возрастная категория имеет несформированные навыки коммуникации в реальном пространстве, что делает виртуальное пространство еще желаннее.

Несовершеннолетние погружены в виртуальный мир, нередко, именно его воспринимая как реальный, но безопасный, игнорируя негативные примеры, приводимые взрослыми. Удовлетворение социальных потребностей в общении, игре, позитивном подкреплении [1-4] становится первостепенным для подростков и приводит подростков к поиску сообществ, где данные потребности будут удовлетворены в полной мере. При этом наиболее привлекательными для тинэйджеров становятся виртуальные субкультуры с девиантной направленностью в силу особенностей возраста и желания быть не такими как все.

Научная проблема исследования заключается в ана-

лизе особенностей коммуникации подростков и молодежи в молодежных виртуальных сообществах для создания системы превентивных мер против пагубного воздействия этих субкультур на личность.

Цель статьи – описание специфики общения в виртуальных сообществах.

Основное изложение материала

Прежде всего определимся с факторами привлекательности виртуальных сообществ и коммуникации в интернет-пространстве.

Так, в исследованиях А.И. Лучинкиной были выделены следующие характеристики: полифоничность как реакция одновременно на группу сообщений и создание комплексного ответа; поликультурность как возможность одновременного общения большого количества представителей различных культур и субкультур; гипертекстовость и интерактивность; анонимность и дистанцированность; добровольность и желательность контактов; заместительный характер общения [7].

В исследованиях других ученых отмечается возможность найти собеседников в любой точке мира; комфортность нахождения в знакомом пространстве; доступность к информации о личности партнера; обратимость

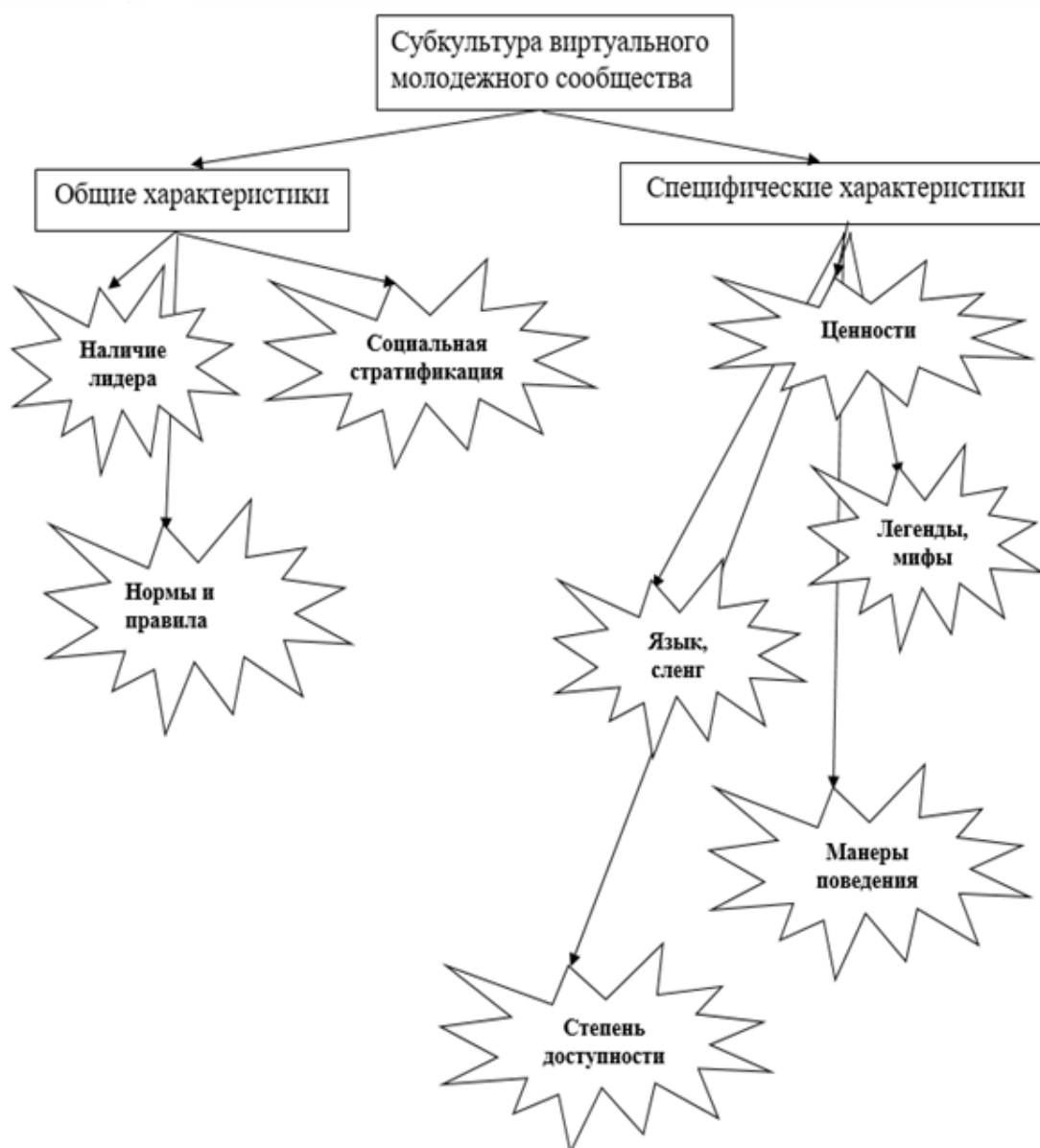

Рис. 1. Субкультура виртуального молодежного сообщества

времени [2,4, 10,14,15,16].

Следует отметить, что исследователи выделяют в качестве основных причин обращения молодежи в виртуальные сообщества, в том числе девиантной направленности, следующие: разочарование в реальном мире, невозможность найти свою референтную группу, неудовлетворенные потребности в позитивной оценке и самооценке, самореализации, проблемы с налаживанием общения в реальном пространстве [7,11,12, 15].

Особенностью интернет-коммуникации является инкультурация пользователя, принятие им норм и правил жизни в виртуальном сообществе, присоединение к сленгу, перенос акцентов на графические символы.

Одним из важных аспектов, способствующих инкультурации личности в виртуальном пространстве, ученые считают субъектность интернет-пользователя [9], приводящую к обмену идентичностями.

Кроме того, исследования коммуникаций в виртуальных сообществах выявили такие особенности, как затруднение эмоционального компонента, стремление к нетипичному, ненормативному поведению, являющейся презентацией себя с иной стороны, чем в условиях реальной социальной нормы, и проигрывание нереализуемых в внесетевой деятельности роли, либо сценарии ненормативного поведения [8].

Опираясь на типы культур, выделенные Маргарет

Мид, обозначим культуру интернет-сообществ, как префигуративную, с учетом того, что современная молодежь быстрее осваивает интернет-технологии, но имеет меньший социальный опыт, чем более взрослое поколение [9]. Именно в связи со сказанным, подростки и молодежь быстрее, чем взрослые погружаются в интернет-пространство и осваивают его культурное поле с риском для общепринятой культуры.

Вследствие расширения жизненного пространства личности от реальности в виртуальность осуществляется перенос имеющихся или рождение новых субкультур в виртуальном пространстве как менее освоенном людьми. При этом виртуальные субкультуры обладают всеми характеристиками реальных и являются материалистическим доказательством реальности жизни в виртуальном сообществе.

Если виртуальное сообщество, по мнению ученых (Р. Рейнгольд, М. Маккьюэн) [13] представляет собой большее количество людей, лично вовлеченных в процесс общения по принципу обратной связи, связанных с существующим культурным контекстом и не зависящих от реальных прототипов [13]. По мнению исследователей, основными отличиями виртуальных сообществ от реальных являются отсутствие пространственно-временных ограничений и свобода выбора идентичности.

Кроме того, ученые в качестве основных общих характеристик следующие: наличие модераторов (админов), наличие структуры, свод норм и правил. При этом в качестве специфических характеристик могут выступать собственные правила, наличие групповых мифов, легенд, сленга, отсутствие территориальной приближенности.

Субкультура, по мнению исследователей, представляет собой отличающуюся от общепринятой часть культуры, имеющую свои ценности, языки, манеры поведения [3,5].

Таким образом, между виртуальным сообществом и субкультурой существует явное сходство. Так, любое виртуальное сообщество имеет свою систему ценностей, свой язык, свою иерархию (организацию) и даже социальную стратификацию [6,7,8].

Многие исследователи отмечают короткий срок жизни виртуальных сообществ, зачастую это 2-3 года, при этом более долговечные сообщества отмечаются лишь как исключения [8].

При этом виртуальная субкультура может быть рассмотрена в широком и узком смысле слова. В широком смысле как виртуальная культура в целом. В узком – как часть виртуальной культуры, имеющая общие с нею ха-

рактеристики, но обладающая собственной спецификой (рис.1).

В нашем исследовании мы исходим из определения виртуальной субкультуры в узком смысле слова.

Как видно на рисунке 1, все виртуальные субкультуры имеют общие и специфические характеристики. В качестве примера рассмотрим виртуальное сообщество «Смерть». Количество подписчиков – 125198 человек. Аудитория молодежная. В сообществе прослеживаются типичные для всех виртуальных объединений характеристики – наличие модераторов. Следует отметить, что о существовании модератора или администратора группы можно узнать только из косвенных сообщений в общем контенте: «Админу на гроб!»; «Админ ожил!».

Социальная стратификация в сообществе не выражена явно и проявляется в количестве «лайков» и длине сообщений в темах. Наблюдается дифференциация членов сообщества по репутации, количеству постов и комментариев. При этом репутация напрямую связана с количеством «лайков», что придает общению конкурентный характер. Анализ доступного группового контента позволил определить группы экспертов, к чьим мнениям прислушивается большое количество членов сообщества.

Е.П. Белинская отмечает, что виртуальные сообщества обладают всеми характеристиками социальной организации, в том числе и открытостью, свободой, отсутствием границ [1]. Однако, зачастую это не так. Модераторы чаще всего ограничивают эту свободу в сети, путем оказания влияния на членов группы, наказания девиантного поведения. Обычно нарушителей исключают из группы, отправляют в «бан».

Нормы и правила группы прописаны в легенде группы.

От стандартного общения в социальных сетях общение данной группы отличается высоким интересом к теме смерти, что при таком большом количестве участников переводит сообщество в группу риска. По сути, мы имеем дело с субкультурой смерти.

Собственно, с этого и начинаются специфические характеристики данной субкультуры. Легенда данной группы включает в себя нормы и правила субкультуры (рис.2)

Основными ценностями данного сообщества являются ценности смерти. Весь контент направлен на декларацию этих ценностей (рис.3). Сообщения другой направленности не становятся популярными и не всегда пропускаются администратором группы.

☰ Данная публичная страница НЕ предназначена для призыва к суициду и распространения национальной, расовой, религиозной, политической или какой-либо другой неприязни. Публикации НЕ несут под собой цели оскорбить чьи-то религиозные, атеистические, философские или какие-либо другие чувства.
Группа несёт исключительно развлекательный характер.

Рис. 2. Легенда сообщества

Рис. 3. Ценности группы

Таблица 1

Частота употребления отдельных слов в сообществе

Слово	Частота употребления, в абсолютных единицах	Слово	Частота употребления, в абсолютных единицах
Смерть	987	Захоронение	206
Гроб	791	Петля	126
Депрессия	412	Время	111
Сдохнуть	312	Повеситься	49
Суицид	309	Яд	34

Как видно на рисунке 3, сообщения суицидальной направленности имеют большое количество просмотров и одобрений.

Следует отметить, что негласным правилом хорошего тона данной группы является иронизация смерти. Контент анализ 1000 сообщений на стене сообщества в социальной сети «ВКонтакте» позволил выделить частоту употреблений отдельных слов (см. табл.1).

Как видно по данным, приведенным в таблице 1, язык данного сообщества изобилует «смертоносными» терминами, что существенно отличает его от языков других сообществ.

По степени доступности – открытая группа, что лишает ее некоторой элитарности, свойственной другим молодежным субкультурам.

Данное сообщество создано в июле 2018 года на

фоне блокирования контента «групп смерти». Следует отметить, что динамика присоединения к сообществу позитивная и в настоящий момент. При этом, мы отмечаем нестабильность самих сообществ как одну из их особенностей.

Следует отметить, что в сетевом общении визуальный и телесный контакт уходят на второй план, уступая тексту, что приводит к утомляемости коммуникаторов и их истощаемости. При этом анонимность становится скорее мечтой, чем реальностью. Приватность реальной жизни растворяется в виртуальных сообществах, отражаясь в личных комплексах и проблемах, выносимых на обсуждение широкой аудитории.

Таким образом, виртуальное сообщество отличается от других форм виртуальной коммуникации прежде всего осознанием наличием общих ценностей и целей, регулярностью участия пользователями в жизни сообществ, путем обратной связи и общения между собой.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинская Е.П. К проблеме групповой динамики сетевого сообщества //2-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. – М.: Эксплицентр РОСС, 2000. – С. 249–251.
- Кремлева С.О. Сетевые сообщества [Электронный ресурс] / Электронный режим доступа: <http://www.follow.ru/article/116> – (дата обращения: 17.11.2017).
- Круталевич, А.Н. Структурно-аналитический подход к изучению субкультур / А.Н. Круталевич // Культура и искусство. – 2016. – №1 (31). – С. 41–45.
- Куликов Д.В. Феномен сетевого сообщества [Электронный ресурс] / Д.В. Куликов. – Электронный режим доступа: http://vio.uchim.info/Vio_35/cd_site/articles/art_2_1.htm – (дата обращения: 17.11.2017).
- Левикова С.И. Молодежная субкультура: Учебное пособие / С.И. Левикова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 608 с.
- Лучинкина А.И. Методологические проблемы исследования коммуникативного поведения пользователей в интернет-пространстве / А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина. – Гуманитарные науки. – Ялта, 2017. – № 4. – С. 42.
- Лучинкина А.И. Психологические закономерности социализации личности в виртуальном пространстве [Электронный ресурс] / А.И. Лучинкина. – Электронный режим доступа: <https://psy.su/psyche/projects/1416/> – (дата обращения: 22.02.2018).
- Лучинкина И.С. Особенности коммуникативного поведения в интернет-пространстве подростков с разными типами суицидального поведения / А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина. – Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 128–143.
- Мид М. Культура и мир детства / М.Мид. – М.: 1998. – С. 88–171; 322–362.
- Мясников М.Л. Трансформация социальной среды: понятие сетевого сообщества / М.Л. Мясникова, В.Л. Мясникова. // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. – 2013 – С. 268–273.
- Плешаков В.А. Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен [Электронный ресурс] / В.А. Плешаков. – Электронный режим доступа: http://sirdionis.ucoz.ru/load/prezentacija_po teme_kibersocializacija/ – (дата обращения: 17.11.2017).
- Ратунова Л. Личность и виртуальная социализация [Электронный ресурс] / Л. Ратунова. – Электронный режим доступа: <http://wiki.iteach.ru/index.php> – (дата обращения: 4.09.2017).
- Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Говард Рейнгольд. – Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
- Репкин Д. Виртуальная реальность [Электронный ресурс] / Д. Репкин – Электронный режим доступа: http://www.virtual.ru/virtual_reality.html – (дата обращения: 4.09.2017).
- Скуратов А.Б. Локальные интернет-сообщества крупного российского города: социально-стратификационный анализ / А.Б. Скуратов // Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. – Екатеринбург, 2009. – 21 с.
- Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отв. ред. Верченев Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. – М., 2013. – 360 с.

© Сенченко Наталья Анатольевна (senchenko_n.a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ ДИАЛОГА И КОММУНИКАТИВНАЯ ИНИЦИАТИВА СОБЕСЕДНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСА ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ)

Афиногорова Виктория Алексеевна

К.псих.н., н.с., ФГБУН Институт психологии РАН (Москва)

AfinogenovaVA@ipran.ru

SUBSEQUENT DIALOGUE PROGRESS AND INTERLOCUTORS' COMMUNICATION INITIATIVE (ON THE MATERIAL OF CHILDREN AND ADULT ORDINARY DISCOURSE)

V. Afinogenova

Summary: This research was associated with illocutionary mechanism of dialogue progress which determined necessity of special type replica as a reply for initiating communication step. We analyzed 10 dialogues of children aged 4 to 5 years during free time games and 10 adult dialogues during free time interaction in lecture's breaks. The study shows that subsequent dialogue progress occurs in illocutive dependent communication steps during interlocutors' speech interaction. It breaks when illocutive independent communication steps and communication initiative are realized. Different kinds of communication initiative and further transformations of speech interaction are described.

Keywords: speech interaction, ordinary discourse, intent-analysis, illocutionary mechanism of dialogue progress, illocutive dependent and independent communication steps, interlocutors' communication initiative.

Аннотация: Исследование посвящено изучению иллокутивного механизма развития диалога, определяющего необходимость высказывания определенного типа в ответ на инициирующий коммуникативный ход партнера. Материалом послужили 10 диалогов детей 4-5 лет в ситуации свободной игры и 10 диалогов взрослых в ситуации свободного общения в перерывах учебных занятий. Показано, что в процессе речевого взаимодействия в иллокутивно вынужденных коммуникативных ходах происходит последовательное развертывание диалога. Оно нарушается при появлении иллокутивно независимых коммуникативных ходов и реализации коммуникативной инициативы. Охарактеризованы варианты ее проявления и следующие за этим изменения процесса речевого взаимодействия.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, повседневный дискурс, интен-анализ, иллокутивный механизм развития диалога, иллокутивно вынужденные и независимые коммуникативные ходы, коммуникативная инициатива собеседников.

Введение

Тема речевого взаимодействия занимает важное место в ряду психологических проблем. К ней неизменно обращаются исследователи со всего мира. Достижения в этой научной области, в первую очередь, связаны с формированием коммуникативного подхода и междисциплинарной дискурсивной парадигмы. С другой стороны, значительный вклад в ее изучение вносят исследования конверсационного анализа, позволяющие реконструировать базовые принципы согласования реплик [21, 22, 23 и др.], а также исследования разговорной речи, которые дают возможность раскрыть влияние ситуационных и коммуникативных факторов на протекание взаимодействия [4, 11 и др.]. Вместе с тем многие вопросы и по сей день остаются открытыми.

Особенно значимой представляется проблема психологических механизмов, объединяющих реплики партнеров в единое целое. В этой связи перспективным ви-

дится подход, известный как интен-анализ [16], в основе которого лежит представление об интенциях субъекта как психологической основе дискурса. Данный подход позволяет охарактеризовать интенциональные особенности различных видов дискурса [5; 6; 7; 9; 13, 15 и др.]. В частности, на материале повседневного студенческого дискурса показано [1], что процесс интенционального согласования реплик отличается гибкостью, что акцентирует активную роль субъектов взаимодействия. Все это побуждает к динамичному изучению иллокутивного механизма развития диалога.

В настоящей работе предполагается продолжить исследование этого механизма, начатое ранее [3], обратившись к анализу диалоговых форм детского дискурса и дискурса взрослых в непринужденной ситуации, которая не накладывает на процесс взаимодействия каких-либо ограничений. Множество работ, посвященных анализу речи в различных условиях и коммуникативных контекстах [4, 5, 9, 10, 12 и мн. др.], выполнено на речевом

материале взрослых собеседников. При этом немало работ посвящено и изучению детской речи. Они касаются усвоения языка, совершаемых речевых ошибок, круга реализуемых детьми речевых интенций [8, 14, 18, 19, 20 и мн. др.]. Однако сам процесс речевого взаимодействия и соотношение в нем иллокутивно вынужденных и независимых коммуникативных ходов требуют дальнейшего изучения. В связи с этим задачами исследования являются получение новых данных о действии иллокутивного механизма развития диалога и проявлениях коммуникативной инициативы взрослыми и юными собеседниками в условиях свободной мены ролей «говорящий – слушающий», а также анализ интенциональных оснований повседневного дискурса взрослых и детей.

Сформулированы следующие эмпирические гипотезы исследования: 1. Иницирующий коммуникативный ход определяет реализацию иллокутивно вынужденного коммуникативного хода, что обеспечивает последовательное развертывание диалога. 2. Иллокутивно вынужденные коммуникативные ходы собеседников сочетаются в процессе взаимодействия с иллокутивно независимыми коммуникативными ходами. 3. Иллокутивно вынужденные коммуникативные ходы содержат различные типы интенционального отклика, среди которых преобладает безотлагательный. 4. Проявление коммуникативной инициативы сопряжено с изменением линии развития диалога, что чаще обнаруживается в диалогах детей.

Методика

В исследовании приняли участие 15 взрослых в возрасте 19-20 лет, являющихся студентами одной группы факультета психологии ГАУГН, и 15 детей в возрасте 4-5 лет, посещающих одну группу детского сада. Объектом исследования стали разговоры в ситуации повседневного общения взрослых (в перерывах учебных занятий) и детей (в процессе свободной игры в группе). Было записано 10 разговоров взрослых (366 коммуникативных ходов) и 10 разговоров детей (371 коммуникативный ход). Разговоры имели разную продолжительность и количество собеседников.

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом «скрытого магнитофона» [17]. Аудиозаписи были транскрибированы с опорой на методики Аткинсона-Херитаджа и Китайгородской-Розановой [10; 24]. Для выявления интенций собеседников применен метод интен-анализа, который позволяет осуществлять реконструкцию интенций по продуцируемой речи [16]. Для статистической обработки данных использован программный пакет Statistica 10, частотный анализ, точный

критерий Фишера.

Результаты и их обсуждение

Проведенный интен-анализ позволяет описать интенциональный состав повседневного дискурса взрослых и детей. Выявлено 37 категорий интенций, среди которых наиболее частотны (>30 случаев реализации) в дискурсе взрослых «пояснить», «информировать», «подтвердить» и др., в дискурсе детей – «пояснить», «информировать», «похвастаться» и др.

Последовательное развертывание диалога обнаруживается в коммуникативных ходах партнеров (n=366 – дискурс взрослых; n=371 – дискурс детей)¹. В диалогах взрослых и детей были выделены иллокутивно вынужденные (ИВКХ) и независимые (ИНКХ) коммуникативные ходы. Оказалось, что ИВКХ преобладают в обоих типах дискурса (n=332 и n=289 соответственно) (точный критерий Фишера, $p < 0,00001$). Собеседники высказываются, отвечая на иницирующий коммуникативный ход партнера, тем самым реализуется иллокутивный механизм развития диалога («Помогите / пожалуйста / мне //» - «Я сейчас тебе помогу //»). При этом в диалогах взрослых ИВКХ появляются значимо чаще (точный критерий Фишера, $p < 0,0001$): взрослые собеседники имеют больший опыт коммуникации, хорошо знакомы с общими правилами ведения диалога и стараются поддерживать его течение, откликаясь на слова партнера.

Реализованные в коммуникативных ходах интенции получают различные отклики собеседников (n=310 – дискурс взрослых; n=328 – дискурс детей). Выявлено, что в диалогах взрослых и детей преобладают безотлагательный и множественный типы отклика. Безотлагательный отклик реализуется в последующем коммуникативном ходе партнера: «Ты завтра придешь [на лекции]?» - «**Да // Я теперь каждый день ходить буду!**» (56,5% и 57,7% соответственно). Множественный отклик содержит безотлагательный и отсроченный / невербальный отклик на реализованную интенцию: «Это мой рисунок!» - «**Вот этот? (указывая жестом на лист)**» (38,1% и 37,5% соответственно). Отсроченный (спустя несколько коммуникативных ходов) отклик партнера обнаруживается нечасто: «Она [преподаватель] сказала / что постарается выздороветь к следующему четвергу //» - «А-а-а //» - «**То есть у нас практика сдвигается?!**» (2,5% и 2,4% соответственно). В отдельных случаях отклик на сказанное носит невербальный характер и проявляется в ответных действиях собеседника: «А на завтра ничего не надо [выполнять] / да?» - «**Партнер кивает головой**» (2,9% и 2,4% соответственно).

¹ Под коммуникативным ходом мы понимаем единство реализованной говорящим реплики и сопутствующих невербальных проявлений (смех, жесты, действия и пр.).

Значимых различий между анализируемыми видами дискурса в количестве интенций, получивших тот или иной отклик собеседника, не обнаруживается (точный критерий Фишера, $p > 0,05$). Это свидетельствует о схожести коммуникативной ситуации, где возможно свободное общение, не регламентированное статусом или иными рамками.

Нарушение иллокутивного механизма развития диалога происходит при появлении ИНКХ («*Смотри / как самолет летит // Вжух-вжух-вжух //*» - «**А ты знаешь / как мы один аз с Д. встелились / и он сказал: «Пивет / пока //**»»), которые значимо чаще обнаруживаются в диалогах детей ($n=82$) (точный критерий Фишера, $p < 0,00001$): маленькие собеседники более прямолинейны и с легкостью манифестируют свои актуальные намерения, часто не обращая внимания на интенции других участников диалога.

Реализация иллокутивно независимых коммуникативных ходов является проявлением коммуникативной инициативы говорящего. В рамках текущей линии диалога она сопряжена с реализацией своей актуальной интенции ($n=20$ – дискурс взрослых; $n=22$ – дискурс детей) или продолжением диалога после перебивания ($n=3$; $n=1$) и не обнаруживает значимых различий в повседневном дискурсе взрослых и детей (точный критерий Фишера, $p > 0,05$).

Однако маленькие собеседники значительно чаще меняют текущую линию диалога ($n=59$ против $n=9$): возвращаются к прежней либо начинают новую (точный критерий Фишера, $p < 0,00001$). Детский диалог более динамичен и менее целостен в тематическом плане, что согласуется с мнением Н.И. Лепской о «неожиданной смене тем» в диалоге ребенка [14].

При этом в дискурсе детей не наблюдается случаев реализации коммуникативной инициативы, связанной с включением нового партнера в диалог, как у взрослых коммуникантов ($n=2$): «*Мне как-то все равно / в какой группе быть //*» - «**Аня //**» - «**А //**» - «**Твой телефон даем руководителю практики? //**». Дети включаются в диалог спонтанно, выражая свое мнение, при этом не спрашивая желаний говорящих.

Отсутствие отклика собеседника обнаруживается как в случае реализации ИНКХ, так и при появлении в диалоге ИЗКХ, которые содержат частичный отклик на интенции собеседника: наиболее важная для говорящего интенция получает отклик, а остальные остаются без ответа. Значимых различий в вариантах отсутствия отклика в повседневном дискурсе взрослых и детей не обнаруживается (точный критерий Фишера, $p > 0,05$) ($n=236$ – дискурс взрослых, $n=223$ – дискурс детей).

Роль конвенциональных факторов, связанных с ти-

пом реализуемых интенций, не велика (15,3% и 12,1% соответственно). Так, обязательного отклика не предполагают интенции активного слушания («подтвердить», «выразить понимание», «солидаризоваться», «обозначить участие»), а также «этикетные» интенции («поприветствовать», «поблагодарить»).

Преобладающими являются случаи отсутствия отклика, связанные с влиянием коммуникативных факторов (84,7% и 87,9% соответственно), обнаруживающих позиции коммуникантов. Среди них значительное место (46,6% и 50,2% соответственно) занимают случаи отсутствия отклика партнера на отдельные составляющие коммуникативного хода («*Ой / объясните мне / как решать такие задачи // Я не понимаю //*» - «**Там очень легко //**»), в частности, интенции эмоционального плана.

Вместе с этим нередко обнаруживаются случаи коммуникативного саботажа (38,1% и 37,7% соответственно): говорящий игнорирует интенции партнера, реализуя свои актуальные стремления либо отсроченный / множественный отклик на выраженные ранее интенции («*Ты / что / опять учишься? //*» - «**Снова //**» - «**Молодец! Как жизнь? //**» - «**Жизнь / штука изменчивая //**» - «**А ты чего так поздно начал обучаться? //**»). Последнее отличает его от понятия коммуникативной инициативы, которая подразумевает реализацию говорящим своих актуальных интенций и обнаруживается в иллокутивно независимых коммуникативных ходах («*Я из ГУГНа ушел и по сути в ГУГН должен был восстановиться //*» - «**Ну и правильно //**» - «**Чего у вас тут за предмет? //**»).

Еще одним интересным фактом представляется значительное количество различных невербальных проявлений ($n=100$), которые чаще фиксируются в повседневном дискурсе детей (точный критерий Фишера, $p < 0,00001$): «*У меня здесь не болит // У меня здесь пластырь //*» (показывая свою руку); «*Мне нужны карандасы //*» - «**Вот**» (двигая стаканчик с карандашами). Подобные невербальные проявления играют важную роль в коммуникации и необходимы для передачи дополнительных оттенков смысла речевого сообщения, которые маленький собеседник пока не может выразить вербально. По мере взросления значимость кинетического канала коммуникации снижается, при этом начинает доминировать акустический канал [14], что и обнаруживается при анализе повседневно дискурса взрослых: доля невербальных проявлений резко снижается ($n=27$).

Заключение

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что иллокутивный механизм развития диалога представляется универсальным и обнаруживается в разных типах дискурса, при взаимодействии как взрослых, так и маленьких собеседников. Последовательное развертывание диалога происходит за счет реализации иллокутивно

вынужденных коммуникативных ходов, которые преобладают в речевом взаимодействии взрослых и детей. В диалогах взрослых и юных собеседников преобладают безотлагательный и множественный отклики на выраженные в коммуникативных ходах интенции.

Проявления коммуникативной инициативы, которые обнаруживаются в иллокутивно независимых коммуникативных ходах, изменяют линию развития диалога: начинается новая или возобновляется прежде обсуждаемая. Маленькие собеседники значительно чаще меняют текущую линию диалога, что указывает на динамичность их взаимодействия.

Отсутствие отклика собеседника на реализованные

интенции определяется как в иллокутивно вынужденных, так и иллокутивно независимых коммуникативных ходах и не обнаруживает значимых различий в речевом взаимодействии взрослых и маленьких собеседников. Роль конвенциональных факторов, сопряженных с типом выражаемых интенций, не велика. Преобладающими являются факторы коммуникативного плана, связанные с позициями собеседников.

Исследование иллокутивного механизма развития диалога планируется продолжить на материале других видов дискурса, в которых однозначно определены коммуникативные роли собеседников, что позволит получить новые данные об особенностях его функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Афиногенова В.А. Интенциональная организация речевого взаимодействия в неформальном повседневном дискурсе: дис. ... канд. псих. наук. М., 2015. 234 с.
- Афиногенова В.А. Речевое взаимодействие собеседников в диалоге // Психология когнитивных процессов: сборник статей / под ред. В.В. Селиванова. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. С. 16–26.
- Афиногенова В.А. Функционирование механизма иллокутивного вынуждения в речевом взаимодействии собеседников // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3.
- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.
- Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А. Реализация отношений доминирования-подчинения между членами семьи в повседневном дискурсе // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 4. С. 75–87.
- Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д., Афиногенова В.А. Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 201–219.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2011. 368 с.
- Елисеева М.В. Становление индивидуальной языковой системы ребенка М.: Языки славянских культур, 2015. 344 с.
- Кириллова Е.Ю. Интенциональная структура слова в психотерапевтической помощи другому // Мир психологии. 2014. № 2. С. 190–201.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
- Кубрак Т.А. Интенция самопрезентации субъекта в различных видах дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 185–204.
- Лепская Н.И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации / Сост. и подг. текста Т.В. Базжиной. 2-е изд. М.: РГГУ, 2017. 311 с.
- Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Гребенщикова Т.А. Речевое взаимодействие в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 41–54.
- Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Институт психологии РАН, 2017. 151 с.
- Русская разговорная речь. Тексты / сост. Г.А. Баринаева, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе и др. М.: Наука, 1978. 307 с.
- Ушакова Т.Н., Бартенева З. С. Психологическое содержание речи ребенка 3–5 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 56–64.
- Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка: учебное пособие для студентов вузов. М.: Владос, 2017. 240 с.
- Шахнарович А.М. Детская речь в зеркале психолингвистики: лексика, семантика, грамматика. М.: Институт языкознания РАН, 1999. 165 с.
- Drew P., Heritage J. Talk at work. Cambridge: Cambridge university press, 1992. 520 p.
- Heritage J. Conversation analysis: Practices and methods // Qualitative research: Theory, method and practice, 3rd edition / ed. Silverman D. - L.: Sage, 2011. - P. 208-230.
- Schegloff E.A. Repair after next turn: The last structurally provided defense of intersubjectivity in conversation // American Journal of Sociology. 1992. V.97. P. 1295-1345.
- Structures of Social Action: Studies in Conversation analysis / ed. Atkinson J.M., Heritage J. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 464 p.

© Афиногенова Виктория Алексеевна (AfinogenovaVA@ipran.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В КОНСУЛЬТАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Бархоянц Галина Владимировна

Соискатель, Кубанский государственный университет

alexayhta@mail.ru

DIRECTIONS FOR USING POSITIVE PSYCHOTHERAPY IN THE CONSULTATION PROCESS

G. Barkhoyants

Summary: The article reveals the theoretical essence of positive psychotherapy, as well as the directions of its use in psychological counseling. The use of techniques and techniques of positive psychotherapy in short-term counseling is justified. The directions of using positive psychotherapy in the framework of personal growth of the client, in crisis situations when emotional burnout occurs, as well as in situations of optimizing family and child-parent relationships are specified.

Keywords: positive psychotherapy, consultation process, psychological counseling, five-step strategy, positive interpretation, personal growth, conflict, current abilities.

Аннотация: В статье раскрывается теоретическая сущность позитивной психотерапии, а также направления ее использования в психологическом консультировании. Обосновано применение техник и приемов позитивной психотерапии в практике краткосрочного консультирования. Конкретизированы направления использования позитивной психотерапии в рамках личностного роста клиента, в кризисных ситуациях при возникновении эмоционального выгорания, а также в ситуациях оптимизации семейных и детско-родительских отношений.

Ключевые слова: позитивная психотерапия, консультативный процесс, психологическое консультирование, пятиступенчатая стратегия, позитивная интерпретация, личностный рост, конфликт, актуальные способности.

Позитивная психотерапия является одним из видов «жизнеутверждающей», гуманистически направленной помощи человеку, основным постулатом которой является вера в его возможности и способности к преодолению трудностей, болезней и проблем. Автором данной концепции является Носсрат Пезешкиан.

В основе данной терапии лежат три принципа:

- позитивное отношение человека к своей болезни, проблеме, неврозу.
- реализация содержательной оценки конфликта (анализ беспокоящих человека проблем);
- пятиступенчатая терапия самопомощи (при консультативном руководстве психотерапевта). [1]

В соответствии с изучаемой концепцией, основу человека составляют две ведущие способности и потребности - познавать и любить. Способность и потребность к познанию относится к рациональной сущности, а способность любить - к эмоциональной, духовной сущности человека.[2] В ходе личностного развития, в рамках семейного воспитания, под влиянием определенных религиозных и мировоззренческих взглядов, данные способности часто развиваются негармонично, что приводит в дальнейшем к психическим дисфункциям, ряду трудностей во взаимодействии, а также к возникновению болезней.

Использование позитивной психотерапии в практике

психологического консультирования вполне оправдано, так как ее содержание в полной мере соответствует целям данного направления практической психологии, а именно: помощи психически здоровым индивидам в достижении ими целей личностного роста, поиске множества альтернативных решений возникшей проблемы. В широком смысле позитивная психотерапия помогает принять и интегрировать разные качества и личностные характеристики, осознать и позитивно интерпретировать их, выявить скрытые ресурсы и способности и научить самопомощи.

Техники позитивной психотерапии могут с успехом использоваться как в групповом, так и в индивидуальном консультировании. Целью данной статьи является конкретизация направлений использования позитивной психотерапии в консультативном процессе, описание их сущности и специфики применения.

Рассмотрим возможные направления использования:

1. Личностный рост и достижение психологической зрелости. Здесь можно выделить следующие векторы саморазвития:
2. формирование позитивной «Я-концепции» личности, основанной на интеграции всех качеств и свойств, принятие позитивной сущности человека с опорой на его потенциал;
3. обучение навыкам пятиступенчатого самоана-

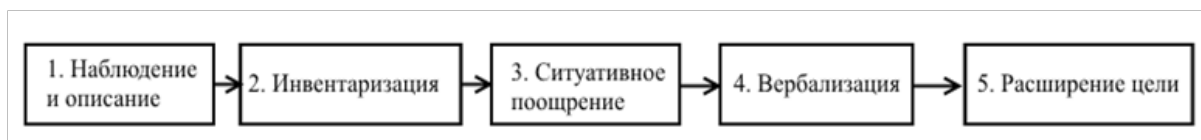

Рис. 1. Ступени пятиступенчатой стратегии [1]

Рис. 2. Исследование основных сфер жизни человека в консультативном процессе [3]

лиза как определенной стратегии самопомощи. Данную модель человек (клиент) сможет использовать при структурировании отношений, изучении особенностей взаимодействия (в том числе в условиях конфликта), при выборе альтернативных подходов в решении проблем.

Так, в рамках развития конфликто-разрешающего поведения, клиент совместно с психологом учится:

- выделять причины конфликта, к основным из которых относят: контекст ситуации, индивидуальные психологические реакции, личностные особенности партнеров.
- исследовать возможные последствия на качество жизни;
- критически относиться к стереотипам индивидуального поведения в зависимости от сформировавшейся системы отношений (К «Я», «Ты», «Мы» и «Пра-мы») [3].

На рисунке представлены основные этапы (ступени) данной модели, демонстрирующие динамику процесса самоисследования и постепенного выхода из порочного круга проблем, ошибок и конфликтов.

Профилактика эмоционального выгорания, мобилизация способностей к самопомощи за короткий период времени. В решении этой задачи помогает техника гармонизации основных четырех сфер жизни, достижение

баланса между ними. Человек учится соблюдать баланс, проводя инвентаризацию, исследование данных сфер (Рисунок 1) с помощью психолога, вопросов проясняющих роль и влияние каждой из них на качество жизни в целом.

Проводя такое исследование в консультативном процессе клиент получает следующие навыки:

1. умения и способы установления контактов с окружающим миром;
2. навыки в применении форм разрешения конфликтов;
3. саморазвитие и повышение осведомленности в оценке качества жизни;
4. расширение способов познавать мир.[3]

Гармонизация семейных отношений, обучение стратегиям сотрудничества на основе формируемых в консультативном процессе партнерских отношений. К работам Н. Пезешкиана относятся «Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт» [5], «Тренинг семейных отношений. 33 и 1 формы партнерства», в содержании которых излагается оригинальная концепция семейных конфликтов, рассматриваются основы формирования партнерских отношений, техники самопомощи.

Важным направлением в консультативной работе являются психосоматические проблемы. В одном из значимых трудов «Психосоматика и позитивная психотера-

пия» Н. Пезешкиан на примере 40 историй болезней дает представление о физиологических механизмах психологической помощи, что также является неотъемлемой частью психокоррекции в работе с проблемами клиента. В частности психологу важно четко осознавать и прорабатывать «психосоматические симптомы как индикаторы конфликтного или недостаточного переживания»[4], либо как проявление конфликтного переживания клиента. Клиент вместе с психологом учится позитивному подходу к своему заболеванию, включающему в себя:

- учет как индивидуальных, так межкультурных особенностей;
- позитивную интерпретацию симптома;
- разговорную, рациональную терапию.

Еще одно направление использования позитивной психотерапии в консультативном процессе – это оптимизация воспитания детей, развитие педагогической мудрости родителей. В этой связи хотелось бы упомянуть такие труды основателя научной школы, как «Психотерапия повседневной жизни. Тренинг в воспитании партнерства и самопомощи»[1], «Торговец и попугай»[2], «Если ты хочешь иметь то, что никогда не имел, тогда сделай то, чего никогда не делал»[3]. Суть излагаемого подхода в воспитании детей заключается:

- в оптимизации условий для развития базовых, актуальных способностей ребенка: способности к любви и способности к познанию.
- в осознании и коррекции «издержек» воспитания (гипоопеки или гиперопеки), в чем также хорошо помогают притчи, истории.

— в помощи и осознании влияния религиозных и мировоззренческих факторов, их роли в формировании актуальных конфликтов в детско-родительских отношениях, использовании транскультурального подхода.

Во всех данных направлениях работы с успехом используются истории, притчи, аллегорические рассказы, способствующие изменению образа мыслей. Ведь в консультативном процессе речь идет о расширении представлений человека о самом себе, своих установок и воззрений. Здесь применяются не только логические ходы психолога, но и задействуется фантазия клиента. Для ее пробуждения, для придания наглядности словам психолога в позитивной психотерапии применяют восточные и западные истории. Они представляют собой некие модели, отражающие актуальные для клиента конфликты, возможные варианты поведения в них и последствия определенных выборов. Идентифицируясь с героями притчи, человек легче принимает альтернативные стратегии, испытывает новые переживания, открывающие путь к инсайту.

Таким образом, рассмотрев основные направления использования позитивной психотерапии в консультативном процессе, мы делаем вывод о широком диапазоне возможностей данного подхода в достижении целей личностного роста, коррекции Я-концепции, оптимизации межличностных отношений человека, а также повышении его психолого-педагогической компетентности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пезешкиан, Н. Психотерапия повседневной жизни. Тренинг в воспитании партнерства и самопомощи: с 250 примерами из практики / Н. Пезешкиан. - Москва: Медицина, 1995. - 335 с.
2. Пезешкиан Н. Торговец и попугай. Восточные истории в психотерапии: учебно-практическое пособие / Н. Пезешкиан. - М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2011. - 124 с.
3. Пезешкиан Н. Если ты хочешь иметь то, что никогда не имел, тогда сделай то, чего никогда не делал / Н. Пезешкиан. - М.: Институт позитивной психотерапии, 2005. - 128 с.
4. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / Н. Пезешкиан. - М.: Институт позитивной психотерапии, 2006. - 464 с.
5. Пезешкиан, Н. Позитивная семейная психотерапия: Семья как терапевт: Пер. с англ., нем. / Н. Пезешкиан. - 2-е изд., с изм. - Москва: Культура, 1994. - 332 с.

© Бархоянц Галина Владимировна (alexayhta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ, СКЛОННЫХ К УПОТРЕБЛЕНИЮ АЛКОГОЛЯ

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ALCOHOL-PRONE STUDENTS

*D. Ivanov
D. Khachunts*

Summary: The article contains an analysis of current perceptions of the psychological characteristics of persons who are inclined to drink alcohol. Current global statistics on the identification of different chemical and non-chemical addictions are presented. The risks of different types of addictions arising from the epidemiological situation in the world and Russia are considered. The authors present the progress of experimental work on the study of psychological characteristics of students inclined and not inclined to drink alcohol. The results of the study of alcohol addiction in students are presented. Personal characteristics of students with a propensity for alcohol addiction are identified.

Keywords: student, alcohol addict, addictive behavior, personality, epidemiological situation, coronavirus.

Иванов Дмитрий Викторович

*К.псх.н., доцент, Самарский государственный
социально-педагогический университет
avatary@yandex.ru*

Хачунц Давид Юрьевич

*Самарский государственный социально-педагогический
университет
hachunts94@gmail.com*

Аннотация: В статье дан анализ современных представлений о психологических особенностях лиц, склонных к употреблению алкоголя. Представлена современная мировая статистика выявления различных химических и не-химических зависимостей. Рассмотрены риски возникновения различных видов зависимостей как следствие эпидемиологической ситуации в мире и России. Авторы излагают ход экспериментальной работы по исследованию психологических особенностей личности студентов, склонных и не склонных к употреблению алкоголя. Представлены результаты изучения склонности к алкогольной зависимости у студентов. Выявлены личностные особенности студентов, имеющих склонность к алкогольной зависимости. Представлена характеристика личности студентов, имеющих склонность к алкогольной зависимости.

Ключевые слова: студент, алкогольная зависимость, аддиктивное поведение, личность, эпидемиологическая ситуация, коронавирус.

В последнее время в современном обществе важное место занимают проблемы, связанные с алкоголизацией населения. Проблема аддиктивного поведения по-прежнему остается актуальной для многих экономически развитых стран. В 21 веке были опубликованы более сотни результатов исследований распространения зависимостей в мире. Распространённость в мире, например, интернет-зависимости варьирует от 0,8% в Италии до 26,7% в Гонконге [1]. Проблеме распространения интернет-зависимости посвящены работы таких авторов, как Melina A. Throuvala, S. Salarvand, M.H. Sahebihagh, W. Rahardjo и др. [2, 3].

В России число лиц с наркотической зависимостью в настоящее время составляет более 500 тыс. чел., 70% из которых моложе 25 лет. Экспертные оценки показывают, что реальная их численность в 5-8 раз выше (около 4 млн. человек) [4, с. 40]. О.Ю. Семенова пишет: «в России 2-2,5 млн. наркоманов, причем средний возраст приобретения к наркотикам в России составляет 15-17 лет, увеличивается процент употребления наркотиков детьми 9-13 лет» [5, с. 3].

Говоря о статистике ближайших стран, стоит отметить, что Республика Казахстан по уровню потребления алкоголя занимает 34 место из 188 стран мира и первое место среди стран Центральной Азии [6]. По данным

2016 года количество детей-алкоголиков в Казахстане увеличилось за три года в 10 раз, пьющих подростков стало больше в 2 раза [7, с. 49]. М.С. Калиев обращает внимание на то, что «2-3 года тому назад в Казахстан пришли спайсы. 2-3 употребления в курительных смесях этой «химии» вызывает зависимость с явным абстинентным синдромом» [8]. Л.И. Окунева, Д.С. Дарбаев отмечают, что «с ростом компьютеризации во всех странах, и в Казахстане в том числе, будет увеличиваться и количество людей с интернет-аддикцией, особенно среди учащейся молодёжи» [9, с. 115].

Говоря о химических зависимостях, С.А. Кулаков, дает определение аддиктивному поведению – «это одна из форм деструктивного поведения, которая характеризуется стремлением к бегству от действительности с помощью изменения своего психического состояния с помощью приема каких-либо веществ» [10, с. 111]. Как указывает О.В. Липунова, «уход от реальности в виде своеобразного «бегства» часто заключается в сосредоточении подростка на узконаправленной сфере деятельности (часто негармоничной и разрушающей личность), игнорирующей все остальные сферы деятельности» [11, с. 10]. Более широкое определение встречаем в работах В.Д. Менделевича: «аддиктивное поведение – это один из типов девиантного (отклоняющегося) поведения с формированием стремления человека к уходу от ре-

альности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций» [12, с. 34].

Сегодня эпидемиологическая ситуация в мире и в России, обусловленная распространением коронавируса, и вызванные этой ситуацией 2-3 месяца, проведенные в самоизоляции, актуализировали такие формы девиантного поведения, как интернет-зависимость, пищевая зависимость и употребление алкоголя. В течение вынужденной самоизоляции, большая часть активности населения и молодежи была связана с действиями, осуществляемыми посредством сети Интернет. Покупки, учеба, общение, трудовая деятельность и многие другие виды поведения осуществлялись посредством сети Интернет.

Формирование пищевой зависимости и последующее ожирение может стать результатом гиподинамии в условиях самоизоляции. Более опасный вариант развития пищевой зависимости – привыкание к употреблению блюд из ресторанов категории фаст-фуд. Такой вариант формирования зависимости вероятен, так как в последние 2-3 месяца наблюдается повышенный спрос на заказ блюд именно в таких ресторанах. Так, например, агентство «РИА-новости» пишет: «Введение режима самоизоляции на фоне коронавируса сильно изменили потребительские привычки москвичей – они стали чаще заказывать еду с доставкой на дом и тратят на нее больше, чем прежде» [13]. Издание «Правда.Ру» отмечает: «...раньше большинство пользователей DeliveryClub лакомились вредной пищей в основном по выходным, то сейчас, по заявлениям компании, значительно выросло количество заказов в будни» [14]. Пищевая зависимость исследуется такими авторами как С.Ф. Moore, V. Sabino, G.F. Koob, P. Cottone, E. Schulte, M. Potenza, A. Gearhardt и др. [15]. Мы считаем, что негативные последствия самоизоляции в виде увеличения количества молодых людей с пищевой зависимостью и интернет-зависимых мы увидим в ближайшие месяцы и годы. Формирование зависимости – это длительный процесс, зависимость не формируется одномоментно. Негативные последствия проявятся не сразу, по прошествии месяцев, и ещё требуют своего изучения.

Однако уже сейчас мы можем видеть отчеты торговых сетей о возросших продажах алкоголя. Издание «Ведомости» пишет: «компания Nielsen зафиксировала всплеск продаж алкоголя в крупнейших торговых сетях в последнюю неделю марта». Далее: «...продажи водки за 23-29 марта в натуральном выражении увеличились на 31% по сравнению с аналогичной неделей 2019 г., а в сравнении со среднегодовым значением темп роста ускорился втрое. Похожая ситуация и с пивом: его продажи за этот период выросли на 25%, темп прироста также утроился. Продажи виски выросли на 47%, прирост

ускорился в 2,5 раза» [16].

Издание «Газета.ru»: «продажи в категории алкогольной продукции (без учета тихих вин) уверенно росли весь прошлый месяц. Если в первую неделю марта прирост составил 2,6%, то во вторую уже 11,9%, а в третью и четвертую недели месяца – 23,8% и 25,4% соответственно. При этом ускорение темпов роста алкогольной индустрии поддерживается увеличением продаж пива: на него пришлось 77,6% продаж за последние две недели марта. Также в прошлом месяце активно росли продажи биттеров: с 16 по 22 марта прирост составил 121%, а с 22 по 29 – 113% к аналогичному периоду прошлого года» [17].

Издание «Lenta.ru»: «...продажи виноторговой компании Alianta Group в марте увеличились в среднем на 20 процентов по сравнению с мартом прошлого года. Группа компаний Simple за этот месяц увеличила свои продажи на 10-20 процентов через винотеки SimpleWine. У компании «Ладога дистрибьюшен» продажи за последние семь дней выросли на 20-30 процентов по сравнению с первой неделей марта» [18].

Анализу алкогольной зависимости посвящены работы таких авторов как Chung, T., Creswell, K.G., Bachrach, R., Clark, D.B., & Martin, C.S., Brown, S.A., Brumbach, T., Tomlinson, K., Cummins, K., Chen, C. M., Yi, H.Y., Faden, V.B. и др. [19]. Проблема алкоголизма становится сегодня поистине глобальной и может затронуть каждую семью. Алкогольное распространение связано с искусственно выработанными ценностями общества. Считается, что одними из основных потребителей алкогольной продукции сегодня являются студенты. Достаточно большое распространение проблема употребления алкоголя получила в среде студентов, приехавших на учебу из окраин в крупные города. Такие студенты находятся вдали от родителей, без их присмотра.

Целью нашего исследования было выявление личностных особенностей студентов, склонных к употреблению алкоголя. По нашему мнению, студенты, склонные к употреблению алкоголя, обладают рядом личностных особенностей: низкий уровень самоконтроля и повышенная тревожность. Исследование проводилось на базе Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) г.о. Самара среди студентов 2-4 курсов факультета психологии и специального образования студентов в возрасте от 19-25 лет. В исследовании приняли участие 50 студентов.

В ходе исследования у студентов определялись уровни алкоголизации личности, вероятность наличия алкоголизма, личностные особенности. Рассмотрим методики исследования. Для выявления ранних признаков алкоголизма (склонности к алкогольной зависимости) использовался опросник, разработанный К.К. Яхиным и В.Д. Менделевичем [20]. Для диагностики вероятности

наличия алкоголизма использовалась методика «Тест на алкоголизм Университета штата Мичиган (The Michigan alcohol screening test, MAST)» [21]. Методика содержит 24 вопроса. Для выявления личностных особенностей студентов использовался 16-факторный личностный опросник (Автор Р. Кеттелл) [22]. 16-факторный опросник Р. Кеттелла позволяет выяснить особенности характера, склонностей и интересов личности. Сравнение значимых для исследования показателей двух экспериментальных групп («не зависящие от алкоголя» и «зависимые от алкоголя») производилось с помощью математической статистики с применением U-критерия Манна Уитни.

Результаты диагностики склонности к алкогольной зависимости по «Опроснику для выявления ранних признаков алкоголизма» (К.К. Яхин, В.Д. Менделевич) показали, что 74% испытуемых имеют низкий уровень склонности к алкогольной зависимости, «уровень здоровья». Для таких студентов алкоголь не является важной жизненной ценностью. Учащиеся могут отдыхать и проводить время отдыха без употребления алкогольных напитков. У 26% учащихся выявлена склонность к алкогольной зависимости («уровень бытового пьянства» и «уровень алкоголизма»). Такие студенты уже не видят свой отдых без алкоголя, получают удовольствие от алкогольных напитков, им нравится действие, которое оказывает алкоголь на организм. Такие студенты находятся в зоне высокого риска. Им не интересен здоровый образ жизни, так как у них уже существует потребность в алкоголе. Такие учащиеся не осознают его пагубного воздействия на организм.

Для диагностики вероятности наличия алкоголизма использовалась методика «Тест на алкоголизм Университета штата Мичиган (MAST)». Результаты диагностики по всей выборке студентов показали, что 68% опрошенных набрали баллы в диапазоне от 0 до 4, что свидетельствует об отсутствии признаков алкоголизма. Такие студенты считают, что могут без труда остановиться, даже после того как употребили 1-2 рюмки спиртного. Они могут прекратить употребление алкоголя тогда, когда захотят. Также они трепетно относятся к своему здоровью и считают, что алкоголь в больших количествах вредит их организму и психике.

Однако 24% студентов исследуемой выборки набрали от 4 до 7, что позволяет отнести их к уровню «подозрение на алкоголизм». У таких студентов зачастую принято хранить дома алкоголь. Часто они не в силах прекратить потребление алкоголя после того, как приняли 1-2 рюмки спиртного. Как правило, такие студенты употребляют больше других на мероприятиях и праздниках.

Наибольшую вероятность развития алкоголизма имеет небольшой процент респондентов – 8% студентов, которые набрали свыше 7 баллов – уровень «вероятно наличие алкоголизма». Нахождение человека на уровне

«вероятно наличие алкоголизма» не позволяет ему прекратить употребление при возникновении такого желания. В учебной деятельности таких студентов отмечается неуспеваемость, одной из косвенных причин которой является недосыпание, а также заторможенность. Они зачастую испытывают чувство вины из-за своего пьянства. Бывало такое, что, проснувшись утром, не могут вспомнить события вчерашнего вечера. Такие студенты имеют слабый самоконтроль по отношению к алкоголю. Они переживают из-за своих пристрастий к спиртному, но не стремятся искоренить эти пристрастия.

Проведенная диагностика с использованием опросника К.К. Яхина и В.Д. Менделевича и методики «Тест на алкоголизм Университета штата Мичиган (MAST)» позволила нам разделить нашу выборку на две подгруппы (две экспериментальные группы): «зависимые» и «независимые» от алкоголя. К экспериментальной группе № 1 мы отнесли 34 студента, которые по результатам диагностики «Теста на алкоголизм Университета штата Мичиган» набрали менее 4 баллов, и при этом по результатам методики К.К. Яхина и В.Д. Менделевича имеют низкий уровень склонности к алкогольной зависимости («уровень здоровья»). К экспериментальной группе № 2 мы отнесли 16 студентов, которые по результатам «Теста на алкоголизм Университета штата Мичиган» набрали свыше 4 баллов, либо которые по методике К.К. Яхина и В.Д. Менделевича обнаружили склонность к алкогольной зависимости («уровень бытового пьянства» и «уровень алкоголизма»).

Для выявления личностных особенностей студентов использовался 16-факторный личностный опросник (Автор Р. Кеттелл). Результаты диагностики экспериментальной группы №1 («независимые» от алкоголя) показали по фактору А «замкнутость-общительность» (ср. балл 17), что студенты данной группы склонны к добродушию, легки в общении, легко выражают свои эмоции; проявляют внимание к людям, готовы сотрудничать. Такие студенты предпочитают деятельность, предполагающую контакты с людьми, позитивно относятся к критике.

Средний балл по фактору В «интеллект» (ср. балл 5) показал, что студенты этой группы склонны медленнее понимать материал при обучении, предпочитая конкретную, буквальную интерпретацию.

Результаты по фактору С «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность» (ср. балл 21) позволяют охарактеризовать студентов, не склонных к употреблению алкоголя, как эмоционально зрелых, устойчивых, невозмутимых. Им свойственна высокая способность к соблюдению общественных моральных норм.

Средний балл по фактору Е «подчиненность – доминантность» (ср. балл 17) характеризует исследуемых студентов как самоутверждающихся, независимых, агрес-

сивных, упрямых (доминантных).

Результаты диагностики экспериментальной группы №1 («независимые» от алкоголя) по фактору F «сдержанность – экспрессивность» (ср. балл 20) показали, что студентов данной группы можно охарактеризовать как веселых, активных, разговорчивых, беззаботных, отчасти импульсивных.

Далее перечислим личностные особенности студентов, не склонных к употреблению алкоголя, выявленные по другим факторам:

- сознательность, настойчивость, обязательность студента (по фактору G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» – ср. балл 15),
- общительность, смелость, спонтанность. Может небрежно относиться к деталям, не реагировать на сигналы об опасности (по фактору H «робость – смелость» – ср. балл 24),
- независимость, склонность полагаться на себя, реалистичность (по фактору I «жесткость – чувствительность» – ср. балл 17),
- приспособляемые, веселые не стремятся к конкуренции, проявляют заботу о других, хорошо работают в группе (по фактору L «доверчивость – подозрительность» – ср. балл 6),
- имеют развитое воображение, погружены во внутренние потребности, заботятся о практических вопросах (по фактору M «практичность – мечтательность» – ср. балл 15),
- склонны к отсутствию утонченности, к сентиментальности и простоте, иногда грубоваты и резки, обычно естественны и спонтанны (по фактору N «прямолинейность – дипломатичность» – ср. балл 8),
- безмятежны и невозмутимы, их трудно вывести из себя, уверенные в себе и своих способностях (по фактору O «спокойствие – тревожность» – ср. балл 5),
- поглощены интеллектуальными проблемами, скептически и стараются вникнуть в сущность идей, терпимы к несообразностям и к изменениям (по фактору Q1 «консерватизм – радикализм» – ср. балл 14),
- любят общение, предпочитают работать и принимать решения совместно с другими людьми, нуждаются в поддержке со стороны группы (по фактору Q2 «конформизм – неконформизм» – ср. балл 3),
- контролируют эмоции и поведение, заботятся о социальной репутации, иногда склонны к упрямству (по фактору Q3 «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль» – ср. балл 18),
- склонны к расслабленности, уравновешенности, удовлетворенности (по фактору Q4 «расслабленность – напряженность» – ср. балл 2).

Таким образом, в результате исследования личностных особенностей студентов экспериментальной группы №1 («независимые» от алкоголя) было установлено, что эти студенты склонны к добродушию, легкости в общении, готовы к сотрудничеству, внимательны к людям, мягкосердечны, эмоционально зрелые, устойчивые. Соблюдают общественные моральные нормы. Студенты данной группы безмятежны, их трудно вывести из себя, уверенные в себе и своих способностях, склонны к расслабленности, уравновешенности, удовлетворенности, контролируют эмоции и поведение, заботятся о социальной репутации, иногда склонны к упрямству.

Результаты исследования личностных особенностей студентов экспериментальной группы № 2, имеющих склонность к алкогольной зависимости, показали схожесть по большинству факторов с группой студентов, не склонных к употреблению алкоголя. Различия по большинству факторов оказались не значимы. Однако по четырем факторам личностного опросника Р. Кеттелла с использованием U-критерия Манна Уитни все же были обнаружены статистически значимые различия между экспериментальными группами. Различия обнаружены по факторам O «спокойствие-тревожность», Q2 «конформизм-неконформизм», Q3 «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль», Q4 «расслабленность – напряженность».

Студенты экспериментальной группы № 2, имеющие склонность к алкогольной зависимости, обладают такими личностными особенностями:

- неустойчивость, напряженность в трудных жизненных ситуациях, легко теряют присутствие духа, часто застенчивы, им трудно вступить в контакт с другими людьми (по фактору O «спокойствие – тревожность» – ср. балл 8),
- студенты часто разобщены с группой, являются индивидуалистами, склонны идти собственной дорогой, принимать собственные решения, действовать самостоятельно, часто не считаются с общественным мнением (по фактору Q2 «конформизм – неконформизм» – ср. балл 8),
- студенты, склонные к алкогольной зависимости, имеют слабую волю и плохой самоконтроль, их деятельность характеризуется неупорядоченностью и импульсивностью, зависимы от настроения, обладают низкой дисциплинированностью, (по фактору Q3 «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль» – ср. балл 4),
- испытывают возбужденность, которая требует определенной разрядки. Такое состояние может превратиться в психосоматическое нарушение: снижается эмоциональная устойчивость, нарушается равновесие, может проявляться агрессивность. Часто испытывают беспокойство, раздражительность (по фактору Q4 «расслабленность – напряженность» – ср. балл 9).

Подводя итоги проведенному исследованию, отметим, что по большей части личностных особенностей, студенты, имеющие склонность к алкогольной зависимости, и свободные от нее, не различаются. При этом всё же существуют значимые различия в личностных особенностях студентов, имеющих и не имеющих склонность к алкогольной зависимости. В частности, у студентов, склонных к алкогольной зависимости, обнаружены неконформизм, неустойчивость, напряженность в трудных жизненных ситуациях, они легко теряют присутствие духа, часто застенчивы, им трудно вступить в кон-

такт с другими людьми. Они часто разобщены с группой, являются индивидуалистами, склонны идти собственной дорогой, принимать собственные решения, действовать самостоятельно, часто не считаются с общественным мнением, имеют слабую волю и низкий самоконтроль, деятельность характеризуется неупорядоченностью и импульсивностью, зависимы от настроения. Студенты, имеющие склонность к алкогольной зависимости, испытывают беспокойство, раздражительность и возбужденность, которые требует определенной разрядки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чухрова М.Г. Современные представления о поведенческих аддикциях // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 5. С. 105-110.
2. Sahebihagh M.H., Fakhari A., Hajizadeh M. Internet Addiction and Interpersonal Communication Skills Among High School Students in Tabriz, Iran. *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. 2017 June; 11(2):e4778. doi: 10.5812/ijpbs.4778.
3. Rahardjo, Wahyu. Harga Diri dan Adiksi Internet: Tinjauan Meta-Analysis. *Buletin Psikologi*, [S.l.], v. 27, n. 1, p. 70-86, june 2019. doi.org/10.22146/buletinpsikologi.40306.
4. Антилогова Л.Н., Лазаренко Д.В. Психологические особенности аддиктивного поведения студентов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 40-43.
5. Семенова О.Ю. Психофизиологические и психологические особенности подростков с риском разных видов аддикций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб. 2012. – 23 с.
6. Нашкенова А., Жамалиева Д., Жолаушибекова А. Распространённость алкоголизма в Казахстане // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2015. № 2. С. 201-205.
7. Морозова Т.А. Особенности медико-социальной работы с лицами, употребляющими алкоголь и наркотики, в Казахстане // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных агломераций: материалы Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 48-55.
8. Калиев М.С. Употребление психоактивных веществ (ПАВ) [Электронный ресурс]. - URL: <http://densaulyk.gov.kz/language/ru/2019/05/upotreblenie-psihoaktivnih-veshtestv-pav/> (дата обращения: 11.07.2019).
9. Окунева Л.И., Дарбаев Д.С. Компьютерная зависимость как базовая аддикция современного общества // Вестник Северо-Казахстанского государственного университета имени Манаша Козыбаева. №4(29). 2015. С. 111-115.
10. Кулаков С.А. Психотерапия и психопрофилактика аддиктивного поведения у подростков. – СПб.: Гардарика, 2003. – 470 с.
11. Липунова О.В. Психология отклоняющегося поведения: учебное пособие. – Москва: ФЛИНТА, 2016. – 377 с.
12. Менделевич В.Д. Руководство по аддиктологии. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
13. Исследование: москвичи стали больше тратить на еду в самоизоляции [Электронный ресурс]. - URL: <https://ria.ru/20200406/1569613134.html> (дата обращения: 17.07.2020)
14. Россияне во время самоизоляции стали есть больше сладостей и фастфуда [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.pravda.ru/news/society/1493137-sladosti> (дата обращения: 17.07.2020)
15. Schulte, E., Potenza, M. & Gearhardt, A. How much does the Addiction-Like Eating Behavior Scale add to the debate regarding food versus eating addictions? // *International Journal of Obesity* volume 42, 946(2018). <https://doi.org/10.1038/ijo.2017.265>.
16. Россияне самоизолировались с алкоголем [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/04/08/827537-rossiyane-alkogolem> (дата обращения: 17.07.2020)
17. В поисках истины: россияне покупаются вином [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/04/08/13041025.shtml> (дата обращения: 17.07.2020)
18. Россияне начали массово скупать алкоголь [Электронный ресурс]. - URL: <https://lenta.ru/news/2020/03/29/alco/> (дата обращения: 17.07.2020)
19. Chung, T., Creswell, K. G., Bachrach, R., Clark, D. B., & Martin, C. S. (2018). Adolescent binge drinking: Developmental context and opportunities for prevention. *Alcohol Research: Current Reviews*, 39(1), 5-15.
20. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебн. пособ. – М.: МЕДпресс, 2001. – 432 с.
21. Teitelbaum L, Mullen B. (2000) Validity of the MAST in psychiatric settings: A META-analytic integration. *Michigan Alcoholism Screening Test. Journal of Studies on Alcohol*, 61(2):254-261.
22. Практикум по психодиагностике / авт.-сост. А.И. Гарбер, Д.В. Иванов, С.К. Бердибаева. – Алматы: Казак университеті, 2019. – 365 с.

© Иванов Дмитрий Викторович (avatary@yandex.ru), Хачунц Давид Юрьевич (hachuns94@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЫТ ПАСТЫРСКОГО ПОПЕЧЕНИЯ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ПАЦИЕНТОВ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРА

EXPERIENCE IN PASTORAL CARE FOR HIV-INFECTED PATIENTS IN HOSPITAL

Kadyshev Alexey S. (Hegumen Anthony)

Summary: The article examines some of the results of providing professional pastoral care to HIV-infected patients in a hospital setting. Attention is drawn to the differences between the work of priests with HIV-infected people in the hospital and at the parish. Attention is focused on the work of the Patronage Service of Sisters of Mercy. It is indicated that the main task of the implementation of nursing care for HIV-infected patients is the formation of patient adherence to the treatment prescribed by the doctor. The Sisterhood's records of patient requests for Church Sacraments serve as the primary source of information for evaluating pastoral work. The article provides data indicating an increase in the number of patients who sought spiritual help in connection with the intensification of pastoral work in the HIV treatment departments of the hospital. The results of an expert survey of medical and service personnel of the hospital, which confirmed the positive effect of pastoral care on patients, are presented. More than 60% of the interviewed experts spoke about the need for a pastoral service in a hospital.

Keywords: pastoral duty, spiritual care, HIV-infected people, hospital, patient, help, charity.

Кадышев Алексей Сергеевич (игумен Антоний)

К.м.н., к.богословия, Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия; врач-стоматолог, АНО ЦКБ св. Алексия, г. Москва

antoniy.kadyshev@doctorantura.ru

Аннотация: В статье исследуются некоторые результаты по оказанию профессиональной пастырской помощи ВИЧ-инфицированным пациентам в условиях стационара. Обращается внимание на отличия работы священников с ВИЧ-инфицированными людьми в стационаре и на приходе. Акцентируется внимание на специфику труда Патронажной службы сестер милосердия. Указывается, что главная задача реализации пастырской работы с ВИЧ-инфицированными пациентами заключается в формировании у пациентов приверженности к принятию лечения, назначенного врачом. Протоколы Сестричества по учету просьб пациентов о совершении церковных Таинств выполняют функцию основного источника информации для оценки пастырской работы. В статье приводятся данные, указывающие на увеличения числа пациентов, обратившихся за духовной помощью, в связи с активизацией пастырской работы в лечебных ВИЧ-отделениях стационара. Приводятся результаты экспертного опроса медицинского и обслуживающего персонала стационара, подтвердившего положительное влияние на пациентов пастырского попечения. Более 60% опрошенных экспертов высказались о необходимости пастырской службы в стационаре.

Ключевые слова: пастырский долг, душепопечение, ВИЧ-инфицированные, стационар, пациент, помощь, милосердие.

ВИЧ впервые был описан в 1981-ом году. Болезнь, способная передаваться от человека к человеку и разрушать его иммунную систему, назвали чумой XX-го века. Разрушая иммунный барьер человека, ВИЧ открывает двери для болезней, каждая из которых, даже самая безобидная, становится смертельно опасной для беззащитного организма. Ежегодно число зараженных в мире возрастало в геометрической прогрессии и к 2012 году превысила 42 млн. Однако в последние годы, в результате упорного труда врачей, эту ситуацию удалось переломить и к 2019 году число больных снизилось до 38 млн. [1]. Стабилизировалось распространение ВИЧ и в России: число новых заболеваний с 2015 по 2018 годы не превышало 59,6 – 58,6 человека на 100 000 [2]. За эти годы антиретровирусная терапия (далее – АРТ) стала гораздо доступнее, что позволило продлить жизнь ВИЧ-инфицированным людям, в перспективе, на десятилетия и обеспечить достаточно высокое ее качество для очень многих из них. По информации Роспотребнадзора, к концу 2019 года в России проживало 1 068 839 россиян с диагнозом ВИЧ [3], и сейчас перед обществом стоит задача оказать помощь этим людям в такой мере, в какой они смогут ощутить себя полноценными членами социума:

«Если мы не в состоянии избавить больного человека от ВИЧ, то необходимо хотя бы сохранить его психологическое и соматическое здоровье на длительное время» [4].

Реализуя задачу оказания помощи ВИЧ-инфицированным пациентам, следует помнить, что социальные, духовные и нравственные аспекты, а также жизненные обстоятельства воздействуют на состояние больного в равной степени с медицинскими проблемами. А во взаимодействии с медицинскими они могут как осложнить состояние больного, так и содействовать в преодолении жизненных трудностей и противостоять недугу. Особую роль играют *духовные аспекты переживаний человека*. В определенные моменты жизни они могут быть как причиной душевных катастроф (и даже самоубийства), так и импульсом к началу духовного преображения человека. Если во время духовного кризиса такой человек обратится за помощью к Церкви, то она может оказаться для него той самой лечебницей, которая поможет исцелиться его душе. Телесное врачевание человека – *долг* врача, духовное — *долг* священника. Именно сейчас, когда дело касается помощи таким сложным пациентам, какими являются ВИЧ-

инфицированные, медицина и Церковь становятся естественными партнерами. Поэтому священники Русской Православной Церкви всё чаще приходят в лечебные ВИЧ-отделения стационаров и работают там в содружестве с медиками.

В данной работе представлены некоторые результаты пастырской работы по духовному попечению пациентов отделений ВИЧ-инфекции Клинической инфекционной больницы (ИКБ) № 2 г. Москвы.

Работа священника с ВИЧ-инфицированными людьми в условиях специализированного стационара отличается от работы с ними на церковном приходе. Преимущество работы в больнице заключается в том, что только здесь пребывают самые большие группы ВИЧ-инфицированных, где больным людям не надо скрывать своей сущности и своих проблем, и где они не подвержены стигматизации. Эти обстоятельства позволяют священнику максимально и всесторонне оказывать больным всеобъемлющую пастырскую помощь.

Однако есть и определенные трудности. Они связаны с необходимостью учитывать такие особенности образа жизни и жизненных установок пациентов, которые сильно отличаются от привычных. К тому же обострение проблем медицинского характера оказывает негативное влияние на эмоциональное и духовное состояние больных, что, в свою очередь, ухудшает их физическое состояние. Всё это способствует потере у больных людей душевного равновесия и духовных ориентиров. У многих возникают мысли о несправедливости к ним судьбы, их неотступно преследует страх смерти и страх неизвестности, изнуряет чувство вины и отчаяния. Здесь главная задача и долг пастыря – помочь страдающему человеку преодолеть уныние и сформировать у него приверженность к принятию лечения, назначенного врачом [5]. Этот процесс требует от ВИЧ-инфицированного перемены образа жизни и привычек, принять другую шкалу ценностей и отказаться от многого, что было смыслом его прежней жизни.

Основные проводники и посредники при исполнении пастырской работы священника в стационаре – Патронажная служба сестер милосердия. Формирование у пациентов мотивации к принятию АРТ во многом зависит от «терапии присутствием», от сострадания больному, от моральной и духовной поддержки. Именно в стационаре сотрудничество врачей, священника, сестер милосердия и добровольных помощников дает наилучшие результаты. Для оценки качества пастырской работы служат протоколы Сестричества по учету треб/Таинств, с просьбами о которых пациенты обращались в больничную церковь. В протоколах фиксируются даты посещения пациентами церкви (год, месяц, день), Ф.И.О. пациентов, их год рождения и пол, номер комнаты про-

живания (номер отделения) и вид церковных треб/Таинств. Графики, построенные на основании данных протоколов, позволяют увидеть положительную динамику посещений пациентами отделений ВИЧ-инфекции церковных служб на протяжении шести лет (с 2014 по 2019 гг.) (Рис. 1).

Сестрические протоколы ведутся с момента первой регулярной церковной службы в Православном храме больничного комплекса ИКБ № 2 г. Москвы, и представляют собой непрерывный ряд данных о духовных потребностях ВИЧ-инфицированных пациентов стационара за все годы работы храма (2014-2019 гг.). Протоколы показали, что за время существования православной церкви на территории стационара и работы Патронажной службы сестер милосердия за духовным попечением обратились сотни пациентов отделений ВИЧ-инфекции (Табл. 1).

Таблица 1.

Число пациентов, пролечившихся в ВИЧ-отделениях / Число пациентов, заказавших требы					
2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
4312/169	4043/415	8595/693	9384/797	9085/926	6054/660

Однако в первый год регулярных служб (2014 г.) число пациентов, обратившихся с просьбами о совершении треб/Таинств, не превысило 4% от общего числа пациентов, прошедших через стационар. Ситуация изменилась с приходом священника Русской Православной Церкви непосредственно в лечебные ВИЧ-отделения стационара и началом проведения пастырской работы среди пациентов на постоянной основе (с ноября 2014 по ноябрь 2015 года). За год работы число пациентов, обратившихся с просьбами о совершении церковных треб/Таинств, резко выросло и достигло 10% от числа пролечившихся в стационаре. В последующие годы ситуация вернулась к общему тренду прироста, достигнув значений 2015 года только в 2018 году (Рис. 2).

Изменения произошли и в гендерном составе прихожан. Ежегодно в ИКБ №2 число ВИЧ-инфицированных пациентов мужчин, примерно, вдвое превышает число пациентов женщин. Однако в первый год регулярных церковных служб в храме на территории больницы число женщин, заказавших церковные требы/Таинства, в 1,5 раза превысило число мужчин. Но уже в 2015 году число мужчин и женщин практически сравнялось, а в дальнейшем гендерный перекос исправился и к 2019 году соотношение прихожан-мужчин и прихожан-женщин стало полностью соответствовать реальному соотношению мужчин и женщин в лечебных отделениях стационара. Рисунок 3 наглядно демонстрирует устойчивый рост числа прихожан-мужчин на протяжении шести лет с 2014 года по 2019 год (Рис. 3).

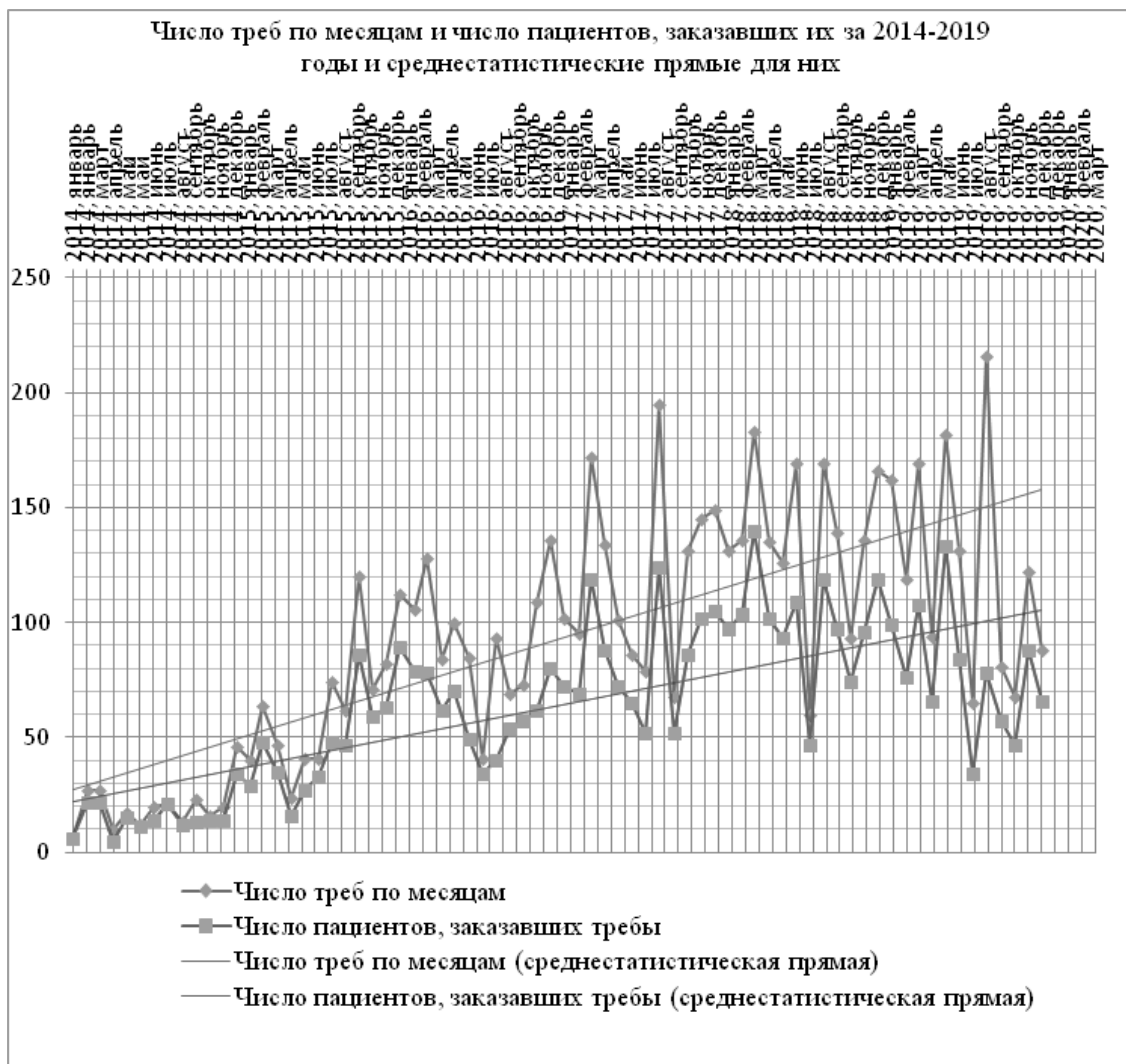

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

А – да; они становятся спокойнее, общительнее, веселее, спокойнее сон т.п.;

Б – да; они лучше реагируют на лекарства, которые принимают; В – нет связи; Г – нет изменений, но им нравится посещать службы; Д – нет никаких изменений; Е – нет отличий от тех, кто не ходит в церковь и не беседует со священником; Ж – изменения в худшую сторону: они становятся замкнутые, раздражительные, плохо спят и т.д.; З – другое; И – не знаю; К – ответ пропущен.

Для объективной оценки о степени необходимости пастырского попечения ВИЧ-инфицированных пациентов в стационаре был проведен опрос лечащего и обслуживающего персонала лечебных отделений ВИЧ-инфекции ИКБ №2 (экспертный опрос) [6].

Опрос преследовал цель получить информацию от людей, встроенных в систему медицинского обслуживания и жизнеобеспечения стационара, о предпочтениях пациентов лечебных отделений ВИЧ-инфекции, об их

жизненных и ценностных установках, о том, как откликаются пациенты на пастырское духовное попечение и т.п. Для этого экспертам следовало ответить на ряд вопросов специально составленной анкеты.

Эксперты условно были разделены на две группы. Первая группа состояла из медицинского персонала, позиционирующего себя, как лечащий персонал больницы, согласно государственных нормативов и в соответствии со штатным расписанием больницы. Вторую

группу представляли социальные работники, священники, сестры милосердия и добровольцы (все те, кто либо сам предложил свои услуги больнице из чувства милосердия, либо был включен в состав персонала больницы по договоренности с ее администрацией или распоряжению Минздрава). В результате статистико-математической обработки эмпирического материала анкет, были составлены таблицы, в которых указывалось число респондентов в процентах, выбравших тот или иной ответ на очередной вопрос анкеты, а на основании табличных данных были построены соответствующие графики.

Для данной статьи наибольший интерес представляют ответы экспертов на вопрос: «Наблюдаются ли у пациентов какие-либо изменения их физического состояния после посещения церкви или бесед со священником?» (Рис.4).

Опрос показал, что в обеих группах – медиков и не медиков – доминирующий вариант ответа был один и тот же: «Да, они становятся спокойнее...». У 1-й группы – 65% голосов, у 2-й – 54,5%, а у всех экспертов в целом – 61%.

Кроме того, 45,5% экспертов из 2-й группы (не медики) выбрали ответы «Не знаю» или «Пропущено», т.е. отказались отвечать, в силу своей некомпетентности в этом вопросе. В 1-й группе таких оказалось лишь 15%.

Остальные ответы экспертов из 1-й группы распределились среди вариантов «Нет связи» (10%), «Нет изменений, но им нравится ходить на службу» (5%) и «Нет отличий от тех, кто службы не посещает» (5%).

Никто из экспертов не выбрал ответ «Да, они лучше реагируют на лекарства...», так как по этому направлению медицинских наблюдений в стационаре не проводилось. Но ни один из экспертов не выбрал и варианты ответов «Нет никаких изменений» и «Изменения в худшую сторону. Они становятся более замкнутыми (раздражительны и пр.)».

Таким образом, на уровне экспертного сообщества стационара зафиксировано положительное влияние на пациентов отделений ВИЧ-инфекции духовного попечения священниками Русской Православной Церкви. Такое мнение в различной форме высказали более 60% всех опрошенных экспертов. Это означает, что пастырское окормление ВИЧ-инфицированных пациентов стационара оказывает положительное влияние на их физическое состояние, мобилизует защитные силы организма в противостоянии инфекции, приводит к улучшению качества жизни и способствует развитию мотивации к созданию оптимистической жизненной установки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт ЮНЭЙДС. Информационный бюллетень — Глобальная статистика по ВИЧ. – URL:<https://www.unaids.org/ru/resources/fact-sheet> (дата обращения 08.06.2020).
2. Российский статистический ежегодник. 2019 год. – URL:https://www.gks.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2019.pdf (дата обращения 08.06.2020).
3. Газета «Коммерсантъ». ВИЧ-иницированные. «Коммерсантъ» публикует перечень поручений президента РФ по борьбе с инфекцией. №33 от 22.02.2020. С. 1. – URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4266936> (дата обращения 08.06.2020).
4. Беляков Н.А. Механизмы поражения мозга при ВИЧ-инфекции / Н. А. Беляков, С.В. Медведев, Т.Н. Трофимов // Доклады РАНМ, № 9, 2012. С. 4.
5. Паллиативная помощь и уход: Медицинские, психологические и духовные аспекты при ВИЧ/СПИДе и прогрессирующих хронических заболеваниях. Опыт Русской Православной Церкви. М, 2008. – URL:http://old.diaconia.ru/metod_rekom/palliativ_pom_i_uhod_SPID.pdf (дата обращения 10.02.2017).
6. Антоний (Кадышев), игум. Проблемы духовного попечения ВИЧ-инфицированных больных в условиях стационара // Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. Медицинские науки: Материалы XII международной научно-практической конференции (Россия, г. Новосибирск, 19–20.06.2015 г.). Новосибирск: Международный Научный Институт «Educatio», 2015. №5 (12). С. 32–35.

© Кадышев Алексей Сергеевич (игумен Антоний) (antoniy.kadyshev@doctorantura.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЫМСКОТАТАРСКИХ СКАЗОК: ОБОЗНАЧЕНИЕ РЕСУРСОВ

Капидинова Сусанна Бекировна

*К.псх.н., преподаватель, ГБОУ ОВ Крым «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»
syade_krim@mail.ru*

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF CRIMEAN TATAR FAIRY TALES: DESIGNATION OF RESOURCES

S. Kapidinova

Summary: The article analyzes the psychological aspects and features of Crimean Tatar fairy tales. In modern art practice, the technique of fairy-tale therapy is particularly popular. The fairy tale is not a simple description of a person's capabilities, it contains potential behaviors and life scenarios. We have analyzed the texts of fairy tales in various theoretical areas of psychology. Using the potential of fairy tales and designating resources taking into account Crimean Tatar national and cultural characteristics will expand the possibilities of art therapy work.

Keywords: Crimean Tatars, psychological resource, values, behavior model, fairy-tale therapy, behavior strategies, national identity, needs.

Аннотация: В статье анализируются психологические аспекты и особенности крымскотатарских сказок. В современной арт-практике техника сказкотерапия пользуется особой популярностью. Сказка не простое описание возможностей человека, в ней даны потенциальные модели поведения, жизненные сценарии. Нами проведен анализ текстов сказок по различным теоретическим направлениям психологии. Использование потенциала сказок и обозначение ресурсов с учетом крымскотатарских национальных и культурных особенностей расширит возможности арт-терапевтической работы.

Ключевые слова: крымские татары, психологический ресурс, ценности, модель поведения, сказкотерапия, стратегии поведения, национальное самосознание, потребности.

Популярность обращений к народным сказкам сегодня возрастает. Интерес психологов обусловлен достаточно перспективным методом работы. Отношение к сказкам кардинально изменилось, раньше нас во многом привлекала ее внешняя сторона интересные сюжеты и красивые иллюстрации, и мало кто задумывался каков ее тайный смысл.

Несомненно, сказки, что нам читали в детстве и те, что мы читали своим детям, помогали понять ценности, различать добро и зло, находить решение из трудной ситуации. В какой-то период, кажется, интерес к ним утратился ведь на замену детского досуга в виде чтения сказки пришли компьютерные игры и масса мультфильмов. Несмотря на то, что большинство из нас перестало их читать, мы все равно нуждаемся в ресурсах и потенциалах волшебных миров. Мы замечаем, что сегодня интерес к сказкам то не только у мам и малышей, у подросткового возраста это герои «Властелин колец», «Эрагон», «Гарри Поттер», и др. Более старшее поколение увлечены сериалами, героями мужских «сказок» являются воины - победители, а женских любимые красавицы, прошедшие испытания. Популярный турецкий сериал «Великолепный век», почему он так притягивает к экрану ТВ. Конечно, это интерес к истории, эстетическое удовольствие от картины, но только лишь это? Возможно, это нарративы другой непонятной для сознания культуры. Сегодня множество неразгаданных тайн связанных со сказками, каким образом они помогают менять субъективное переживание, состояние человека, помогают найти ответы

в жизненных проблемах.

Более тридцати лет назад крымскотатарский народ стал возвращаться на историческую Родину и восстанавливать, утраченные за годы депортации научные исследования во многих областях науки.

Исторически так сложилось, что Крым терял свои литературные фонды, так и книги Крымского ханства из Бахчисарайской библиотеки были сожжены в 1736г. [7]. Сказковеды собирали по крупицам материалы разных эпох. До наших дней дошли собрания путешественников и писателей посещавших Крым, где отражается культура народа, это Эвлий Челеби, А.С. Пушкин, М. Горький и др.

С середины XIX века интерес к крымскотатарскому фольклору возрос. Мы можем ознакомиться с ним в собраниях В.Х Кондаракки (Крымско-татарские сказки. Москва, 1883), Н.А Маркса (Легенды Крыма. Одесса, 1912.), С. Д. Коцюбинского (Сказки и легенды татар Крыма. – Госиздат Крым. АССР, 1936.). В советское время А. Кончевский (Сказки, легенды и предания Крыма. М.; Л., 1930), М.Г. Кустова (Сказки крымских татар. Симферополь, 1941), Г. Таран (Крымские легенды. Симферополь, 1957).

В довоенное время почти в каждой крымскотатарской деревне жили масалджи-сказители, которые рассказывали сказки взрослым и детям. Эта была традиция собираться и слушать вечерами их увлекательные истории. В 1940 году состоялся последний съезд кедаев –

профессиональных сказителей, организованный Крымским НИИ языка и литературы им А. Пушкина. Это было своеобразное состязание сказителей, которые представляли различные народные сказки. Все это многообразие нарративов, утратило свою возможность в годы депортации народа. Прервалась связь времен – цепь передачи устного народного творчества.

На протяжении многих лет крымскотатарские филологи, фольклористы Э. Сеферова, А. Кокиева, М. Абдулганиева, Л. Усеинов, Э. Бахшиш, являются продолжателями традиций послевоенных крымскотатарских фольклористов: К. Джаманаклы Р. Музафарова, Дж. Бекирова. Их труды от попыток реанимации до изучения самых различных проблем современного крымскотатарского сказковедения. Так, глубокое изучение древних обрядов и обычаев в трудах Усеинова Л.Б. отражает специфику художественного мышления и мировоззрения, запечатленных в крымскотатарской волшебной сказке. Ученый анализирует рукописные оригиналы сказок, собранные в начале прошлого столетия С. Бекировым. [9]

В Крымском инженерно-педагогическом университете им. Февзи Якубова кафедрой русской филологии создана научно-исследовательская группа «Масал»-«Сказка», задачами которой является сохранение и анализ сказок. Студенты под руководством Н.К. Эмирсуиновой активно включились в работу с архивными материалами. [11].

Крымскотатарский сказочный эпос богат своим разнообразием благодаря влиянию нескольких субэтнических групп, имеющих разное происхождение. Неоднородность истории развития и географическое расположение на полуострове отразилось на разнообразии сюжетов и образов. На процессы формирования самосознания, культуры, этнической идентичности крымских татар повлиял ислам. Во многом он и определил уклад жизни и нормы поведения народа. Духовная и культурная жизнь мусульман глубоко проникла и укрепились в крымскотатарской сказке. Это произведения с увлекательным сюжетом, возникшие на базе мифов и легенд, в них нет четкого разделения. Основанные на переплетенном с фантазией вымысле и чудесных событиях.

Учитывая накопленный материал перед нами стоит задача научиться использовать крымскотатарские сказки как инструмент с ресурсами бессознательного, наполненный архетипическим разнообразием. Как отмечает И.В. Вачков сказка имеет способность зеркального отражения, она помогает клиенту увидеть самого себя, отразиться, а значит гармонизировать свое настоящее. Другая возможность сказки названа «задачей кристалла» [1], позволяющая увидеть по-новому мир, себя и других людей. В разнообразии сюжетов представлены человеческие проблемы поведенческие пат-

терны. Каждый этнос имеет свою сформировавшуюся веками уникальную ментальность, восприятие мира, национальное самосознание, культуру отношений и др. Фольклор - это то, что мы помним одновременно с другими членами нашего этноса. Это общие образы, шутки, метафоры «знаки» культуры – сленг молодежи, шутки в семейном кругу, объединяющие их мгновенным пониманием друг друга. Все это так же составляющая семантического пространства клиента и психотерапевта. В Крыму существует проблема разности семантического пространства, людей принадлежащим к разным культурам. Знание народных сказок и широкие возможности использования метафор будут гораздо результативнее в психотерапии.

Сказка содержит готовые алгоритмы, чтобы человек мог вступить в контакт с проекциями и переработать их. Это всегда благополучный исход в конце, завершение и возвращение героя, на помощь всегда приходит невидимая сила. Алгоритм для перехода в нормальное состояние. «свои» средства объединения и поддержки в различных ситуациях. Исходные установки заменить нельзя, их можно трансформировать.

Ресурс, который несет в себе сказка – это формирование социокультурной среды, приобретение психоэмоционального опыта, механизм идентификации; примеры морально - этических норм поведения; решения эмоционально-личностных проблем. Основываясь на определении исследователя Н.Е. Водопьяновой «психологический ресурс»: это внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям, это средства (инструменты), используемые им для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией [1].

В сказке «Фукаре ве падиша» - «Бедняк и падишах» рассказ о том, что единственный сын падишаха влюбился в дочь бедняка. Отец был возмущен выбором сына, но в конце концов послал сватов. Бедняк принял посланцев и спросил у них, что может делать сын падишаха, каким ремеслом он владеет. На что сваты отвечали, что ему не зачем ремесло, он наследник богатого падишаха. Бедняк отказался выдать свою дочь за человека, который ничему не научился. Падишах очень рассердился, а его сын, влюбленный в красавицу, решил научиться ткать ковры. Через год сыграли свадьбу и молодые отправились в путешествие, где наследника обманым путем заманили в ловушку и посадили в зиндан (яма-тюрьма). Принц связал ковер со своим отличительным знаком и передал жене. Тем самым спас свои жизни. В этой сказке говорится, о том, что человек должен наполнять свою жизнь

смыслом. По мнению В. Франкла смысл может быть уникальными, реализуемый в определенные моменты жизни и универсальным, к которым относятся идеалы и ценности. Эта проблема многих молодых людей, чьи родители благополучны. Последователь экзистенциального подхода А. Ленгле отмечает, что человек свободной воли может сделать свой выбор и принять решение. Наполнить свою жизнь смыслом, значит проявить определенную гибкость в восприятии ценностей, которых многие не замечают.

Так сегодня актуальна сказка «Мюск–Джами», с точки зрения бихевиорального подхода к сказке нужно относиться как к описанию возможных форм поведения, она может помочь найти конструктивное решение. Брать пример и выполнять конкретно как сделал герой Юсуф. Бедняк пожелал разбогатеть, чтоб построить мечеть и помочь всем нуждающимся. Жизнь преподнесла испытания, с которыми он справился, благодаря истинной, а не демонстративной вере в Аллаха, трудолюбию и честности. В этой сказке продуктивная модель поведения, которая представляет один из возможных образцов поведения.[6]

Сказка «Бир кърарнынъ дерт огълу» («У одного старика четыре сына») сюжет состоит из определенных этапов, где герой покидает родительский дом, во время странствий он встречает много персонажей, на его пути испытания и возвращение домой. Герой пользуется

волшебной помощью намазлык- (коврик для совершения намаза), а в сказке ковер – самолет, чапан – (халат) использует как невидимку. Главной идеей или скрытый смысл по нашему мнению - это инициация (от лат. initio – посвящение, совершение таинства) понимается, во-первых, переход индивида из одного статуса в другой. Переход из детства во взрослость. Инициация по А. Геннепу – это распространённая в родовом обществе система обычаев, связанных с переводом юношей и девушек в возрастную категорию взрослых мужчин и женщин [3]. Во многих случаях инициации сопровождаются сложными психологическими и физическими, подчас весьма мучительными, испытаниями. Когда герой справляется с ними – это инициация в творчество или возможность конструктивного решения.

При транзактном анализе сказки внимание обращается на возможности ролевых взаимодействий и манипуляций. Так, в сказке «Султан – Сале», главная героиня Ресимхан, дочь падишаха, направила бедняка Сале учиться мудрости и набираться знаниям, стать достойным ее мужем.

Таким образом, анализируя крымскотатарские сказки, мы можем отметить их разнообразие и отражения в них принципа «консервации» ресурсов, который дает возможность получать и сохранять, восстанавливать и преумножать в соответствии с собственными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вачков И.В. Сказочная метафора как средство взаимопонимания /И.В. Вачков. // Социальная психология и общество. – 2011. № 1. – С. 111–118.
2. Водопьянова Н.Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности / Н.Е. Водопьянова // Вестник СПбГУ. – 2015. – №1. – С.46-54.
3. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: пер. с фр./А. Геннеп – Москва: Восточ. лит., 1999. – 198 с.
4. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. / В.Я. Пропп. –Москва: Лабиринт, 2000, – 336 с.
5. Пропп В.Я. Морфология сказки./В.Я. Пропп. – Ленинград: Academia, 1928. – 151 с.
6. Сказки и легенды крымских татар Крыма. – Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936, – Москва: Новости, 1992 – 352 с.
7. Терентьева Е.М. Картина мира крымских татар по материалам фольклора / Е.М. Терентьева // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2010. – № 183. – С. 127 – 132.
8. Терентьева Е.М. Исламские мотивы и бытовые стереотипы в фольклоре крымских татар. /Е.М. Терентьева // Вестник московского ун-та. – 2014. – №3 – С.85–101.
9. Усеинов Л.Б. Древние обряды и обычаи, запечатленные в крымскотатарской волшебной сказке./Л.Б. Усеинов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2002. – №36. – С.292–294.
10. Франц М.-Л. фон. Психология сказки: толкование волшебных сказок / пер. с англ. Р. Березовской и К. Бутырина; –Москва – 2004–. 364//с.
11. Эмирсеинова Н.К. История становления крымскотатарского сказковедения /Н. К. Эмирсеинова // «İlmîy Qırım». 2020 – http://ilmiyqirim.blogspot.com/2014/10/blog-post_15.html

© Капидинова Сусанна Бекировна (syade_krim@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХИМИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ УМА: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЗИЦИИ АКТИВНОГО ГРАЖДАНИНА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХИМИИ В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Кибальченко Ирина Александровна

*Д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет
kibal-irina@mail.ru*

**THE FOCUS OF THE MIND ON CHEMICAL
PHENOMENA: THE QUESTION ABOUT
THE OPPORTUNITY OF FORMING
ENTREPRENEURIAL CULTURE AND THE
POSITION OF AN ACTIVE CITIZEN WHEN
STUDYING CHEMISTRY IN TEENADERS**

I. Kibal'chenko

Summary: The article is devoted to the study of the gap between the content of academic disciplines and the content of life in the aspect of entrepreneurial culture and the position of an active citizen of older adolescents. It was hypothesized that older adolescents with high academic performance in the study of disciplines such as chemistry, mathematics and others, in comparison with adolescents with low academic performance, will differ in the content of answers according to criteria such as elaboration, belonging of subject knowledge to universal or special in the aspect of entrepreneurial activity. It was found that knowledge in chemistry as a special one in combination with an open cognitive position is one of the prerequisites for a modern entrepreneur. Research prospects lie in the design of a developing, enriched educational environment aimed at developing the chemical orientation of the mind and chemical thinking of older adolescents.

Keywords: chemical intelligence, older teens, open cognitive position, entrepreneurial culture.

Аннотация: Статья посвящена изучению разрыва содержания учебных дисциплин и содержания жизни в аспекте предпринимательской культуры и позиции активного гражданина старших подростков. Была выдвинута гипотеза о том, что старшие подростки с высокой успеваемостью при изучении таких дисциплин, как химия, математика и другие, в сравнении с подростками с низкой успеваемостью, будут отличаться содержанием ответов по таким критериям, как разработанность, принадлежность предметных знаний к универсальным или специальным в аспекте предпринимательской деятельности. Получено, что знания по химии как специальные в совокупности с открытой познавательной позицией – одна из предпосылок современного предпринимателя.

Перспективы исследования состоят в конструировании развивающей, обогащенной образовательной среды, направленной на развитие химической направленности ума и химического мышления старших подростков.

Ключевые слова: химические способности, химическая направленность ума, старшие подростки, открытая познавательная позиция, предпринимательская культура.

Одним из дефектов современного образования, существенно снижающим ментальные ресурсы человека, является разрыв, между содержанием того, чему и как мы учим, и содержанием жизни [3]. В связи с этим все актуальнее становится изучение и внешних ресурсов (развитие промышленности, информационных технологий, высокотехнологичной экономики; развитие предпринимательства, образования и т.д.), и внутренних (человеческий потенциал, интеллектуальные и личностные особенности; способности) [7]. Объединение этих ресурсов – одно из основных условий успешности и каждого члена общества, и всей страны. Анализируя проблему предпринимательства, можно сказать, что его кристаллизующим фактором является объединение внешних и внутренних ресурсов. Обнаруженные в исследованиях [4] противоречия между выра-

женным интересом молодежи к предпринимательству, готовностью и конкретными действиями в этой области, обусловлены наличием или отсутствием у молодежи предпринимательских способностей [5]. В структуре предпринимательских способностей выделяют такие характеристики, как гибкость мышления, креативность, готовность преодолевать трудности и другие. Изучение и развитие предпринимательской культуры и способностей у старших подростков может стать предиктором интеграции их внутренних ресурсов и внешних, формирования открытой познавательной и гражданской позиции, интеллектуального инструмента деятельности, посредством наделения системы своих способностей и знаний, интересов и достижений страны ресурсной ролью и значимостью.

В подростковом возрасте активно и плодотворно развиваются базовые элементы интеллектуально-личностного ресурса: развитие познавательных процессов и познавательной активности, способности к гипотетико-дедуктивным рассуждениям (стадия формальных операций по Ж. Пиаже), способности логически мыслить; становление феномена теоретизирования; развитие понятийного мышления, на основе чего «интеллектуализируются» все психические функции; становление избирательности, целенаправленности восприятия, развитие самостоятельного мышления, интеллектуальной активности, творческого подхода к решению задач; понятийного мышления как предиктора развития личностной рефлексии и «интеллекта взрослого типа»; развитие познавательной мотивации, эмоциональной устойчивости, самостоятельности, самоконтроля и ответственности [6]. Интеллектуально-личностный ресурс подростков, признаки их предпринимательской культуры и способностей с учетом тенденций в развитии новых технологий и качества жизни человека находят свое отражение в выборе дисциплин при подготовке к ЕГЭ.

Часто и устойчиво учащиеся выбирают биологию, иностранный и русский язык, математику, обществознание, физику, историю. Однако появилась тенденция к выбору ими дисциплин естественно-научного цикла, в том числе и химии. Тенденция, на наш взгляд, обусловлена тем, что знания по химии необходимы для освоения специальностей в области медицины, биологии, геологии, добычи нефти и газа, косметологии, химии, экологии и других. Химическая направленность ума подрастающего поколения как способность выделять из окружающего мира химические явления и закономерности, способность использовать их в реальной жизни, обуславливает выбор объектов инновационной научной и предпринимательской деятельности, в том числе и производств новых медицинских препаратов.

Не смотря на значимость базовой химической грамотности учащихся для развития предпринимательской культуры, уровень химической грамотности падает. Выявленные факты обуславливают необходимость изучения предпосылок формирования предпринимательской культуры и позиции активного гражданина у подростков в аспекте их базовых знаний.

Организация исследования

Выборку исследованию составили подростки – учащиеся восьмых классов общеобразовательных школ Ростовской области (74 человека, средний возраст – 15 лет).

В процессе эмпирического исследования проводился экспресс-опрос с целью выявления отношения подростков к предпринимательской деятельности. В связи с

этим подросткам предлагались открытые вопросы:

Как вы относитесь к предпринимательству?

Какие знания Вы бы использовали как современный предприниматель?

Технологически эта процедура включала дифференциацию своих знаний математике, информатике, иностранному и русскому языку, физике и химии на «специальные» или «универсальные». Ответ необходимо обосновать.

Для диагностики познавательной позиции подростков использовалась методика М.А. Холодной «Идеальный компьютер».

Результаты исследования

В эмпирическом исследовании были использованы результаты подростков с высокой успеваемостью (20 человек со средним баллом успеваемости – 4,8) с открытой познавательной позицией; подростки с низкой успеваемостью (25 человек средним баллом успеваемости – 3,2) и закрытой познавательной позицией.

Были выдвинуты предположения:

- подростки с высокой успеваемостью, в сравнении с подростками с низкой успеваемостью, будут отличаться по таким критериям, как разработанность; достижения в образовательных областях (информатика, иностранный и русский язык, математика, физика как универсальные для предпринимательства);
- подростки с высокой успеваемостью, в сравнении с подростками с низкой успеваемостью, будут отличаться доминированием выбора знаний по химии как специальных для предпринимательской деятельности.

Результаты исследования, полученные в группах старшеклассников, представлены в таблицах 1 и 2.

Результаты, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что в группе подростков с высокой успеваемостью и открытой познавательной позицией классификация предметных знаний как универсальных и специальных – следующая: к специальным они значимо чаще ($p \leq 0,01$) относят знания и умения по химии (с биологией); к универсальным они значимо чаще относят знания по информатике, иностранному языку, математике ($p \leq 0,01$), по физике ($p \leq 0,05$).

Они обосновывают свой выбор тем, что такие современные профессии, как биохимик, врач, диетолог, нано-технолог, химик-технолог, химик-эколог, химик-косметолог, эксперт продуктов питания, прежде всего, связаны со знаниями по химии. Актуализация химиче-

Таблица 1.

Результаты старшеклассников с высокой успеваемостью и открытой познавательной позицией

Вопросы	Ответы			
	Положительно	Отрицательно	Трудно ответить	Статистические различия
Как вы относитесь к предпринимательству?	15 чел. – 75%	5 чел. – 25%	0 – 0%	$\varphi^*_{эмп.}=3,31 \geq \varphi^*_{кр.}=2,31$, $p \leq 0,01$
Какие знания Вы бы использовали как современный предприниматель?	В ответах выделены знания			
	«Специальные»	«Универсальные»	Трудно ответить	Статистические различия
<i>Знания по химии (с биологией)</i>	17 – 85%	0 – 0%	3 – 15%	$\varphi^*_{эмп.}=4,91$, $p \leq 0,01$
<i>Знания по физике</i>	7 – 35%	13 – 65%	0 – 0%	$\varphi^*_{эмп.}=1,93$, $p \leq 0,05$
<i>Знания по математике</i>	3 – 15%	17 – 85%	0 – 0%	$\varphi^*_{эмп.}=4,91$, $p \leq 0,01$
<i>Знания по информатике</i>	3 – 15%	17 – 85%	0 – 0%	$\varphi^*_{эмп.}=4,91$, $p \leq 0,01$
<i>Знания по иностранному языку</i>	2 – 10%	18 – 90%	0 – 0%	$\varphi^*_{эмп.}=5,86$, $p \leq 0,01$
<i>Знания по русскому языку</i>	5 – 25%	8 – 40%	7 – 35%	Нет различий

Таблица 2.

Результаты старшеклассников с низкой успеваемостью и закрытой познавательной позицией

Вопросы	Ответы			
	Положительно	Отрицательно	Трудно ответить	Различия
Как вы относитесь к предпринимательству?	14 – 56%		8 – 32%	$\varphi^*_{эмп.}=4,41$, $p \leq 0,01$
	14 – 56%	3 – 12%		$\varphi^*_{эмп.}=4,11$, $p \leq 0,01$
Какие знания Вы бы использовали как современный предприниматель?	В ответах выделены знания			
	«Специальные»	«Универсальные»	Трудно ответить	Различия
<i>Знания по химии (с биологией)</i>	2 – 8%	2 – 8%	21 – 84%	$\varphi^*_{эмп.}=6,59$, $p \leq 0,01$
<i>Знания по физике</i>	8 – 32%		12 – 48%	Нет различий
		5 – 20%	12 – 48%	$\varphi^*_{эмп.}=2,47$, $p \leq 0,01$
<i>Знания по математике</i>	4 – 16%		14 – 56%	$\varphi^*_{эмп.}=3,54$, $p \leq 0,01$
		7 – 28%	14 – 56%	$\varphi^*_{эмп.}=2,21$, $p \leq 0,05$
<i>Знания по информатике</i>	3 – 12%		15 – 60%	$\varphi^*_{эмп.}=4,37$, $p \leq 0,01$
		7 – 28%	15 – 60%	$\varphi^*_{эмп.}=2,47$, $p \leq 0,01$
<i>Знания по иностранному языку</i>	3 – 12%		13 – 52%	$\varphi^*_{эмп.}=3,82$, $p \leq 0,01$
		9 – 36%	13 – 52%	Нет различий
<i>Знания по русскому языку</i>	11 – 44%		2 – 8%	$\varphi^*_{эмп.}=3,89$, $p \leq 0,01$
		12 – 48%	2 – 8%	$\varphi^*_{эмп.}=4,21$, $p \leq 0,01$

ской направленности ума с целью предпринимательства эффективна в совокупности со знаниями по математике, информатике и иностранному языку.

Такая система знаний и открытой познавательной позиции расширяет и профессиональные, и научные, и территориальные границы для молодых людей, является предиктором формирования предпринимательской

культуры и позиции активного гражданина.

Рассмотрим результаты подростков с низкой успеваемостью и закрытой познавательной позицией (Таблица 2).

Результаты, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что в группе подростков с низкой успевае-

мостью и закрытой познавательной позицией возникли затруднения в наделении своих знаний значимой ролью в аспекте своего будущего. Они уверены лишь относительно значимости знаний по русскому языку ($p \leq 0,01$), однако мнение о значимости знаний по иностранному языку, математике, физике и химии у них не сформировано.

Анализируя результаты подростков этой группы, возникает противоречие между их положительным отношением к предпринимательству и незначимостью знаний для своего будущего. Вероятно, поэтому и обоснования ответов не убедительные: для работы нужны разные знания; чтобы считать, математика, все могут хорошие компьютерные программы. Значимость знаний по иностранному языку отмечается только в плане взаимодействия с людьми из других стран. Представленные подростками этой группы обоснования своих ответов, на наш взгляд, нельзя рассматривать как предпосылки развития позиции активного гражданина и успешного предпринимателя.

Заключение

Обращаясь к проблеме разрыва содержания учебных дисциплин и содержания жизни, необходимо отметить, что формирование предпринимательской культуры и позиции активного гражданина при изучении химии невозможно без формирования химической направленности ума – одного из оснований развития специальных химических способностей.

Химическая направленность ума – это способность выделять из окружающего мира химические явления, химические закономерности и использовать их в реальной жизнедеятельности. Именно химическая направленность ума определяет выбор объекта предпринима-

тельской деятельности и инновационность процессов его производства. Особенностью химической направленности ума является то, что предметное содержание химии может быть зримым, вещественным, осязаемым, оно затрагивает всю сенсорно-перцептивную организацию человека. Как отмечает Е.В. Волкова, химическая направленность ума – это не только «ощущение материи», это и еще особый интерес к составу, свойствам и превращениям веществ. Это способность на основе сенсорно-перцептивной информации реконструировать микромир химических взаимодействий, и опираясь на умственные модели, фиксирующие особенности тех или иных химических взаимодействий, воссоздавать ту или иную сенсорно-перцептивную информацию [1, 2].

Анализируя полученные результаты с позиции преподавания химии в общеобразовательных школах, следует отметить, что, несмотря на значимый рост интереса старшеклассников к естественно-научным дисциплинам, в том числе и к химии, наблюдается снижение базовой химической грамотности у учащихся. Это противоречие, с одной стороны, определяет задачу формирования у старших подростков химического мышления (химических способностей), обуславливающих творческую реализацию учащихся в области химии: способность выделять характеристики химических объектов, сопоставлять их по различным основаниям, понимать закономерности и механизмы химических процессов, выдвигать авторские идеи и проекты в области химии. С другой стороны – ставит задачу изменения содержания химического образования в направлении формирования предпринимательской культуры на базе инновационных учебных текстов и технологий.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-29-14019), Институт психологии РАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Е.В. Химическая направленность ума // Химия в школе. 2008. № 2. С. 2-7.
2. Волкова Е.В. Психология специальных способностей: дифференционно-интеграционный подход. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2011.
3. Волкова Е.В. Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2016.
4. Джанерьян С.Т., Солдатова, И.А. Психологическая готовность студентов-выпускников ЮФУ к предпринимательской деятельности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 2 (21). – С. 12-17.
5. Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В. Дескрипторы успешной предпринимательской деятельности/ Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2016. Т. 5. №. 3. – С. 41-46.
6. Князева Т.Н. Современные аспекты проблемы интеллектуального развития подростков в период возрастного кризиса // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16562> (дата обращения: 20.09.2019).
7. Exakusto Tatiana V., Kibalchenko Irina A., Kompaniets Vitaly S. Personality Profiles of Young People-Potential Entrepreneurs // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol 6, No 3 S2. 2015. P. 640-649.

© Кибальченко Ирина Александровна (kibal-irina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ИСПОЛНЕННОСТЬ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С БЛАГОПРИЯТНЫМ ПРОФИЛЕМ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

THE EXISTENTIAL FULLFILLMENT AND THE FAVOURABLE PERSONAL CHARACTERISTICS

A. Lito
A. Litvinenko

Summary: The goal of this study was to explore the level of existential fulfillment and the individual characteristics and association between them. Specifically, we explored the existential fulfillment as the existential equivalent of the happiness from one side and neuroticism, aggression, anxiety, openness, strain, emotional stability, from the other side for six years (2012 and 2018). Participants were n=173 (89 women and 84 men); they filled two types of questionnaires both times. The level of existential fulfillment was higher for the favorable level of individual characteristics.

Keywords: self-distance, lifespan, self-transcendence, freedom, responsibility, existential fulfillment, neuroticism, aggression, anxiety, openness, strain, emotional stability, social orientation.

Лито Адриана Николаевна
Независимый исследователь
adrianaimj7@gmail.com

Литвиненко Анастасия Николаевна
Независимый исследователь
anlipsi@yandex.ru

Аннотация: Целью этого исследования было рассмотреть такой параметр как экзистенциальная исполненность по В. Франклу в связи с некоторыми личностными характеристиками и оценить их взаимодействие.

Экзистенциальная исполненность в данном случае рассматривается как экзистенциальный аналог счастья. Для оценки профиля личностных характеристик мы рассматривали следующие факторы: склонность к неврозу, агрессию, тревогу, открытость, упрямство, эмоциональную стабильность. Исследование проводилось в течение шести лет (с 2012 по 2018 годы). Участниками были 173 испытуемых (89 мужчин и 84 женщины).

Участники в ходе исследования заполняли два опросника дважды.

Предварительно можно сказать, что чем более благоприятен личностный профиль, тем более высокий уровень экзистенциальной исполненности показывали участники исследования.

Ключевые слова: самотрансценденция, жизненный путь личности, самодистанцирование, свобода, ответственность, экзистенциальная исполненность, невротичность, агрессия, тревога, открытость, общительность, упрямство, эмоциональная стабильность.

Введение

Вопрос исполненности жизненных целей на разных стадиях развития личности часто появляется в различных описаниях жизненного пути. Например, Эрик Эриксон [7] описывал изменение таких целей в своих работах, посвященных циклу жизни.

Личностное развитие включает и спонтанные изменения, которые происходят во внутреннем мире и выражаются в функциональном преобразовании внешней действительности, в социальном развитии, во взаимодействии с другими людьми.

Как мы знаем, многие из наших процессов обусловлены нашими врожденными качествами: даже родительство является двунаправленным: на родителя влияет пол, темперамент, то, насколько здоров ребенок, и даже просто порядок рождения: дети с высоким уровнем негативного аффекта часто провоцируют у родителей чувство некомпетентности, а также импульсивные поступки и снижение внимательности к ребенку [1;10].

Исследователи поздних кризисов, наступающих человека после сорока, также говорят о том, что личные качества важны: люди, лучше справляющиеся с ним обычно более открыты к новому опыту и показывают низкий уровень склонности к неврозу и тревоге [2].

Личностный рост - это сложный и противоречивый процесс, который содержит в себе множество обстоятельств. Эти противоречия рождаются из сложной природы человека. Значительным обстоятельством такого противоречия является взаимодействия желания любить и быть замеченным другими людьми и одновременным желанием реализоваться. Личностное развитие требует постоянного изменения и переоценки собственного опыта на каждой стадии.

В результате человек постоянно находится в дуализме:

1. Сравнивает и принимает себя, свою индивидуальность, характер — потому что только так он может найти свободу и независимость;
2. Ищет собственное место в жизни среди других людей, потому что только так можно найти лю-

- бовь и поддержку;
3. Понимает ценности и смысл своей жизни и своей миссии, принимая ответственность за свои цели и личностный рост;
  4. Понимает механизмы, которые направляют его развитие;
  5. Двигается в русле настоящей жизни;
  6. Защищает собственное я от проекций, замен и отвлечений, следующих из социального давления для обретения внутреннего мира и покоя [11].

1. Экзистенциальная исполненность

Экзистенциальная исполненность — это термин, введенный Виктором Франклом [9]. Описывает качество человеческой жизни как некоторое противопоставление обычному счастью. Исполненность — это счастье как смысл, но не как гедонистическая концепция, счастье через действие по Аристотелю.

Уровень экзистенциальной исполненности показывает, насколько часто личность реализует собственные желания и действует в соответствии собственной идентичности.

Для того, чтобы объяснить, что такое благоприятный профиль личности по опроснику FPI, нам необходимо перечислить входящие в него индивидуальные характеристики [9]:

1. Невротичность: ипохондрия, проблемы со здоровьем и саморегуляцией, склонности к неврозу и тревоге. Высокий уровень — 7-9 баллов, низкий уровень 1-4 — показывает спокойствие.
2. Спонтанная агрессия — уровень психопатизации, склонность «взрываться». Благоприятный уровень — 4-6.
3. Депрессия — склонность к депрессии. Высокий уровень (7-9) показывает высокую чувствительность к стрессу, благоприятный уровень 1-6.
4. Раздражительность: высокий уровень означает сложности с контактом (7-9). Благоприятный уровень (1-5)
5. Общительность. Высокий уровень показывает хороший контакт с людьми (6-9). Низкий уровень — изоляция (1-4).
6. Уравновешенность: высокий уровень показывает оптимизм и самоподдержку (6-9). Низкий уровень — нестабильность (1-4).
7. Упрямство. Высокий уровень показывает низкий уровень эмпатии (7-9). Низкий уровень — конформизм. Благоприятный уровень — (5-7).
8. Стеснительность. Высокий уровень (7-9) предполагает тревогу и низкую самооценку. Благоприятный уровень (1-6).
9. Эмоциональная нестабильность - высокий уровень означает невозможность саморегуляции.

Благоприятный уровень 1-7.

Таким образом мы составили список благоприятных качеств: шкалы I (1-4), II (4-7), III (1-6), IV (1-5), VI (6-9), VII (1-7), VIII (1-7), IX (6-9) и XI (1-7).

2. Методы

2.1. Участники исследования

Первая часть исследования происходила в 2012 году. В тот моменты мы опросили более 395 человек от 25 до 40 лет, проживавших в крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург и т.д.). В исследовании приняли участие 199 женщин и 196 мужчин. В результате мы получили 395 заполненных анкеты. Все участники были проинформированы о целях и идеях исследования.

Шесть лет спустя (в 2018 году) мы связались с нашими участниками с помощью рассылки информации на электронные адреса и попросили снова заполнить те же самые опросники. В результате мы получили 173 заполненных опросника (89 женщин и 84 мужчины). Для сравнения мы использовали именно эти 173 опросника.

Каждый участник в исследовании получал собственный уникальный номер, поэтому данные не могли быть спутаны или скомпрометированы.

2.2. Процедура

Исследование включало в себя три части:

1. Создание выборки (описано выше)
2. Заполнение опросников в 2012-2013
3. Заполнение опросников в 2018

2.3. Инструменты

Для исследования мы использовали следующие опросники:

1. FPI – Фрайбургский личностный опросник (Фаренберг и другие, 2008). Он состоит из 138 опросников, который изменяет следующий список личностных черт: невротичность, спонтанная агрессивность, депрессивность, раздражительность, общительность, уравновешенность, реактивная агрессивность, застенчивость, эмоциональную лабильность и открытость (а также маскулинность, феминность и экстраверсию-интраверсию).
2. Шкала экзистенции Лэнгли-Орглер. Это личностный опросник для измерения экзистенциальной исполненности личности. Базируется на теории Франкла и четырех фундаментальных мотивациях личности Лэнгле. Включает в себя 46 вопросов и четыре суб-шкалы: самодистанцирование, са-

мотрансценденцию, ответственности и свободу, которые складываются в шкалы личность и экзистенция, сумма которых дает итоговый балл теста — экзистенциальную исполненность.

2.4. Статистическая процедура

Для подсчета и обработки данных мы использовали программу SPSS. Также мы обработали полученные данные, чтобы соотносить не только корреляцию отдельных шкал, но и совпадение ответов у одних и тех же испытуемых.

3. Результаты

Исследование проводилось в два этапа.

Первый — в 2012-2013 году

Мы разделили ответы наших испытуемых на три группы в зависимости от благоприятности уровня FPI (этот уровень в группе варьировался от 8 до 63, и мы использовали уровень от 43 до 63, от 23 до 43 и от 8 до 23).

Далее мы рассмотрим значения этого коэффициента для разных групп испытуемых по уровню благоприятности FPI:

Первая группа — с высоким уровнем благоприятности FPI (ответы с благоприятностью от 43 до 63) — уровень ЭИ (экзистенциальной исполненности) для этой группы варьировался от 183 до 234, медиана и среднее — 207. Количество испытуемых в группе было 63 (Таблица 1).

Таблица 1.

Уровень ЭИ для благоприятных индивидуальных характеристик FPI (2012)

Уровень ЭИ в группе с благоприятным FPI 2012
OX - кол-во испытуемых, OY - ЭИ

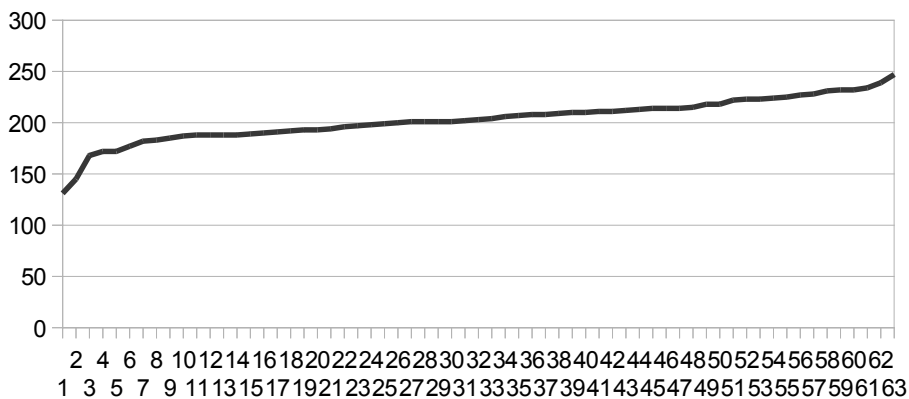
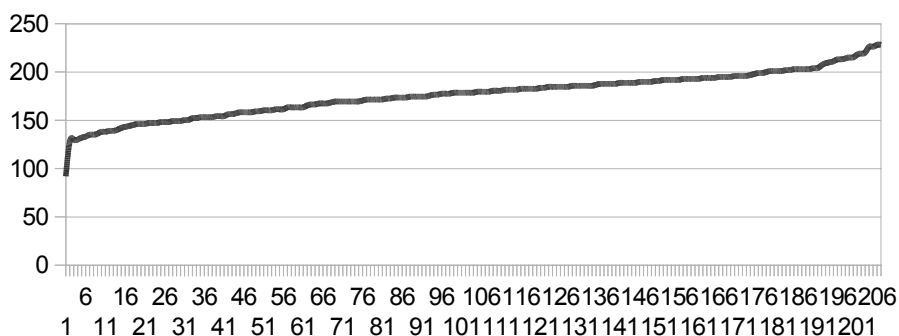

Таблица 2

Уровень ЭИ для среднего уровня индивидуальных характеристик FPI (2012)

Уровень ЭИ для среднего уровня FPI (2012)
OX - кол-во испытуемых, OY - уровень ЭИ

Во второй группе со уровнем благоприятности FPI от 23 до 43, оказалось 207 испытуемых. Уровень Экзистенциальной исполненности варьировался от 92 до 227, среднее 176 и медиана 178 (Таблица 2).

Для третьей группы уровень FPI варьировался от 8 до 23, в ней оказалось 125 испытуемых. Уровень экзистенциальной исполненности от 85 до 208, среднее 156 и медиана 156 (Таблица 3).

Как мы видим для 365 испытуемых, корреляция между индивидуальными характеристиками и экзистенциальной исполненности очевидна: менее благоприятные коэффициенты FPI соотносятся с менее благоприятным уровнем экзистенциальной исполненности.

Вторая часть: 2018

Мы повторили свое исследование в 2018. Мы сравнили высокие и низкие показатели: в этот раз из 365 испытуемых в исследовании приняли участие 174, наиболее высокий уровень благоприятности FPI был 64, самый низкий — 9.

Мы можем проследить и три благоприятных группы:

Первая группа — это уровень благоприятности FPI от 43 до 64. В эту группу вошло 35 испытуемых, коэффициент ЭИ варьировался от 169 до 234, среднее 207, медиана — 210 (Таблица 4).

Вторая группа с уровнем FPI 23-43 была представлена 97 испытуемыми, коэффициент ЭИ варьировался от 110 до 227, среднее 175, медиана 174 (Таблица 5).

Таблица 3.

Уровень ЭИ для низкого уровня индивидуальных характеристик FPI (2012)

Уровень ЭИ для низкого значения FPI (2012)
ОХ - кол-во испытуемых, ОУ - ЭИ

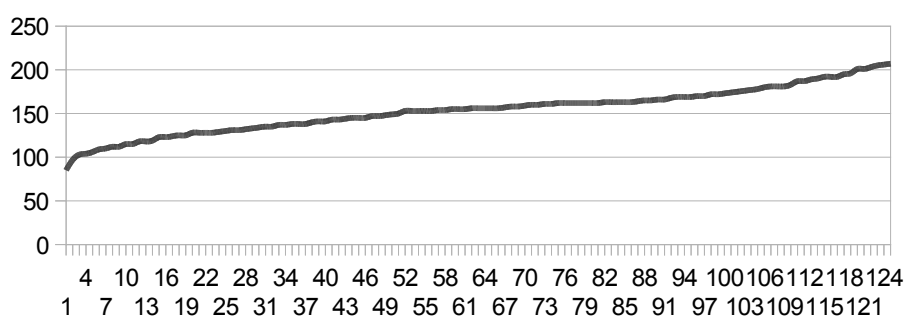

Таблица 4

Уровень экзистенциальной исполненности для высокого уровня благоприятности FPI (2018)

Уровень ЭИ для благоприятного уровня FPI (2018)
ОХ - кол-во испытуемых, ОУ - уровень ЭИ

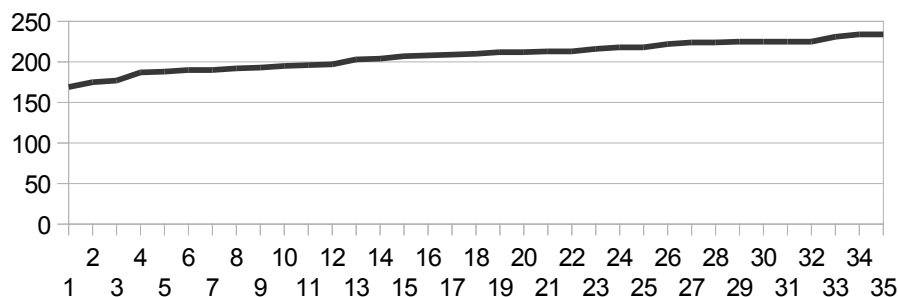

Таблица 5

Уровень корреляции экзистенциальной исполненности со средним уровнем FPI (2018)

Уровень экзистенциальной исполненности для среднего FPI (2018)
ОХ - количество испытуемых, ОУ - уровень ЭИ

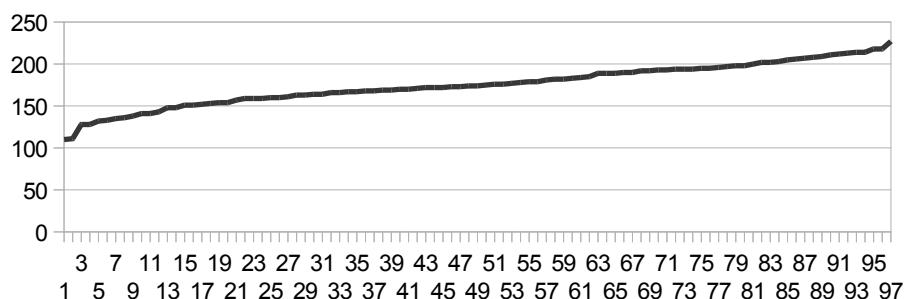

Таблица 6

Уровень экзистенциальной исполненности для низкого уровня благоприятности FPI (2018)

Уровень ЭИ для низкого уровня благоприятности ЭИ (2018)
ОХ - кол-во испытуемых, ОУ - Уровень ЭИ

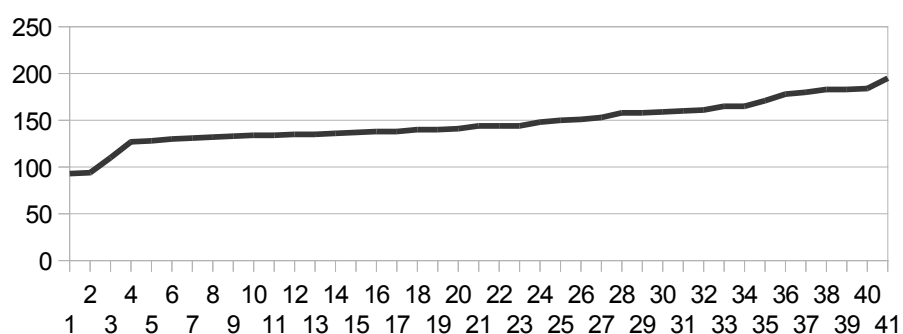

Таблица 7

Корреляция уровня благоприятности FPI и шкал FPI (2013 и 2018)

Шкала	Коэфф. Кор. 2013	Коэфф. Кор. 2018
1. Невротичность	-0,73	-0,73
2. Спонтанная агрессивность	-0,43	-0,43
3. Депрессия	-0,86	-0,91
4. Раздражительность	-0,62	-0,71
5. Общительность	0,53	0,58
6. Уравновешенность	0,62	0,72
7. Упрямство	-0,34	0,34
8. Застенчивость	0,72	-0,72
11. Эмоциональная нестабильность	-0,88	-0,9

Таблица 8

Корреляция уровня благоприятности FPI и шкал опросника Лэнгле-Оглер

Шкала	Коэфф. Кор. 2013	Коэфф. Кор. 2013
Самодистанцирование	0,42	0,33
Самотрансценденция	0,53	0,62
Свобода	0,55	0,56
Ответственность	0,59	0,64
Личность	0,58	0,61
Экзистенция	0,61	0,63
Экзистенциальная исполненность	0,65	0,71

Третья группа с низким уровнем FPI от 9 до 23 была представлена 41 испытуемым, уровень экзистенциальной исполненности варьировался от 93 до 201, среднее 146, медиана 144 (Таблица 6).

Мы также провели оценку корреляций благоприятного уровня FPI со шкалами FPI и шкалами опросника Лэнгли-Оглер (Таблицы 7, 8).

Как мы видим, этот показатель показывает высокую значимую корреляцию с благоприятными шкалами, отрицательную — с неблагоприятными и высокую значимую корреляцию с экзистенциальными аспектами опросника Лэнгли-Оглер. Также мы видим, что, спустя 6 лет, тенденция в данной группе сохранилась.

Дискуссия

Конечно, это не первое исследование: есть целый ряд работ на тему отношений личностных характеристик с последствиями для личности, например, корреляция личных качеств детей с их успехами и трудностями

в дальнейшей жизни (как мы уже писали), а также — например, с такими ценными качествами, как родительские стратегии: мы знаем, что люди с высоким уровнем открытости и способности договариваться чаще выбирают авторитетное и демократическое родительство, а люди с невротичностью — нестабильное или невовлеченное родительство (Eisenberg et al, 2006, Durkin, 1995). Наше исследование было посвящено новому пласту — исследованию отношений личностных характеристик с экзистенциальными аспектами личности.

Как мы видим, и в 2012, и в 2018 году, есть значимая корреляция между уровнем благоприятности FPI и уровнем экзистенциальной исполненности у испытуемых. Мы можем сказать, что индивидуальные характеристики личности и экзистенциальные аспекты связаны, поэтому личность с низким уровнем невротичности, депрессии, спонтанной агрессии, эмоциональной нестабильности и упрямства, а также с высоким уровнем общительности и уравновешенности будет более счастлива и реализована в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clark, L.A., Kochanska, G., & Ready, R. (2000). Mothers' personality and its interaction with child temperament as predictors of parenting behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79, 274–285.
2. de St. Aubin, E., & Mc Adams, D. P. (1995). The relation of generative concern and generative action to personality traits, satisfaction/happiness with life and ego development. *Journal of Adult Development*, 2, 99–112.
3. Durkin K. "Developmental social psychology: from infancy to old age". Blackwell Publishnig 1995
4. Eisenberg, N., Fabes, R.A., & Spinrad, T.L. (2006). Prosocial development. In R.M. Lerner, N. Eisenberg, & W. Damon (Eds.). *Handbook of child psychology: Vol. 3. Social, emotional and personality development* (pp. 646–718). New York: Wiley.
5. Eisenberg, N., Fabes, R.A., Shepard, S.A., Guthrie, I.K., Murphy, B.C., & Reiser, M. (1999). Parental reactions to children's negative emotions: Longitudinal relations to quality of children's social functioning. *Child Development*, 70, 513–534.
6. Eisenberg, N., Hofer, C., Spinrad, T.L., Gershoff, E.T., Valiente, C., Losoya, S., Maxon, E. (2008). Understanding mother–adolescent conflict discussions: Concurrent and across-time prediction from youths' dispositions and parenting. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 73, 1–160.
7. Erik H. Erikson, Joan M. Erikson, *The Life Cycle Completed: Extended Version* (W. W. Norton, 1998)
8. Fahrenberg J., Hampel R., Selg H.: *FPI-R Freiburger Persönlichkeitsinventar. 8. erweiterte Aufl.* Hogrefe, Göttingen 2010.
9. Frankl V. "Happiness and the meaning of life". *Krankenpflege Journal*. 32:427-8, Wurzburg, Berlin 1994
10. Kiff, C.J., Lengua, L.J., & Zalewski, M. (2011). Nature and nurturing: Parenting in the context of child temperament. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 14, 251–301. doi: 10.1007/s10567011-0093-4
11. Langely A (2004) Objectives of Existential Psychology and Existential Psychotherapy. In: *International Journal of Existential Psychology and Psychotherapy* 1, 1, 99–102
12. Peterson, B.E., Smirles, K. A., & Wentworth, P.A. (1997). Generativity and authoritarianism: Implications for personality, political involvement, and parenting. *Journal of Personality and Social Psychology*, 72, 1202–1216.

© Лито Адриана Николаевна (adrianaimj7@gmail.com), Литвиненко Анастасия Николаевна (anlipsi@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНЫХ ПОДРОСТКОВ

Сенченко Владимир Владимирович

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова» (г. Симферополь)
senchenko_n.a@mail.ru

FEATURES OF COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS OF INTERNET ACTIVE TEENAGERS

V. Senchenko

Summary: The article discusses the results of a study of the process of Internet active adolescents. The main factors and components influencing the characteristics of adolescents' communication have been identified, among them: parameters of virtual identity, the influence of attitudes in communicating with other people, the use of psychological defense strategies, the need for communication. The author uses the time spent by adolescents on the Internet as a grouping variable. The study revealed significant differences at the cognitive level on the scales of «justified negativism» and «grumbling»; at the motivational level, there are differences in the virtuality and involvement of the respondents.

Keywords: adolescents, virtual communication, attitudes, focus, involvement.

Аннотация: В статье обсуждаются результаты исследования процесса интернет-активных подростков. Определены основные факторы и компоненты, влияющие на особенности общения подростков, среди них: параметры виртуальной идентичности, влияние установок в общении с другими людьми, применение стратегий психологической защиты, потребность в общении. В качестве группирующей переменной автор использует время, проводимое подростками в Сети. В ходе исследования выявлены достоверные различия на когнитивном уровне по шкалам «обоснованный негативизм» и «брюзжание»; на мотивационном уровне проявляются различия в виртуальности и вовлеченности респондентов.

Ключевые слова: подростки, виртуальное общение, установки, направленность, вовлеченность.

Актуальность проблемы исследования

В современном мире стремительно развиваются компьютерные технологии. С распространением сети Интернет многие люди приобрели возможность беспрепятственно взаимодействовать друг с другом на большом расстоянии. Особую важность проблема межличностных коммуникаций приобретает по отношению к подростковому возрасту. Именно они активно используют сеть Интернет с целью общения, что может вызвать сложности в реальной жизни.

Негативные моменты проявляются в сокращении непосредственных социальных взаимодействий, сужении социальных связей, вплоть до одиночества, в развитии депрессивных состояний, формировании неадекватных социальных перцепций, в сокращении внутрисемейного общения, в возрастании внешнего давления.

Цель статьи: выделить психологические особенности общения интернет-активных подростков.

Обзор литературных источников

Растущая популярность Интернета, появление в нем новых видов деятельности и форм взаимодействия свидетельствуют о том, что Интернет стал новым средством социализации личности [5,6]. Однако стоит отметить не-

однозначность влияния интернет-среды на личность. Такая неоднозначность проявляется в том, что информационные возможности интернет-среды, как перенос активности из реального пространства в виртуальное создают благоприятные условия как для самореализации человека, так и для отклонения от обычного процесса социализации. Данные факты обусловлены снятием многих запретов реального мира в виртуальной среде [1,3].

Интернет, как область социального взаимодействия, отвечает одному из важнейших критериев социального института – это удовлетворение устойчивой социальной потребности за счет функций, которые он выполняет. Эти функции очень разнообразны. Ведущая среди них – коммуникативная, посредством которой реализуются другие функции: содействие укреплению социальных отношений путем передачи информационных моделей поведения и деятельности во всех секторах общества (экономической, политической, культурной сферах) [2, 4, 7,8].

На сегодняшний день подростками в Интернете применяются все способы для максимального приближения общения в Сети к живому общению в повседневной жизни. При этом чаще всего используется видео как способ обмена информацией. Это связано с тем, что такой канал связи, с одной стороны, является достаточно полным с

точки зрения передачи информации, а с другой стороны, доступным из-за высокого качества интернет-соединений [8].

Так как процесс общения в Интернете происходит на расстоянии, межличностные контакты значительно истощены. Это приводит к снижению и недоразвитию коммуникативных навыков, способности подростков понимать и читать невербальные признаки общения, труднее определить эмоциональное состояние собеседника во время живого общения и, следовательно, труднее выбрать правильную линию поведения. Незначительное количество общения в реальном мире, легкость прерывания нежелательных контактов в социальных сетях, все это не позволяет подростку научиться решать сложные конфликтные ситуации общения. Часто конфликты, возникающие при онлайн-общении (например, из-за негативных комментариев к фотографиям, статусам), переходят в реальную жизнь [7,8].

В ходе теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Интернет-активность – это интегральная характеристика личности, включающая в себя в качестве главной переменной время активной деятельности личности в интернет-пространстве. В зависимости от времени активной деятельности в интернете можно выделить несколько групп пользователей: неактивные, малоактивные, умеренные, активные, чрезмерно активные.
2. Процесс общения определяется развертыванием его когнитивной, мотивационной и поведенческой составляющих. Когнитивная составляющая предполагает набор психологических характеристик, присущих индивиду, таких как установки и суждения. Причины той или иной деятельности в виртуальной жизни составляет мотивационный компонент. Поведенческая составляющая определяет характерные черты, личностные особенности индивида, такие как конфликтность, агрессия, избегание и т.д. Содержание составляющей определяется культурным фоном виртуального сообщества.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие учащиеся 8-9 классов крымских школ в количестве 220 человек. Из них 113 девочки и 107 мальчиков.

В качестве диагностического инструментария нами был использован следующий комплекс методик: для выделения групп – анкетирование; для исследования когнитивной составляющей процесса общения – методика диагностики типа коммуникативной установки (Бойко В. В.). Кроме того, для исследования принятия

культурных ценностей общества респондентам было предложено написать основные ценности современности, а затем было проведено ранжирование этих ценностей.

Обсуждение результатов исследования

На первом этапе исследования по параметру времени, проведенного в Сети, было выделено 5 групп: 27 человек от всей выборки проводят в Сети до 1 часа в день; 38 подростков – 1-2 часа в день; 54 человек – 3-4 часа; 59 респондента находятся в интернет-пространстве от 5 до 6 часов в день; 42 человека посвящают виртуальной Сети более 6 часов в день.

Для изучения когнитивной составляющей мы определили наличие и степень выраженности негативных коммуникативных установок, отражающих готовность недоброжелательно относиться к большинству окружающих. Такие установки формируются под влиянием неблагоприятного опыта человеческого взаимодействия, а также вследствие ярко выраженных эмоций отрицательного спектра. Результаты исследования когнитивной составляющей у респондентов выделенных групп отображены на рисунках 1-2.

Как видно на рисунке 1, по параметру завуалированной жестокости наблюдаются высокие показатели более чем у половины от совокупности выборок. Можно судить о том, что респонденты с выраженной завуалированной жестокостью отличаются настороженностью, недоброжелательностью в отношениях со многими партнерами в виртуальном пространстве. Такие подростки склонны делать отрицательные выводы о людях, а также к отсутствию сочувствия, к нежеланию откликаться на проблемы других людей. Бойко В. В. также отмечает, что такие люди несут в себе негативную энергию [2].

Склонность к проявлению открытой жестокости характерна для трети всех респондентов, однако значимых различий между группами по этому критерию не выявлено.

Подростки с выраженной открытой жестокостью не скрывают свои негативные эмоции и не смягчают оценки в попытке выразить свое мнение об окружающих их людях. Такие люди также склонны считать: «Лучше думать о человеке плохо и ошибиться, чем думать хорошо». Подростки чаще всего заранее отрицательно настроены практически на любого нового партнера. Обычно это происходит в силу прошлого негативного опыта. Подобные ожидания препятствуют укреплению контактов.

Высокие показатели по шкале «обоснованный негативизм» более характерны для подростков из группы 4 и группы 5.

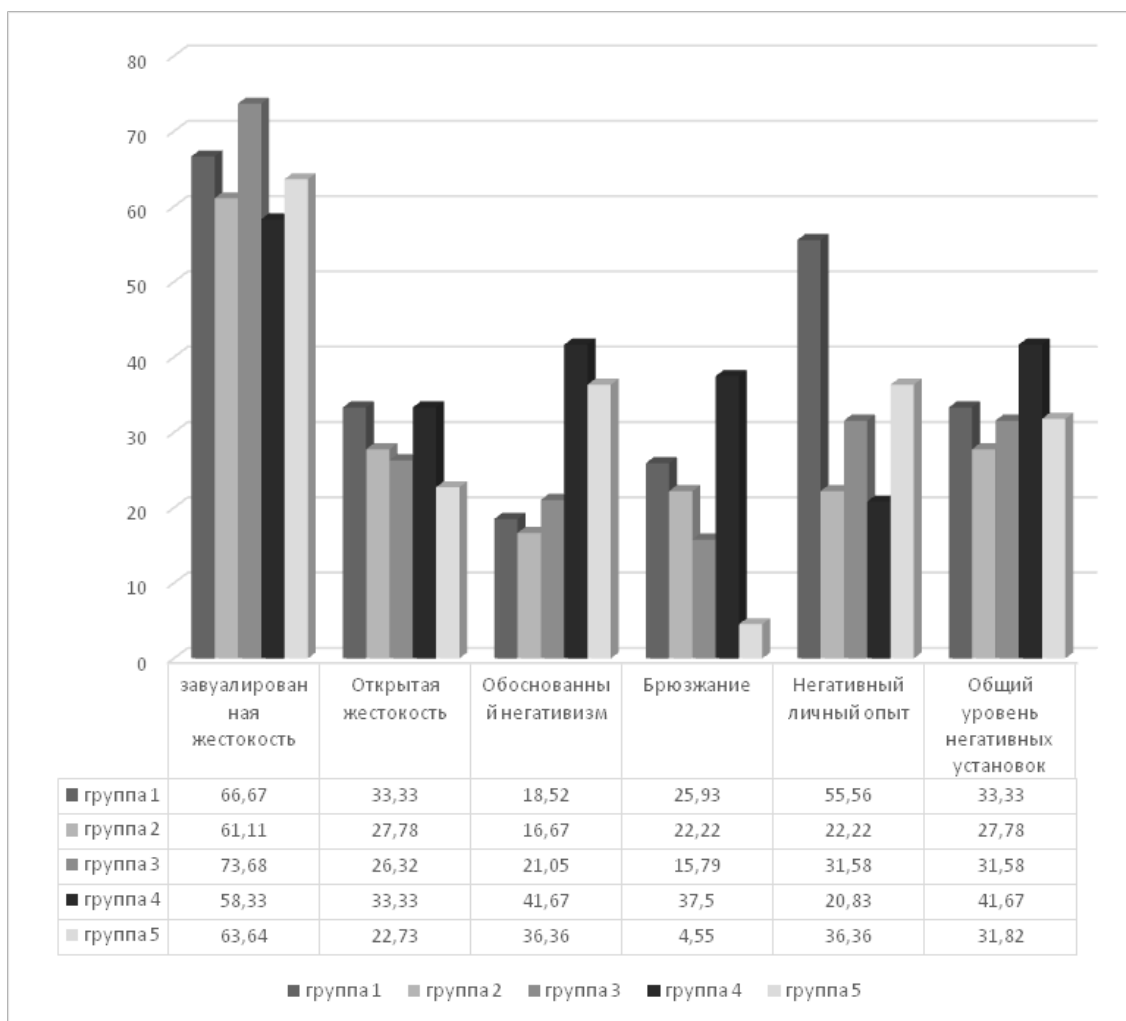

Рис. 1. Распределение респондентов с высоким уровнем негативных установок в зависимости от времени пребывания в Сети (в %)

Этот компонент закладывает в себе склонность делать обусловленные отрицательные выводы о некоторых людях, либо отдельных сторонах взаимодействия с ними.

Распределение респондентов с низким уровнем обобщения негативных установок приведено на рисунке 2.

Наблюдается некоторая тенденция уменьшения негативного параметра брюзжания от первой группе к пятой. Брюзжание означает склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью. Выраженное брюзжание несет в себе отрицательную энергию и вызывает дискомфорт у партнеров. Такие подростки в ситуациях межличностной коммуникации прибегают к воспоминаниям о прошлом негативном опыте. Это сказывается на их общении с ближайшим кругом знакомых и партнеров по совместной деятельности. Прошлый негативный опыт

удерживает постоянное высокое напряжение отрицательной энергии эмоций. Порой достаточно небольшого провоцирующего обстоятельства, чтобы такой опыт воспроизвелся в сознании и поведении личности и отразился на отношениях с людьми.

Результаты статистического анализа приведены в Таблице 1.

Таблица 1
Результаты статистического анализа

Критерий	Эмпирические значения, $h_{эмп}$
Завуалированная жестокость	3.50493
Открытая жестокость	7.49611
Обоснованный негативизм	14.67802
Брюзжание	16.94247
Негативный личный опыт	2.73323
Общий уровень негативных установок	4.61813

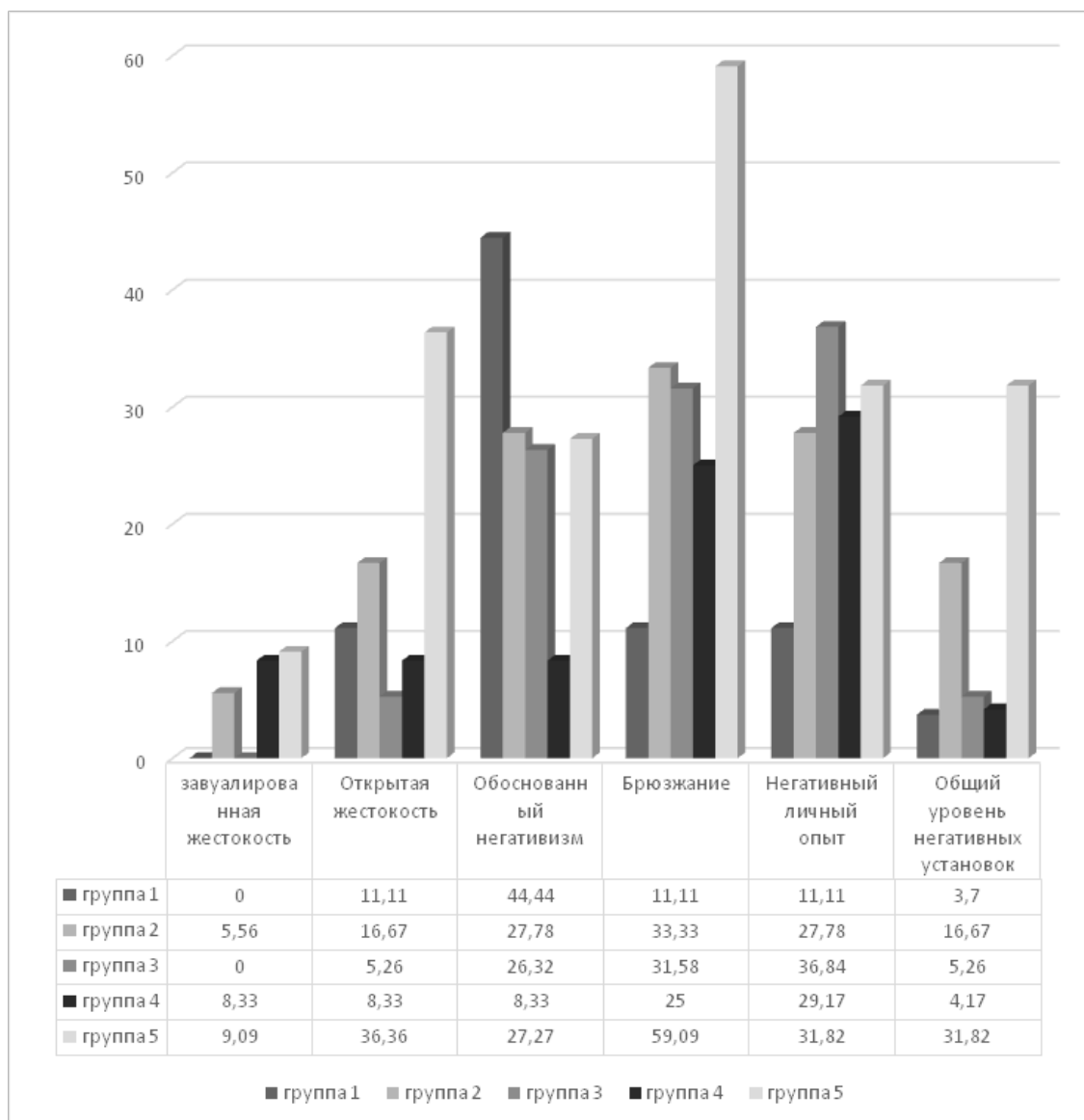

Рис. 2. Распределение респондентов с низким уровнем негативных установок в зависимости от времени пребывания в Сети (%)

Согласно таблице критических значений, уровень значимости $p \leq 0,05$ равен 9,488, а $p \leq 0,01$ – 13,278. Таким образом, эмпирически достоверными можно считать различия в указанных выборках по шкалам «обоснованный негативизм» и «брюзжание».

Можно судить о том, что тенденцию к высоким показателям по шкале «обоснованный негативизм» в большей степени проявляют подростки из 4 и 5 групп, в то время как низкими показателями отличаются представители группы 1, 2 и 3. В группе 5 выявлено наименьшее количество испытуемых, выражающих склонность к высокому уровню брюзжания. По всем остальным шкалам значимых различий нет.

Исследование социальной направленности, вирту-

альности и вовлеченности личности в зависимости от времени нахождения в Сети показало, что нет значимых различий по количеству респондентов с просоциальным поведением в зависимости от времени пребывания в Сети.

Как видно на рисунке 3, с увеличением времени, проведенного в социальных сетях, достоверно снижается количество респондентов с антисоциальным поведением. Основными компонентами направленности являются тенденции, установки, интересы и потребности. Коммуникативная направленность представляет собой готовность к восприятию воздействий партнера, а также к направленному коммуникативному воздействию по отношению к нему самому.

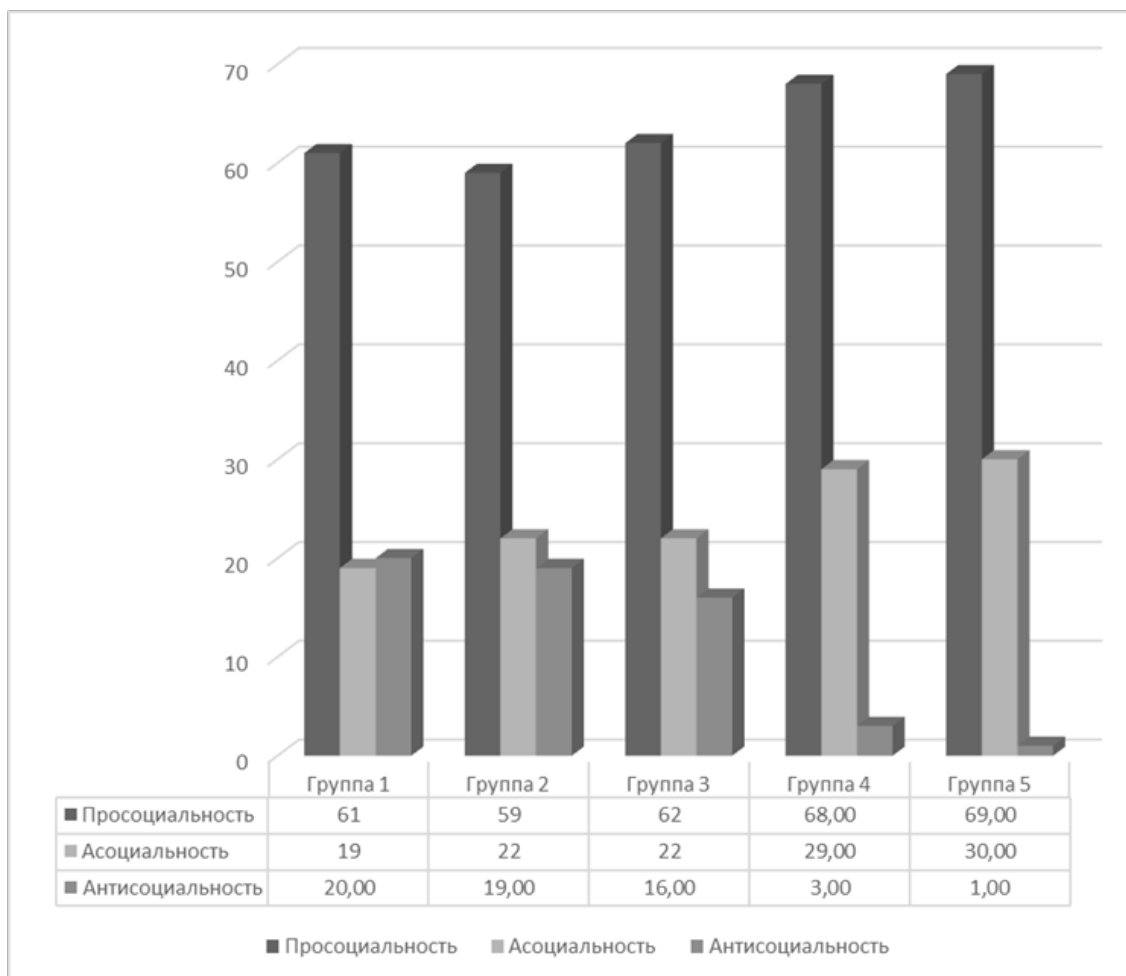

Рис. 3. Распределение респондентов по шкале направленность в зависимости от времени пребывания в Сети (%)

Результаты анализа связи между временем, проведенным в Сети Интернет, и компонентами мотивационной составляющей общения отображены в Таблице 2.

Таблица 2

Корреляционные данные

Компонент	Коэффициент корреляции
Виртуальность	0,33
Вовлеченность	0,35
Направленность	-0,26

При $p \leq 0,05$ $\rho_{\text{крит.}} = 0,14$, а при уровне значимости $p \leq 0,01$ $\rho_{\text{крит.}} = 0,18$.

Как мы видим из таблицы 2, существует достоверная умеренная положительная связь между временем, проводимым подростками в Сети, с уровнями виртуальности и вовлеченности, а также слабая отрицательная связь с уровнем направленности.

Таким образом, проведенное исследование позволи-

ло сделать следующие выводы:

1. Выявлены достоверные различия на когнитивном уровне по шкалам «обоснованный негативизм» (14.67802) и «брюзжание» (16.94247) в зависимости от увеличения времени пребывания респондентов Сети. Исходя из результатов анализа, также можно предположить, что подростки, проводящие меньшее количество времени в виртуальном пространстве, в меньшей степени склонны к проявлению обоснованного негативизма, но более склонны к брюзжанию.
2. Статистически достоверная отрицательная связь наблюдается между временем, проведенным в Сети, и уровнем направленности подростков (-0,25). Смещение показателей в сторону асоциальной направленности в контексте времени в Сети показывает небольшие изменения в тенденциях, установках, интересах и потребностей. Можно предположить, что у подростков несколько изменяется готовность к восприятию воздействий партнера, а также к направленному коммуникативному воздействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арестова О.Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вестник Московск. Ун-та. – М., 1996. – Серия 14. Психология. – № 4 – С. 14–20.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на Других. – М.: Инфор, Издат. Дом Филип, 1996. – С. 210.
3. Иванова Д.И. Аутентичность личности интернет-пользователя в процессе интернет-социализации // ПНиО. – 2015. – №2 (14). [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnost-lichnosti-internet-polzovatelya-v-protse-internet-sotsializatsii>.
4. Костина Л.М. Психологическая безопасность личности: подходы, компоненты. Преемственность психологической науки в России: традиции и инновации: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию Герценовского университета. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – С. 292.
5. Лучинкина А.И. Особенности интернет-социализации на основном этапе: интернет-дикари и хакеры. – Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2018. – Серия: Педагогика. Психология. – № 3 (13). – С. 40–45.
6. Лучинкина А.И. Психология интернет-социализации личности: монография. – Симферополь: ВД «АРИАЛ», 2013. – 350 с
7. Лучинкина А.И. Особенности коммуникативного поведения в интернет-пространстве подростков с разными типами суицидального поведения/Лучинкина А.И., Лучинкина И.С.// Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 128–143.
8. Лучинкина А.И. Троллинг в интернет-пространстве как результат девиантной интернет-социализации // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 68–76.

© Сенченко Владимир Владимирович (senchenko_n.a@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

ПАЛЛИАТИВНАЯ ТЕРАПИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ БЕЗНАДЕЖНО БОЛЬНЫХ ПАЦИЕНТОВ: ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PALLIATIVE THERAPY AND QUALITY OF LIFE IN RELIABLE PATIENTS: ETHICAL ASPECTS

Z. Abdulaeva

Summary: In Russia, the problem of hopeless patients suffering from incurable diseases is very acute. The article discusses the goals, objectives, essence of palliative medicine and possible prospects for its development from the standpoint of ethics. The author highlights a holistic approach to providing assistance in the terminal state.

Keywords: terminal condition, death, palliative care, hospice, quality of life, ethics.

Абдулаева Заира Эсенбулатовна

*К.ф.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет
zaina1972@mail.ru*

Аннотация: В России очень остро стоит проблема безнадежных больных страдающих неизлечимыми заболеваниями. В статье рассматриваются цели, задачи, сущность паллиативной медицины и возможные перспективы его развития с позиций этики. Автором выделяется холистический подход к оказанию помощи в терминальном состоянии.

Ключевые слова: терминальное состояние, смерть, паллиативная помощь, хоспис, качество жизни, этика.

«Хоспис – это дом, в котором соединяются высочайший гуманизм и профессионализм...»

Академик Дмитрий Лихачев

У жизни есть две важные точки – это рождение и смерть. Мы успешно родились и перед нами вопрос как нам столь же успешно умереть. Еще в древние времена люди пытались помочь и поддержать друг друга во время болезни и в преддверии надвигающейся смерти. Умиравшего человека окружала обстановка таинственности и торжественности. В древнем мире смерть не считалась личным делом, так как ценность человека жестко зависела от выполнения им социальных функций в обществе.

Болезнь и смерть есть и всегда будут неизбежной частью человеческого опыта. По тому, как общество заботится о детях, престарелых и умирающих, судят о зрелости этого общества. Основы благополучной старости закладываются с детства. Соответственно, важно выработать такое отношение к смерти, как к закономерному этапу пути человека.

В философской традиции, идущей от Августина к Паскалю, Кьеркегору, и далее экзистенциализму, страдания человека рассматриваются как ценности, необходимые для выражения эмоциональной полноты бытия, прихода к высшему смыслу, понимаемому как соединение с Богом при сохранении сознания «Я». По мысли Паскаля, страдание, необходимое как шаг на пути к смерти, выступает как результат культивирования состояния тревоги, тоски, способствующему высокому трагическому накалу души.

Л. Карсавин в «Поэме о смерти» говорит о всеобщем характере страдания, которая пронизана и жизнь, и смерть, и посмертное бытие. Страдание предстает как причастие мира и тем самым отвергается рационалистический оптимизм, признающий отсутствие страдания как благо. По мере того, как смерть все больше вытесняется из жизненного пространства человека, из его жилища, появляются специальные дома «дома мертвых». Постепенно «торжественная смерть» в семейном кругу уходит из европейской цивилизации. [1, с.243]

В прошлом люди умирали неожиданно. Постоянный прогресс в медицине позволяет жить нам дольше, но одновременно мы переживаем длительные физические и моральные переживания и изоляцию от общества. Поэтому, главное усилие в оказании помощи безнадежно больному должно быть направлено на то, чтобы не позволить болезни, страданиям и боли господствовать над человеком, т.е. купирование боли и других патологических симптомов, а также решение социальных, психологических и духовных проблем больных.

Пугает возрастающее число сторонников активной эвтаназии, особенно среди студентов-медиков. Практику эвтаназии они находят приемлемой не только для себя, но и для самых близких. Основные причины оправдания эвтаназии: депрессия, экзистенциальные страдания, утрата независимости, боязнь стать обузой для семьи и общества, бедность. Большинство таких людей в нашей стране не имеют средств для проведения полноценного лечения.

«Можно утверждать, что во всех больницах России

распространена такая практика, когда больного, находящегося в терминальном состоянии, по просьбе самого больного или его родственников, а зачастую по подсказке врачей, выписывают из больницы домой (как говорят в народе, «выписали умирать»). Ясно, что это не во всех случаях означает прекращение оказания ему медицинской помощи, прекращение усилий врачей по спасению его жизни. Эти мероприятия могут быть продолжены и дома. И все-таки в значительной части подобных случаев такие больные остаются без интенсивных мер терапии, лечение ограничивается попытками создать ему возможный физический и психический покой. А это и есть пассивная эвтаназия. И такое решение нередко принимается не консилиумом, не этическим комитетом, а лечащим врачом единолично» [2, с.148]

Моральная проблема заключается в том, что многие врачи и общественные деятели высказывают мнение, что на принятие решения самим больным о выписке его из больницы домой может влиять не столько тяжесть его состояния и страдания, сколько отсутствие альтернативы, особенно отсутствие возможностей обеспечить умирающему максимальную поддержку и помощь, улучшить качество его жизни.

С целью облегчения страданий инкурабельного больного, в том числе умирающего, зарождается паллиативная помощь. (и хоспис как ее компонент для оказания помощи в конце жизни)

Паллиативная помощь — направление медико-социальной деятельности, целью которого является улучшение качества жизни больных и их семей, оказавшихся перед лицом смертельного заболевания.

Кроме того, в новом определении период оказания помощи выходит за рамки периода болезни и включает в себя необходимость поддержки близких и после смерти пациента, которые переживают тяжелую утрату.

Облегчение бремени лечения и ухода за безнадежными больными достигается соблюдением трех основных принципов: эффективное симптоматическое лечение, борьба с болью; максимальное повышение качества жизни; всесторонняя реабилитация характерного заболевания, качественно ограничивающего жизнедеятельность человека.

До последнего времени не подчеркивалась важность обучения и профессиональной подготовки в области этих обширных разделов помощи.

Холистический подход к оказанию помощи – это хорошее качество медицинского обслуживания, что чрезвычайно важно в паллиативной помощи.

Множественные опросы подтверждают мнение о том, что желание умереть у больных с тяжелыми, причиняющими страдания, неизлечимыми заболеваниями, связано с отказом от именно такой жизни, а не от жизни вообще. Поэтому единственной альтернативой эвтаназии, на сегодняшний день, является организация хосписов и предоставление качественной паллиативной помощи, хотя эτικο-философские основания современной паллиативной медицины являются по ряду вопросов спорными.

Современная философия, а также основные революционные положения хосписной и паллиативной помощи, впервые были сформулированы и опубликованы С. Saunders в журнале для медсестер Великобритании: “Nursing Times” в 1961 г. С. Saunders подчеркивала, что необходимо прежде всего обратить внимание на пациента, а не на его болезнь, и впервые представила концепцию «совокупной боли», что включает в себя не только физическую боль, но и психологическую, и душевную.

Принципы хосписной и паллиативной помощи:

- утверждать жизнь и рассматривать смерть как нормальный процесс;
- не ускорять и не отсрочивать смерть;
- облегчать боль и другие тягостные симптомы;
- учитывать психологические и духовные аспекты помощи;
- предлагается система помощи, которая обеспечивает больным возможность жить настолько активно, насколько это возможно, до самой смерти;
- предусматривается система помощи семье пациента во время его болезни, а также после его смерти.

К сожалению, не только в широких кругах, но даже и среди медицинских работников, существует несколько искаженное представление и сущности паллиативной помощи.

Исходная идея хосписа очень проста: умирающий нуждается в особой помощи, ему можно и должно помочь пройти через границу жизни и смерти.

На протяжении многих лет сторонникам С. Saunders приходилось и приходится преодолевать множество препятствий, среди которых – профессиональная черствость по отношению к терминальным больным и табу на открытое обсуждение проблемы умирания как среди медицинских работников, так и в обществе в целом. Очень мало внимания обращается на последние моменты жизни человека. С одной стороны жизнь поддерживается только с помощью медицины, а с другой люди чувствуют себя брошенными.

В России первый хоспис был открыт в 1990 г. в Санкт-

Петербурге по инициативе английского журналиста В. Зорза и врача-психотерапевта А.В. Гнездилова, а также при активной поддержке общественности, в частности академика Д.С. Лихачева и писателя Д.А. Гранина.

В настоящее время паллиативная медицинская помощь осуществляется в соответствии с идеями концепции качества жизни и предполагает использование в соответствии с конкретной ситуацией экстраординарных и ординарных средств медицинской помощи. Эксперты ВОЗ и Римско-католическая церковь (в лице Папы Пия XII) признали нецелесообразным применять экстраординарные медицинские средства в случаях, когда пациент находится в терминальном состоянии. Это новое понимание гуманного отношения к умирающему пациенту не использовать имеющиеся в арсенале медицины методы и средства для продления процесса умирания человека, который, как правило, сопровождается физическими и душевными мучениями. Оказание паллиативной помощи не должно оттягивать наступление смерти умирающего человека. Целью паллиативной помощи является достижение наилучшего качества жизни больных и их семей.

Считается, что выбор между ординарным и экстраординарным мерами медицинской помощи должен осуществляться в соответствии с принципом пропорциональности, согласно которому польза от медицинского вмешательства для больного должна превышать степень причиняемого при этом вреда. «Концепция разграничения ординарного и экстраординарного лечения и исторически, и как таковая лежит в основе философии современной паллиативной медицины, призванной способствовать реализации права человека на достойную смерть. ...Прежняя тактика ведения умирающих больных (продления их жизни во что бы то ни стало), если речь о безусловно безнадежных случаях, теперь трактуется как унижительное для больных, бессмысленное пролонгирование умирания, превращение участи тех, кому выпал «ужасный конец», в «ужас без конца». ...Этическая максима безусловно уважения жизни пациента в паллиативной медицине приобретает следующий вид: если невозможно прервать или даже замедлить развитие болезни, если больной обречен, качество жизни, по логике вещей, становится более важным, чем её продолжительность» [3, с.254].

Поэтому, важно помнить, что паллиативная помощь призвана повышать качество жизни пациента, невзирая на предполагаемую небольшую продолжительность жизни.

Диагноз безнадежности и пациентом, и медперсоналом, и окружающими часто воспринимается как приговор, после которого между больным и внешним миром вырастает невидимая стена отчуждения и стигма, а к физическим страданиям добавляется ощущение одиночества, изолированности, чувство обреченности и безысходности. И если пациент видит себя глазами других, будто он исчез, то о чем ему остается просить, если не о скором наступлении смерти? [4, с 244].

Выдающийся русский биолог И.И. Мечников представлял другую позицию. Человек должен как бы изжить себя, устать и заснуть после плавного окончания периода деятельной бодрой старости. В таком подходе сочетается потребность человечества долгие сохранить физическое и психическое здоровье, используя достижения науки и техники, а также спокойное принятие смерти, понимание ее как естественное окончание жизненного цикла.

Касаясь вопроса повышения уровня оказания такой помощи, Дагестан вошел в число пилотных регионов России, для которых не только создается индивидуальная программа развития паллиативной помощи, но и обеспечивается ее сопровождение.

«Это одно из тех немногих мест в стране, где не нужно никого обучать философии паллиативной помощи. Забота о пожилых, немощных, вообще забота здесь часть культурного кода», - пояснила Анна Федермессер куратор проекта «Регион заботы» Общероссийского народного фронта (ОНФ), учредитель Фонда помощи хосписам «Вера». Она уточнила, что согласно традициям Дагестана, все тяжелобольные пациенты обязательно проживают последние дни дома. Люди стараются забрать домой даже родственников с психическими заболеваниями - тех, кого из-за уклада общества стараются не афишировать.

«Мы не можем добавить дней к жизни. Мы можем добавить жизни дням».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кетова Т.Н. Жизнь и смерть: по ту сторону метафизики. «Философия человека в историческом контексте» Санкт-Петербург, 2019, Стр. 243.
2. И.А. Шамов. Биомедицинская этика. Махачкала, 2005. С. 148.
3. Иванюшкин А.Я., Хетагурова А.К. История и этика сестринского дела. – М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2003, с.254.
4. Вестник Саратовской государственной юридической академии В.И. Порох, В.А. Катрунов, Е.В. Засыпкина. Паллиативная терапия и качество жизни безнадежно больных пациентов № 2 (103), 2015, стр. (243- 244)

© Абдулаева Заира Эсенбулатовна (zaina1972@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФИЯ А.А. РОИГА КАК АРТИКУЛЯЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И КУЛЬТУРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА¹

Басманов Алексей Владимирович

преподаватель, Российский университет дружбы
народов, Москва
basmalex1983@mail.ru

A.A. ROIG'S PHILOSOPHY AS AN ARTICULATION OF CIVILIZATIONAL AND CULTURAL FORMATION OF THE LATIN AMERICAN COLLECTIVE SUBJECT OF THE HISTORICAL PROCESS

A. Basmanov

Summary: The Latin American philosophy of liberation was formed as an expression of the collective will of the peoples of Latin America, aimed at overcoming the totality of the Western European way of thinking and creating their own authentic philosophy. Roig A. A. is one of the most significant and prominent representatives of the philosophy of liberation. In his works, Roig explores the features of the historical process in the formation of the Latin American collective subject. The philosopher believes that the key role in shaping the specifics of the Latin American way of thinking is played by the peculiarities of the history of civilizational interaction on the continent. Roig re-evaluates the events of Latin American history, in particular, the Conquest, opening up new aspects of self-identification of Latin American ethnic groups. The main themes of his works are dependence and the need for liberation, the socio-historical dimension of philosophical discourse, the conflict of human society, the methodological expansion of philosophizing, the origin and formation of the historical subject, the decentralization of history, the correlation of theory and practice, the problem and Latin American symbolism.

Keywords: Philosophy of liberation, Latin America, collective subject of history, totality, decentralization, authentic philosophy, civilizational interaction, self-identification, ethnicity, dependence.

Аннотация: Латинская философия освобождения сформировалась как выражение коллективной воли народов Латинской Америки, направленной на преодоление тотальности западноевропейского образа мысли и создание своей, аутентичной философии. Роиг А.А. один из наиболее значимых и ярких представителей философии освобождения. В своих работах Роиг исследует особенности исторического процесса в формировании латиноамериканского коллективного субъекта. Философ считает, что ключевую роль в формировании специфики латиноамериканского образа мысли играют особенности истории цивилизационного взаимодействия на континенте. Роиг переоценивает события латиноамериканской истории, в частности, Конкисту, открывая новые аспекты самоидентификации латиноамериканских этносов. Основными темами его работ являются зависимость и необходимость освобождения, социально-историческое измерение философского дискурса, конфликтность человеческого общества, методологическое расширение философствования, зарождение и становление исторического субъекта, децентрализация истории, соотношение теории и практики, проблема и латиноамериканской символики.

Ключевые слова: Философия освобождения, Латинская Америка, коллективный субъект истории, тотальность, децентрализация, аутентичная философия, цивилизационное взаимодействие, самоидентификация, этнос, зависимость.

Введение

Интерес к Латинской Америке особенно проявился в последние 30-40 лет. Он обусловлен многими факторами, в частности - яркой национальной спецификой латиноамериканской культуры и литературы. Особое явление культурной жизни континента представляет философия. Основной ее особенностью является резкое размежевание и противоп-

ставление себя западноевропейскому философскому дискурсу.

Латиноамериканская философия представляет собой своеобразное культурное возмездие, ответ Старому Свету за то, что тот в середине второго тысячелетия посягнул на самобытное развитие континента. Она производит критическое переосмысление основ западноевропейского образа мысли, вскрывает его направ-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

ленность на порабощение, завоевание, использование «Другого». Она показывает субъекта западной мысли возмнившим себя единственным обладателем абсолютной истины бытия и основным субъектом истории, постулировавшим только свой Логос пригодным для разговора с Богом. «Другой» приобретает статус объекта и лишается своего собственного бытия, истории, свободы и Логоса.

Именно невозможность освобождения от завоевателей в рамках европейского Логоса, полагающего бытие объекта из бытия субъекта, и посему обладающего тоталитарными интенциями в отношении «Другого», привела интеллектуальную элиту Латинской Америки к необходимости переосмыслить историю философии, роль центра и периферии в ней и проявить свою свободу посредством обоснования и актуализации самобытного способа мышления. Отличительной ее особенностью является тот факт, что народы Латинской Америки представляются философами освобождения, как коллективный субъект истории, а сами философы - представители народа, артикулирующие его стремление к свободе. В этой связи хочется отметить наличие параллели с развитием испанского национального театра в 1960-70-х гг. (Независимы театр, Мадридский свободный театр) в постфранкистской Испании, освобождающейся от гнета тоталитарного режима. «Целями Независимого театра было пропаганда *народного* театра, *распространение социальной критики* и поиск новой аудитории» [1, с.5]. Речь идет о том, что интеллектуальная и творческая элита, выражающая устремления народа, как коллективно-субъекта истории, ищет пути освобождения от тотальности и артикулирует их через творчество в различных его проявлениях.

Основная часть

Объектом нашего исследования аргентинский философ Артуро Андрес Роиг (1922-2012). За свою долгую творческую жизнь он завоевал признание интеллектуальной элиты в Латинской Америке и за ее пределами наравне с Э. Дусселем. «Латиноамериканская философия представлена аргентинским философом Артуро Роигом, как философия завтрашнего дня в противовес предшествующей философской традиции; она - предвосхищение многогранного будущего, содержащегося в прошлом» [12, с. 151], так о нем отзываются его соотечественники. Однако в России его имя и творчество известны только в общих чертах.

Поскольку «Философия освобождения» представляет собой неоднозначное, полемичное идейное образование, в котором сосуществуют различные взгляды, тенденции и подходы, то можно смело сказать, что она все еще находится на стадии формирования. Истоки ее становления приходится на 70-е гг. XX в., что нельзя считать

серьезным сроком для превращения в зрелую систему идей. Не случайно для описания этого направления исследователями и самими представителями «философии освобождения» часто используется термин «философствование». В частности, у А. Роига почти всегда употребляется вместо существительного «философия» (*filosofia*) глагол «философствовать» или «мыслить» (*filosofar*) [5, с. 13]. Этот термин отражает процессуальный, поисковый характер философии «освобожденческой» мысли, ее постоянное развитие.

«Философия освобождения» первоначально была крайне тесно связана с «теологией освобождения» (по крайней мере до 1975 года). Позднее идея междисциплинарного развития философии потребовала пересмотра роли теологии внутри философского контекста и разработки новых, интегративных категорий [9, с. 80]. «Теология освобождения» оказала сильное влияние на творчество многих латиноамериканских философов, однако многие из них предпочли иной путь поиска аутентичной философии. В «философии освобождения» различают два основных направления [2, с. 243-249].

Первое во многом сформировалось под влиянием «теологии освобождения», его представляют Э. Дуссель, Х. Ассманн, Х.К. Сканноне, М. Касалья, Р. Куш и др. В целом их позицию отличает сосредоточенность на критической задаче деструкции учений западной философии как идеологической основы «господства» с целью очищения пространства для нового сознания, а также особое внимание к онтологическим, методологическим, этическим вопросам. Творчество некоторых представителей этого направления (напр., Х.К. Сканноне, М. Касалья и Р. Куш) может быть так же рассмотрено как «инкультурная философия», т.е. философия, «укорененная» в конкретную культуру, опирающуюся на нее в своих теоретических изысканиях [3, с. 127].

Деятельность представителей второго направления «философии освобождения» (А. Роиг, Г. Серутти, М. Сантос и др.) в большей степени связана с историей идей на континенте. Они стремятся воссоздать картину философского процесса в Латинской Америке и в этом опыте ищут основу для построения аутентичной философии. Наряду с философской проблематикой представители данного направления работают так же с проблемами эпистемологии, политики, идеологии. Их интересует разработка вопроса политической роли философии как специфической практики. В рамках этого направления философствования прежней философии как «теории свободы» противопоставляется новая философия, понимаемая как «освобождение». Здесь утверждается приоритет объекта перед субъектом, решающая роль практики по отношению к теории. Эта линия «философии освобождения» исходит из присущего угнетенным «сознания инаковости» как мобилизующего начала в

освободительной борьбе. Если представители первого направления в идейном плане тяготеют к популизму, то представители второго – напротив, критикуют его.

А. Роиг по своим взглядам безусловно принадлежит ко второму направлению. Основными темами его работ являются зависимость и необходимость освобождения, социально-историческое измерение философского дискурса, конфликтность человеческого общества, методологическое расширение философствования, зарождение и становление исторического субъекта, децентрализация истории, соотношение теории и практики, проблема интерпретации лингвистических знаков и латиноамериканской символики. Эти проблемы показывают, что А. Роиг представляет ту линию «философии освобождения», которая ориентирована на историцизм [2, с. 250].

Тема кризиса западноевропейской «философии субъекта», в которой сущность имела приоритет над существованием, субъект над объектом, также проходит красной нитью через многие работы Роига. На критике идеалистической философии Гегеля вырастает новый тип философии, который исходит из первичности объекта по отношению к субъекту. Начало этой философии Роиг увязывает с фигурой Маркса (а также видит ее элементы у Ницше и Фрейда) и называет ее «философией объекта», поскольку она дает возможность говорить о зависимости субъекта от его конкретных исторических условий, о становлении и зарождении субъекта в истории [12, с. 153].

В работах, посвященных анализу взглядов Роига отмечается, что его мышление имеет много различных форм выражения, которые в целом можно обозначить как «эмпирический историцизм» (*el historicismo empírico*) [ibidem]. Такая характеристика творчеству Роига дается не случайно. Как и многие другие интеллектуалы, представляющие «философию освобождения», Роиг значительное внимание уделяет проблеме исторического процесса как основе формирования сознания субъекта. Именно в истории формируется коллективное «Мы» латиноамериканских народов, являющееся ее субъектом. Исторический процесс, позволяющий человеку обрести свою идентичность, носит для Роига эмпирический характер, т. к. это реальное пространственно-временное движение исторического бытия. Обнаружение себя в пространстве и времени дает возможность человеку обнаружить себя и в качестве субъекта исторического процесса.

Вопрос о роли метафизики в «философии освобождения» также является предметом внимания философов «освобождения». Роиг считает, что в качестве основания теории метафизику следует избегать, т. к. она «неприемлема в силу отсутствия в ней ясности, что затрудняет

концептуальный анализ и теоретическое обоснование проекта освобождения» [3, с. 84]. Однако позиция Роига по вопросам роли метафизики в «философии освобождения» шире и не сводится к простому отрицанию: важным моментом его концепции «антропологического априори», изложенной в работе «Теория и критика латиноамериканского образа мысли» [6], является указание на то, что разум, достигший этапа спекулятивного мышления, имеет неизбежную склонность к метафизике.

Роиг в той или иной степени разделяет характерное для всей «философии освобождения» критическое отношение к «разуму». Для завоевателей «разум» является тем, что повелевает и иерархизирует, поэтому для угнетенного он является не-разумом. Для философии угнетателей любое изменение теоретически представлено как имманентное «разуму», тогда как сознание угнетенного всегда исходит из подсознательного желания изменения, прорыва этого оправдывающего действия угнетателя и повелевающего разума. Представляется, что это подсознательное желание проявляется в стихийно возникающем массовом сознании протеста, который в свою очередь является источником «философии освобождения». Этот подсознательный протест также порождает то, что было названо деятелями «философии освобождения» «сознанием инаковости». Имеется в виду осознание угнетенным своего социального отличия от угнетателей, противостояние господствующей системе в качестве «Другого» и понимание необходимости радикальных перемен и становления иного общества. Однако позицию Роига отличает двоякое отношение к «разуму». В своих работах (*“Rostro y filosofía de América Latina”* [7] и *“El pensamiento latinoamericano y su aventura”* [8]) Роиг «показывает ограниченность классического рационализма и необходимость более широкого понимания разума» [4, с. 99]. Дело в том, что для Роига рациональное остается базовой компонентой духовной деятельности человека. Критике же философ подвергает ту форму разума, в которой он предстал в философии модерна. Т. е. он негативно относится к таким свойствам разума в его западноевропейской трактовке как тотальность, универсализм, эгоцентризм. Кроме того, критике с его стороны подвергается европоцентристская интерпретация историко-философского процесса, ставшая результатом воплощения в жизнь вышеуказанных свойств разума философии модерна.

По целям своих философских поисков Роиг не отличается от «коллег по цеху». Он ищет базис для построения аутентичной философии, созданной от имени латиноамериканского коллективного субъекта истории, сознание которого сформировалось в особых исторических условиях Латинской Америки. Основу этого сознания Роиг ищет в языке, в истории латиноамериканских народов, которая представляет собой «антропологическое априори» современного латиноамериканского со-

знания. Основной задачей «философии освобождения» Роиг считает разработку новых интегрирующих понятий, которые исходили бы из историчности человека. Необходимо выработать теорию, которая дала бы адекватные концептуальные инструменты, позволяющие каждому человеку всецело включиться в дело народного освобождения. Историчность обыкновенного человека раскрывается в его повседневном опыте, а не в мыслях философа. Она раскрывается в действиях человека как творца и преобразователя своего мира [12, с. 154].

Конкиста как историческое событие вызывает особый интерес у философов «освобождения», поскольку оно в корне изменило жизнь латиноамериканских народов. Именно с осмысления значения этого события для жизни Латинской Америки начинается любое философское осмысление современной латиноамериканской действительности.

Конкиста была моментом столкновения двух субъектов: европейского и латиноамериканского. Этот момент обозначается как «надлом» (*ruptura*). Переосмыслению его значения Роиг уделяет особое внимание в своей работе «Открытие Америки и встреча культур» [10], написанной к 500-летию открытия Америки и прочитанной Роигом на пятом Национальном Философском Конгрессе в Венесуэле (*Congreso Nacional de Filosofía de la Sociedad Venezolana de Filosofía*, 1991). В этой работе он стремится показать неадекватность европейской интерпретации различных понятий, связанных с Конкистой.

Роиг развивает идеи Л. Сеа о том, что «Открытие Америки было скорее ее «Закрытием», т.к. благодаря этому «Открытию» были разрушены великие культуры [10]. Роиг обвиняет европейских историков в искажении реального смысла процесса посредством введения термина «встреча двух культур» (*encuentro de dos culturas*). По его мнению, это была «рас-встреча двух культур» (*desencuentro de dos culturas*).

Европейская интерпретация во многом скрадывает реальную окраску завоевания Америки, т.к. понятие «Открытия» отделяется от понятия «Конкиста», «наполненного военной агрессией и коварством» [10]. На самом деле эти два процесса протекали одновременно и отделены друг от друга быть не могут. Совмещенное понятие «открытие-конкиста» должно говорить об отношении между посланником и приемником (*entre un emisor y un receptor*), «оба они находятся на одном уровне (*en pie de igualdad*) и говорят на одном языке – языке доминирования в мире. Их культурное взаимодействие нельзя охарактеризовать как послание спасения (“*mensaje de salvación*”) одной культуры другой, это *межкультурное послание*» [10]. Не было добрых испанцев, пришедших, чтобы осчастливить своей культурой, и не было латиноамериканцев, готовых с радостью принять ее. Была борьба

двух сторон. Эта борьба должна была определить, кто будет править, а кто – подчиняться. И в этом смысле обе стороны были в одинаковых условиях. Захватническое поведение европейцев, вылившееся в конкисту, можно понять, т.к. «любая нация, цивилизующая другую, обычно считает, что говорит на самом прекрасном языке в мире, что ее культура – наиболее развитая и что она обладает цивилизаторским потенциалом» [10].

500-летие «Открытия» Латинской Америки ставило перед ее народами вопрос: как относиться к этому юбилею – праздновать его или нет? На этот вопрос Роиг однозначно отвечает «нет», т.к. для латиноамериканцев это «празднование эксплуатации и смерти своих прародителей» [10]. Можно утверждать, что Латинская Америка только выиграла от Конкисты. Однако «если население Америки и выиграло в плане получения технологических достижений Запада, то это было население, образовавшееся в результате метизации, но какова была цена для народов, которые непосредственно встретились с испанцами» [10].

Так же в этой работе Роиг дает оценку «культурным благам» (*los bienes culturales*), принесенным на континент европейцами. «Культурные блага сами по себе ничего не стоят, – пишет он, – они – всего лишь моменты истории, ... они ценны настолько, насколько мы признаем их ценность, принимая их как часть нашей истории и оставаясь при этом свободными» [10]. Такая формулировка четко отражает позицию «философии освобождения» по поводу взаимоотношений различных культур. А именно, культурные блага при переходе от одной культуры к другой остаются благами только тогда, когда этот переход осуществляется без насилия, когда одна культура добровольно принимает другую.

Однако Роиг все же признает ценность культурных благ, принесенных в Латинскую Америку европейцами. Ценность эта, в первую очередь, состоит в том, что латиноамериканские народы имеют единое культурное «наследие» (*legado*). Имеются в виду «унаследованные блага, которые составляют то, что можно назвать духовной культурой; среди этих благ выделяются по силе и «частоте использования» религия, в основном как культурная практика, язык, обычаи, понятие «раса», «земля», каждое из них имеет соответствующую идеологическую окраску, призванную формировать континентальную идеологию» [6]. Именно общее «наследие» латиноамериканских народов позволяет говорить о коллективном субъекте истории.

Историческая ценность прошлого, т.е. «Открытия-Конкисты», состоит в том, что знание о нем обогащает историческую память и развивает критическую мысль. Роиг настаивает на том, что нельзя не ценить или игнорировать это прошлое, т.к. оно сыграло свою положи-

тельную роль в достижении латиноамериканцами определенного уровня самосознания и в становлении их как субъекта истории. Борьба за свободу сплотила народы Латинской Америки и развила их самосознание, а интеллектуальное противостояние с чуждого духу латиноамериканца европейским Логосом только укрепило позиции национальной философии.

Заключение

Роль социально-исторического процесса в формировании латиноамериканского коллективного исторического субъекта красной нитью проходит через многие

работы Роига. Очевидно, что латиноамериканский субъект истории уже сформировался, т.к. если бы дела обстояли иначе, то не было бы столь усиленной рефлексии над латиноамериканской реальностью в виде философии освобождения. Субъект формируется историческими условиями. К познанию этих условий и призывает Роиг в своем творчестве, ибо знание, правильное понимание и интерпретация своей истории создает соответствующую самоидентификацию. Это путь становления латиноамериканских этносов, как самостоятельного коллективно-го субъекта историко-культурного и цивилизационного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басманова А.А., Галаева Е.И. Хосе Луис Алонсо де Сантос в театральной жизни своего времени // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 5-11. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.001
2. Деменчонок Э.В. Философия «освобождения». // Из истории философии Латинской Америки XX века. М.: Наука, 1988. С. 236-266
3. Петякшева Н.И. Латиноамериканская «философия освобождения» в контексте компаративистики. М.: «Уникум-центр», 2000. – 232 с.
4. Demenchonok E. Book reviewing (Roig A.A. Rostro y filosofía de América Latina. Mendoza: Editorial de la Universidad Nacional de Cuyo (EDUNC). 1993.; Roig A.A. El pensamiento latinoamericano y su aventura. 2 tomos. Buenos Aires: Centro Editor de América Latina, 1994.)//Concordia, Pontificia Universidad Javeriana, Bogotá, Colombia, 1995, №28. P. 97-101.
5. Marquez-Fernandez, Alvaro B. Roig A.A.: un filosofar en America Latina//Horizontes filosoficos: revista de filosofia, Humanidades y Ciencias sociales, [S.l.], n.3, p.13-30, may 2014. ISSN 2250-5180 [Электронный ресурс]. URL: <http://revele.uncoma.edu.ar/htdoc/revele/index.php/horizontes/article/view/176/171>. (дата обращения: 02.08.2020).
6. Roig, Arturo Andrés. Teoría y crítica del pensamiento latinoamericano, México: FCE, 1981. 315 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ensayistas.org/filosofos/argentina/roig/teoria/indice.htm> (дата обращения: 02.08.2020).
7. Roig, A.A. Rostro y filosofía de América Latina. Mendoza: EDIUNC, 1993. 230 p
8. Roig, A.A. El Pensamiento latinoamericano y su aventura. Ed. corregida y aumentada. El andariego, Buenos Aires, 2008. 283 pp
9. Roig A.A. Mis tomas de posesion en filosofia. // Concordia, Pontificia Universidad Javeriana, Bogotá, Colombia, 1993, №23. P.76-91.
10. Roig A.A. Descubrimiento de América y encuentro de culturas. (1991) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ensayistas.org/antologia/XXA/roig/culturas.htm> (дата обращения: 25.07.2020).
11. Roig A.A. Ética del poder y moralidad de la protesta: La moral latinoamericana de la emergencia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ensayistas.org/filosofos/argentina/roig/etica/etica22.htm> (дата обращения: 12.07.2020).
12. Vignale, Silvana P. Arturo A. Roig: la filosofía latinoamericana como filosofía auroral. Utopía y Praxis Latinoamericana, Maracaibo, v.15, n.51, p. 151-158, Dec. 2010. ISSN 1315-5216. [Электронный ресурс]. URL: http://ve.scielo.org/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1315-52162010000400011&lng=en&nrm=iso. (дата обращения: 20.07.2020).
13. Zavala C.P. A.A. Roig. La filosofía Latinoamericana como compromiso. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ensayistas.org/filosofos/argentina/roig/introd.htm> (дата обращения: 01.08.2020).

© Басманов Алексей Владимирович (basmalex1983@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС» В РАЗРЕЗЕ Р. ФЛОРИДЫ: ТОВАР ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Кривовяз Наталья Викторовна

Ассистент, Национальный исследовательский Томский
политехнический университет
awatanchik@yandex.ru

“CREATIVE CLASS” IN THE SECTION OF R. FLORIDA: PRODUCT OF INNOVATIVE ECONOMY

N. Krivoviyaz

Summary: The axial direction of evolution turned out to be determined by theoretical knowledge – it took priority positions, transforming status features, nature and character power and management. Large-scale application of knowledge turned the Western economy into an innovative economy, power has lost its potential, direct violence has been replaced by its hidden forms, and power based on wealth and strength has given way to the power of knowledge. In the conditions of development of an innovative economy, creativity becomes a product. Various authors were concerned about this issue, their approaches were different and the interpretation of the concept of “creative class” given by R. Florida was also considered in a different context by P. Drucker and J. Schumpeter. The approaches presented by the authors reinforce interpretations of a cognitive society permeated by the ethos of creativity, suggesting that building a knowledge economy without using the potential of the creative is impossible.

Keywords: creative class, fund, creativity, creative ethos, cognitive society, creative personality.

Аннотация: Осевое направление эволюции оказалось определяемым теоретическим знанием, - оно, используемое в процедурах кодификации в системах символов, в процедурах интерпретации сфер опыта, используемое в процессах создания интеллектуальных технологий, применяемое в алгоритмах принимаемых решений, вышло на приоритетные позиции, трансформировав статусные особенности, роль, природу и характер власти и управления. В условиях масштабного применения знания, превратившего западную экономику в экономику инновационную, власть силы утратила свой потенциал, на смену прямому насилию пришли его скрытые формы, а власть, основанная на богатстве и силе, уступила место власти знания. В условиях развития инновационной экономики именно креативность, являясь капиталом, становится товаром. Данным вопросом были озабочены различные авторы, подходы которых были разными и трактовка понятия «креативный класс», данная Р. Флоридой, была рассмотрена в другом разрезе также П. Друкером и Й. Шумпетером. Подходы, излагаемые авторами, подкрепляют трактовки о когнитивном обществе, пронизанном этосом креативности, говорят о том, что построение экономики знания (креативной, инновационной экономики) без использования потенциала креативных невозможно.

Ключевые слова: креативный класс, капитал, креативность, креативный этос, когнитивное общество, креативная личность.

Подход, излагаемый Р. Флоридой, в основании имеет интерпретацию феномена креативности как того качества, обладание которым является залогом создания всего принципиально нового и социально значимого, и условия тех конкурентных преимуществ, что создаются креативным классом – ресурсом постиндустриальной эпохи.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Покажем, что в условиях интенсивного развития инновационной экономики именно креативность, являясь капиталом, становится товаром.

Вернемся, однако в 2007 год – од выхода из печати монографии Р. Флориды. В когнитивном обществе именно креативность, обладая потенциалом формирования преимуществ в отношениях жесткой конкуренции, превращена в товар. «Топливом инноваций» в экономике, получившей название экономики инновационной, может явиться лишь знание креативное. В этом своем качестве, являясь платформой для создания инноваций, оно наделяет сами инновации способностью к разрушению созданного ранее, - именно в этом заключено основа-

ние для того, чтобы назвать инновации «креативным разрушителем», что и сделал Й. Шумпетер, экономист и социолог в тех трудах, где дана интерпретация динамики экономических циклов, а сама цикличность представлена в качестве закономерности экономического роста. Й. Шумпетером вводится различие «приспособительской реакции» и реакции «дестабилизирующей, инновационной, творческой». Автор полагает, что это различие является базисом в проведении отличия homo economicus и homo creativus; homo creativus восстает против созданного природой, - инновация и позволяет через заявленное решение заявить «протест диктату природы». Креативность – средство разрушения стереотипов, творчество по своей природе и сути – подрывная «акция»; подрывы творческой деструкции названы Й. Шумпетером квинтэссенцией капитализма, креативные процессы разрушают наш гештальт ради другого, лучшего. Что касается отношений конкуренций, они важны, по мнению Й. Шумпетера, - не сами по себе, а лишь тогда, когда речь идет в новом говерс, новой технологии, новом источнике снабжения, новом пике организации, - т.е. когда заявляется решающее преимущество в стоимости и качестве, «бьющая не по уровню прибыли и произво-

дительности компаний, а по самым основам их бытия» [4]. В этом решающем преимуществе и заключена дестабилизирующая, инновационная, творческая реакция *homo creativus*.

Когнитивное общество пронизано этосом креативности, понимаемым как «преобладающий дух или характер культуры», - эта идея цементирует все рассуждения об обществе знания и П. Друкера, и Й. Шумпетера, Позднее, в 2007 году Р. Флорида в упоминаемой ранее работе «Креативный класс. Люди, которые меняют будущее» излагает морфологическую специфику креативного этоса, назвав черты, вне которых этот этос не может существовать и благодаря которым он обнаруживает и реализует свой потенциал.

Креативность имеет множество параметров и изменений. «Креативность предполагает определенные типы мышления и характера, которые необходимо культивировать как на индивидуальном уровне, так и в обществе, окружающем человека. Соответственно, креативный этос проникает повсюду, от профессиональной культуры до общечеловеческих ценностей и сообществ, изменяя наше представление о себе как об экономических и социальных субъектах, т.е. саму идентичность. В нем отражаются нормы и ценности, которые одновременно питают креативность и помогают усилению ее роли. Сверх того, креативность нуждается в поддерживающей среде, обеспечивающей совокупность стимулов — социальных, культурных и экономических. Поэтому она напрямую связана с развитием новых условий труда, стилей жизни, форм общения между людьми и соседскими сообществами, которые, в свою очередь, способствуют творческой деятельности» [3, с.35].

В совокупности характеристик этоса креативности – способность к синтезу, умение рисковать, как и непокидающее креативного человека желание риска. Креативный этос формируется лишь через отход от конформистского прошлого; по своей природе «...творческая деятельность носит откровенно подрывной характер, поскольку она развивает существующие стереотипы мышления и поведения» [3, с.46]. Для креативности неприемлем контекст изоляции, Р. Флорида пишет о результативности мысли, способной к «перекрестному опылению и взаимной стимуляции», что, в свою очередь, возможно лишь через реализацию потребности в самореализации и в среде, формирующей креативность. Фактором, формирующим креативность, Р. Флорида считает присущий среде командный стиль – именно этот стиль, работа в команде играет роль провоцирующего стимула, формирующего креативность.

Отметим вместе с тем то различие, что определяет отношение к креативности П. Друкера и Р. Флориды. Если в концепции П. Друкера акцент сделан на знании

как доминирующем культурном ресурсе экономики знания, «средство производства», то Р. Флорида акцентирует внимание на креативности как «доминирующем ресурсе социальной жизни», однако именно этот ресурс, порождающий применение знания, способен создавать новое и принципиально социально значимое – инновации, интерпретируемые в шумпетерианских речах в качестве «креативного разрушителя». В классической традиции (М. Боуден, Р. Флорида, Дж. Мокир) понятия «креативность» и «интеллект», являясь проявлением когнитивного потенциала личности, интерпретированы по-разному. Аналитики делают, определяя креативность как свойство нового класса эпохи цивилизации знания, акцент на таких свойствах, присущих креативному классу, как готовность к созданию нового, одновременно и готовность к рискам и ошибкам (последние способны сыграть в перспективе роль фактора-указания), однако то главное, с чем связана проявляемая креативность – это способность к синтезу, та «комбинаторная игра», о которой писал А. Эйнштейн. Построение экономики знания (креативной, инновационной экономики) без использования потенциала креативных невозможно. Пока же разрыв численности креативного класса в США и в России определен цифрами 38 млн (это 30% всех работающих американцев) и 13 млн от общего населения этих сверхдержав, это абсолютная численность представляющих креативные сферы труда, и Россия здесь занимает второе место после США. Ситуация, однако меняется в случае, если принят во внимание процент общей рабочей силы, - место России становится шестнадцатым; это место становится двадцать пятым, если говорить о мировом индексе, формируемом с учетом таких позиций, как талант, технологии, креативность (обозначенные позиции представлены в исследовании Р. Флориды «Креативный класс. Люди, которые меняют будущее»). Что касается доминирующего определения критерия классовых различий, он изменен. В классических определениях доминирующую роль играет отношение к средствам производства (оно определяет и такие признаки класса, как отношения распределения и отношения обмена). Теория креативного класса в качестве критерия использует способность реализации творческих функций. В заключение приведем материал, основанный на сравнении ситуации с численностью креативного класса в 1900 году, 1959 году и, наконец, в 1999 году (нами использованы данные из двух авторитетных источников – «Historical Statistics of the United States» и «2000 Statistical Abstract of the United States»): в 1900 году численность богемы в 100000 человек составляла 266 человек, шестьдесят лет спустя, в 1959 году эта цифра составляла 344,1 человек и еще сорок лет спустя – 899,9 человек на 100000 населения. Что касается сообщества ученых, в 1900 году в 100000 населения насчитывалось 55,2 ученых; в 1950 году число представителей этого креативного класса увеличилось до 410,5 человек на 100000 населения, и уже в 1999 году составило 1821,1 на 100000 населения.

Хотя, предпочитая определенный стиль жизни, определенный образ жизни, составляющие креативный класс не идентифицируют себя как класс. Профессионал, отличающийся креативными характеристиками, разделяющий принципы креативного этоса, утверждает в этой связи Р. Флорида, относит себя не просто к корпоративным служащим, он считает себя «организационным человеком», частью креативного класса. Отсюда, по мнению Р. Флориды, предпочтение, отдаваемое профессионалами стимулирующей креативной среде, - это города с их системой возможностей и удобств, с их терпимостью к различиям, где проявляется возможность идентифицировать себя с креативным классом. Ведущими центрами креативности для США являются города восточного побережья – Вашингтон, Бостон, Нью-Йорк, районы залива Сан-Франциско, Сиэтла, Остина. Что касается определения класса, в социологической теории класс представлен как совокупность людей, обладающих общими интересами и склонных думать, чувствовать и вести себя сходно, однако эти черты сходства в корне определяются экономической функцией – тем видом работы, который обеспечивает им средства к существованию. При этом социологи говорят о двух группах тех, кто составляет креативный класс: ядро креативного класса, - из научной и технической среды, сфер архитектуры, дизайна, образования, искусства, индустрии развлечений (экономическая функция входящих в ядро сведена к созданию идей, технологий, креативного содержания, - новых и социально значимых) и креативные специалисты – из сфер бизнеса, финансов, права, здравоохранения [1]. В их компетенции – принятие решений, касающихся сложных задач, для чего нужно обладать независимым стилем мышления, высоким уровнем образования и человеческого капитала. Разделять принципы, на которых формируется творческий этос, - необходимое условие принадлежности к креативному классу.

Трансформационные сдвиги для креативного класса касаются ряда позиций, - это трансформация деятельности, стиля и образа жизни, сферы общения, трансформации оказалась подвержена и система принципов структурирования времени; креативность нашла воплощение в смешении работы и игры, в интенсивной концентрации

и расслаблении, в новых принципах структурирования времени. Последнее, в частности, нашло отражение в явлении, обозначенном аналитиками как «фронтальная загрузка» профессиональной карьеры, когда продуктивная креативная занятость не характерна только для опытных, но реализуется молодыми. И если «организационная эпоха» отдавала предпочтение конформизму, в эпоху креативной экономики предпочтение отдано индивидуальности, самореализации через опыт, характерной чертой которого выступает разнообразие, терпимость к различиям, сама же культура являет собой «смесь буржуазных и богемных ценностей» (Д. Брукс). Сам же процесс идентификации для креативной личности уже не связан столь жестко с понятиями, определяющими фундамент существования для личности прошедшей эпохи (профессия, место работы, семейное положение) [2].

Инновационная экономика, определившая ту степень своего интенсивного развития за счет выхода приоритетные позиции знания как доминирующего ресурса общества знания, продемонстрировала небывалую востребованность в креативном классе. За десятилетия XX века численность креативного класса в США выросла более чем в 10 раз, 12% рабочей силы США отнесены аналитиками к суперкреативному ядру рабочей силы, - а это 15 млн специалистов. Рабочий класс США сегодня составляет около четвертой части всей рабочей силы этой сверхдержавы, в сфере сервиса здесь занято 55 млн человек. Что касается креативного класса, в численности он уступает сфере сервиса, однако он играет роль крупного игрока в экономике США, превосходя класс того «организационного человека», о котором У. Уайт писал в пятидесятые годы. Креативный класс известен такими чертами, как индивидуализм и открытость разнообразию; креативный класс ушел (и ушел достаточно далеко) от гомогенности и конформизма организационной эпохи. Доход нового класса вдвое выше дохода других классов, однако практически никто из представляющих креативный класс не работает, не покидая однажды выбранную компанию. Основанием такого подхода является желание оставаться собой, выполнять интересную работу, находясь рядом с теми, кто разделяет с тобой однажды выбранные ценности и приоритеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс, 1985.
2. Россман В. Мистерия центра: идентичность и организация соц. пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 42–57.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издат. Дом Классика-XXI, 2007.
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М.: Прогресс, 1982.

© Кривовяз Наталья Викторовна (awatanchik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ АБСОЛЮТИЗАЦИЯ МНОГООБРАЗИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В КОНЦЕПЦИЯХ ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ABSOLUTIZATION OF THE DIVERSITY OF HUMAN CULTURES AND HISTORICAL RELATIVISM IN THE CONCEPTS OF LOCAL CIVILIZATIONS

**G. Pitik
L. Zimovec**

Summary: The subject of this article is the concept of local civilizations. The study covers the most significant personalities and positions that are the basis of these concepts. Using the example of O. Spengler, and A. Toynbee as prominent representatives of this concept, a comparative analysis is conducted, General principles are identified, and it is determined that historical relativism and the absolutization of the diversity of human cultures are the Central principle in the concepts of local civilizations.

Keywords: meaning of history, historiosophy, concept of local civilizations, Oswald Spengler, Arnold Toynbee, history.

Помимо линейных концепций культурно-исторического процесса, в западной философии, существуют концепции локальных цивилизаций. Для них характерно принципиальное размежевание с линейными концепциями. Ключевой идеей в концепциях локальных цивилизаций, выступает абсолютизация многообразия человеческой истории; признание автономности и самодостаточности человеческих культур-цивилизаций. Для них так же характерен принцип признания повторяемости (цикличности) исторического развития и отрицание наличия у истории единого смысла.

Истоки таких идей можно найти уже в античности, у Гераклита, в его теории «пульсации» истории как вечного огня, что-то угасает, то разгорается вновь. В Новое Время, значительный вклад в развитие этих идей был внесён Дж. Вико. В дальнейшем, такие идеи раскрывались в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби, Данилевского, Сорокина и др.

Говоря об Освальде Шпенглере (1880-1936), нельзя не вспомнить его труд «Закат Европы». Книга имела большой успех в своё время и оставила значительный след в философской науке. По своему содержанию и основным идеям она во многом совпала с пессимистическими настроениями, охватившими Европу после потрясений Первой мировой войны. Шпенглер представил картину

современного миропорядка, которая была трагичной.

Неизбежное движение от культуры к цивилизации и впоследствии к гибели и есть сама судьба, тот «собственный способ существования истории, которым она отличается от причинности как способа существования мира. Причинность есть нечто рассудочное, законообразное, выражаемое словами, форма внешнего интеллектуального опыта. Судьба есть слово для неподдающейся описанию внутренней достоверности. Можно сообщить сущность причинности физической системой или системой теории познания, числами, анализом понятий. Идею судьбы может сообщить только художник портретом, трагедией, музыкой. Настоящая история имеет судьбу, но никаких законов» [6, с.256-257].

Культура определяется Шпенглерам как «организм», который, во-первых, отделён от всех остальных, а во-вторых, обладает сквозным единством. Из этого следует, что общечеловеческой культуры как таковой быть не может. Шпенглер выделяет восемь культур в истории человечества: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую и культуру майя; согласно ему, так же ожидалось рождение русско-сибирской культуры.

Шпенглер считал, что каждой культуре определён

свой срок. Для него, «закат» культуры связан со становлением цивилизации. Цивилизация здесь – это полная остановка творческого развития культуры, её «смерть». В результате этой «смерти», творчество и созидание в цивилизации иссякают, остаётся лишь «музей прошлого». Рассуждая же о происхождении истории, Шпенглер полностью связывает её с бытием, что отражается в человеческих культурах. Он феноменалист и Бог здесь остаётся фигурой далёкой и неопределённой. Даже сама религия, становится результатом творчества самих культур. О. Шпенглер аррелигиозен, он чистейший феноменалист, первооснова и смысл бытия остаются для него закрытыми.

Идея об уникальности и неповторимости культур у Шпенглера связана не только с анализом их социального или исторического содержания. Метод сравнительной морфологии стал основой всей методологии О. Шпенглера. Культура, так как она является «организмом», имеет определённые фазы – рождение, развитие, смерть – что соответствуют биологическому циклу у живых организмов. Именно здесь и возникает концепция развития отдельных культур, которая по Шпенглеру, должна будет заменить учение о единстве человеческой истории.

Иррационализм и невозможность постижения смысла истории в трудах Дильтея и Ницше, у Шпенглера находят своё завершение, в его противопоставлении «судьбы» и «причинности». Та самая «судьба», что не может быть осознана, исключает научное понимание смысла истории.

Идея повторяемости циклов рост-развития-смерти культур является основной у Шпенглера. Похожие мысли уже есть у Вико и близкому по времени к Шпенглеру Ницше, который так же сравнивал смену эпох со смертью «биологического организма», но он считал, что такой цикл в итоге будет полностью повторяться. Но Шпенглер тут оказывается более последовательным в проведении своей идеи «жизни», отвергая мысль о полном повторении циклов. Череда рождений и умираний культуры О. Шпенглера – это неудача рождений и умираний организмов в природном мире. И здесь нет никакой религиозной метафизики.

Подобно тому, как всё биологическое и даже сама вселенная стремятся к концу, энтропии, так и культуры рано или поздно превращаются в цивилизации: музейные, неподвижные образования, которым «предстоит внушать отвращение всем, подобно тому, как внушает его гнилое, сухое дерево, в цветущем первородном саду». Он говорит: «...и сам первофеномен великих культур однажды исчезнет, а с ним и вся форма мировой истории, и наконец сам человек, а дальше и феномен растительной и животной жизни на земной поверхности, земля, солнце и весь мир солнечных систем. Всякое искусство смертно,

не только отдельные творения, но и сами искусства. Настанет день, когда перестанут существовать последний портрет Рембранта и последний такт моцартовской музыки» [6, с.329].

Освальд Шпенглер рассматривал «мир-как-историю», в отличие от «мира-как-природы». Он отделял органическое восприятие мира от механического, однократно-действительное от постоянно-возможного и сферу применения хронологического числа от сферы применения математического числа, то есть призывал учитывать не поверхностно наблюдаемые события и оценивать их тенденции, а думать о том, что они означают и обозначают своим явлением.

Таким образом, концепция философии истории Шпенглера, глубоко пессимистическая, позволяет нам сделать ряд важных выводов. Схема рождения и гибели культуры непреодолима. Сам Шпенглер рассматривает её как неизбежность, как саму судьбу. Исходя из этого кризис культуры, в том числе и современный – неизбежное явление. Шпенглер не допускал мысли о преемственности культур и видел причины возрождения культурного организма исключительно в его внутреннем развитии. Для него кризис культуры есть вступление в стадию цивилизации, во время которой материальные элементы начинают преобладать над духовными и постепенно полностью их вытесняют. Поскольку культура не обладает способностью к перестройке, то для неё остаётся только гибель. Культуры умирают, пройдя стадию цивилизации, их гибель неизбежна, как гибель живых организмов. Перенос биологические законы развития в сферу исторического знания на основании сравнения судьбы растительного мира и судьбы человека, Шпенглер распространяет закон рождения, развития, увядания и гибели органических тел на исторический процесс. Всемирная история, с точки зрения Шпенглера, представляет собой чередование и сосуществование различных культур, каждая из которых имеет неповторимую душу. Он подчеркивает необходимость сопоставления культурных организмов, как законченных в себе феноменов, и поиска типического в их переменчивых судьбах, момента необходимого в нагромождении случайностей. Только так можно увидеть картину мировой истории в своей подлинности и феноменальности.

Итак, у Шпенглера культура – это «организм». Всемирная история – их общая биография, биография восьми отдельных культур. У каждой культуры – свой прасимвол, своя душа, своя судьба, своя история. Они непроницаемы друг для друга и непознаваемы. Отсутствие единого прасимвола и единого ландшафта делают бессмысленным существование этих отдельных культур.

Другой значительный вклад в создание концепций локальных цивилизаций внёс Арнольд Джозеф Тойнби (1889-1975) — английский историк, социолог и философ.

Самый значительный труд в его жизни называется «Постижение истории» и состоит из 12-ти томов. В нём Тойнби представил собственную концепцию исторического развития. Согласно ей, общественное развитие само по себе носит естественно-исторический характер, но сама история как феномен, оказывается делом рук Творца. В «исторической драме человечества» очевидно, действует «Божественный Промысел». Однако представлять идею Тойнби как религиозную не стоит – она представляет собой метафорическое описание исторических судеб в виде пантеистической идеи, что сама по себе является философским понятием. В первую очередь она не связана с религией как таковой и более всего оказывается лишена нравственной составляющей.

Огромную роль в «исторической драме», как он называет сам процесс истории человечества, играет закон, который Тойнби назвал законом «Вызова-и-Ответа». Так рождение и прогресс цивилизации определяется этим законом. Его суть сводится к следующим положениям. Цивилизация постоянно сталкивается с «вызовом»: ситуацией, когда внешние обстоятельства начинают угрожать самому существованию культуры. Именно поэтому «вызов» каждый раз принимает разные формы. Сюда можно отнести и какие-то обстоятельства природного характера (землетрясения, наводнения и пр.), враждебные намерения других народов (войны, наступления варваров и пр.). Подобного рода «вызовы» со стороны среды обитания народа необходимы: они будят жизненную активность и стимулируют творческую активность. Общества, которые слишком долго находятся в благоприятных условиях, оказываются в стагнации, прогресс в них затормаживается. Здесь внешние обстоятельства выступают как единственный признак возможного влияния, где «внутреннее» у цивилизации выступает самоценным и основным в интерпретации исторических судеб.

По мнению Тойнби именно «творческое меньшинство» (представляющее в виде элиты), обладая необходимым талантом и энергией, даёт нужный «Ответ» на «Вызов». Однако элита сама по себе стремится к замкнутости, к тому, чтобы отгородиться от остальной части народа, что и приводит к вырождению. Пролетариатом в своей работе Тойнби называет всё в обществе, что вяло, не способно к самостоятельной творческой активности. Оно не умеет трудиться, не устремлено к защите отечества. Чем больше культура начинает деградировать, тем больше в ней проявляется пролетариат. Тойнби в своём труде, разделяет такой пролетариат на два типа. Первый можно назвать внутренним — это слой людей, которые готовы в любой момент перейти к возмущению и беспорядкам, коль скоро их стремление вести праздную паразитическую жизнь окажется под угрозой. Они являются угрозой культуре изнутри. На границе же находится пролетариат, который Тойнби называет внешним — это те народы, которые ещё перебивают на более низкой

ступени развития. Цивилизация будет рушиться, когда из-за противоречий она окажется не способной выдерживать давление внутреннего и внешнего пролетариата. Крах цивилизации здесь это результат не только внешних и не зависящих от людей обстоятельств, но и прямое следствие падение их моральных нравов, лени и эгоизма.

Смысл истории в концепции Тойнби отсутствует. В исторической реальности локальных цивилизаций, своё значение имеет лишь способность цивилизации приспосабливаться к внешним вызовам, что связано с неизбежными внутренними процессами вырождения. История дискретна у Тойнби, и всяческое движение и развитие оказывается представлено конгломератом самоценных усилий, что, сопротивляясь внешним обстоятельствам, формируют устойчивость культуры. Потенциальное вечное существование культур у Тойнби (в случае если они всегда смогут отвечать на вызов) оказывается связано с условностями хаоса мировой истории. Она лишена общих признаков исторического развития. «Творец» упоминаемый Тойнби – недвижимая, статичная фигура наблюдателя, по своему содержанию не способная влиять на историю, кроме как «мистическими путями». Она мистически скрывает «подлинный замысел истории». История здесь многолинейна, развивается в множестве различных обстоятельств.

Гносеологические корни концепций локальных цивилизаций заключаются в односторонней интерпретации метафизического многообразия человеческой истории. Основной методологической установкой подобных концепций является признание дискретности исторического процесса, свершающегося посредством некоего конгломерата социальных целостностей. Для концепций локальных цивилизаций характерно признание разнообразия культур, их оригинальности, критика позитивистского понимания прогресса как монотонного и однолинейного движения истории, отказ от европоцентризма с его пренебрежительным отношением к истории неевропейских народов, отрицание смысла истории. В этих концепциях особенное абсолютизировано и доведено до отрицания общего, то есть единых и общих начал развития всемирной истории. В концепциях локальных цивилизаций нет никакого единого человечества, нет единой истории, нет субъекта истории, нет развития и прогресса. Есть только скорбная аналогия круговращения от жизни к смерти, от культуры к цивилизации. Круговорот различных типов культуры, не связанных между собой, непроницаемых друг для друга совершенно бессмысленен. Мировая история Шпенглера – это история «монад» без единственно осмысливающей их предустановленной гармонии, в гетевской проекции – история морфологических единств без единопроницающего их метаморфоза. Отрицание смысла истории делает невозможной философию истории. Остается лишь морфология истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории. М. : ПЭР СЭ, 2000.
2. Ильин В.В. Философия. Учебник. М.: Проспект, 2018.
3. Джамбатиста Вико. Основания новой науки об общей природе наций. М.: Рипол Классик, 2018.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: ИПЛ, 1991.
5. Тойнби, А. Постижение истории. М. : Академический Проект, 2019.
6. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории.Т.1 Образ и действительность. Минск.: Поппури, 2019.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Delibri, 2015.

© Питик Глеб Владимирович (gweldanobaith@yandex.ru), Зимовец Людмила Григорьевна (nauka-rgsu-s@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

GLOBALIZATION AND DIVERSIFICATION IN THE MODERN CULTURAL SPACE

L. Smetankina
S. Mikhalev

Summary: The problems of globalization take their place in many scientific studies. However, despite the fact that nowadays the problems of the cultural development of both separate countries and the whole society are quite important, cultural globalization as a process of integrating heterogeneous and multi-level cultures into the global cultural space has not yet been studied yet. The authors of the article draw attention to the peculiarities of cultural globalization process. They also touch upon such a phenomenon of cultural identity as diversification, which is a vector of development and interaction of cultures in the global space.

Keywords: culture, cultural space, globalization, diversification, national identity.

Сметанкина Людмила Васильевна

Д.ф.н., профессор, ФГКВОУ ВО «Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного» МО РФ
lsmetankina.umo@mail.ru

Михалёв Сергей Александрович

К.ф.н., доцент, ФГКВОУ ВО «Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного» МО РФ
sermichalev@yandex.ru

Аннотация: Проблемы глобализации находят свое место во многих научных исследованиях. Однако, несмотря на то, что сегодня вопросы культурного развития как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом обретают особую значимость, культурная глобализация как процесс интеграции разнородных и разнуровневых культур в глобальное пространство культуры пока еще недостаточно исследована. В данной статье авторы обращают внимание на особенности глобализационных процессов, происходящие в культуре, по ходу затрагивая такое явление культурной идентичности, как диверсификация, в свою очередь, являющаяся вектором развития и взаимодействия культур в глобальном пространстве.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, глобализация, диверсификация, национальная идентичность.

Понятие «глобализация» сегодня стало едва ли не самым популярным термином в мире. Под глобализацией в общем плане понимают возникновение единого экономического и информационного пространства в планетарном масштабе, что способствует сближению стран и народов, интенсивному обмену знаниями и технологиями между ними [8, с. 3]. Как показывают многочисленные исследования в области глобализации, большинство как зарубежных, так и отечественных ученых среди которых Л. Склэр, И. Уоллерстайн, Н.Н. Савельев, Э.Г. Кочетов и др., во главу угла глобализационных процессов ставят экономику, считая только финансово-экономические взаимодействия локомотивом прогресса. Однако, на наш взгляд, процесс глобализации не может быть сведен к одной сфере. Социологи давно уже сосредоточили свое внимание на фактах, свидетельствующих о взаимосвязи и взаимопроникновении друг в друга, как и об универсализации, культурных феноменов, отражающих образ жизни людей разных стран и регионов. Здесь уместно вспомнить слова А. Дж. Тойнби, жившего в канун эпохи глобализации, но сумевшего предвидеть ее возможную историческую перспективу. «Будущий мир, – писал он, – не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили в одном тигле» [цит. по: 2, с. 14].

В осмыслении современных глобальных измене-

ний, пожалуй, нет иной сферы общественной жизни, помимо культуры, которая обсуждалась бы так активно и вызывала бы так много дискуссий и разногласий. Причин тому много, но главной причиной того, что культурной глобализации отводится так много места в монографиях, статьях, обычных размышлениях на страницах периодической печати и на Интернет-форумах, является, с точки зрения А.Н. Чумакова, «универсальный характер культуры, являющейся главной характеристикой как самого человека, так и всех общественных структур» [10, с. 8]. Общественное бытие, по мнению данного исследователя, «немыслимо вне культурного контекста» [10, с. 8], т.к. культура, «базируясь на дозволяемых и воспроизводимых обществом (этносом, нацией, государством) нормах и ценностях» [5, с. 79], охватывает и, более того, буквально пронизывает все сферы духовной и материальной жизни общества» [10, с. 8]. А поскольку «культура «как целостная система, внутри которой пребывает человек и с которой он соучаствует» [5, с. 79], «образует единое целое с наиболее важными социальными событиями и процессами» [1, с. 48], то процессы глобализации, прежде всего, затрагивают культуру и непосредственным образом с ней связаны.

Культурная глобализация – явление не новое. Истоки универсализации культуры «можно обнаружить и на заре Новой истории, и гораздо раньше во времена

распространения мировых религий и элитарной культуры Римской империи. Однако, именно сегодня культурная глобализация переживает бум. Интенсивное развитие коммуникаций, средств связи и информационных технологий во второй половине XX века привело к расширению объема, увеличению разнообразия и ускорению глобальных культурных потоков, повышению интенсивности и скорости культурного обмена» [3, с. 19].

Культурному пространству современности присущи две комплементарные направленности – интеграция, сформировавшая массовую культуру, которая претендует на роль глобальной культуры, и диверсификация, умножающая полиморфию устоявшихся культурных сообществ.

Так называемой массовой культуре свойственно структурное неравенство, о чем говорят все теоретики культурной глобализации. По мысли Х. Пилкингтон и У. Блюдиной, «сама модель культурного обмена между «центром» и «периферией» означает признание отношений господства и подчинения в обмене культурными сообщениями» [3, с. 21]. Речь здесь идет о подчинении одной культуры другой, когда «периферийная» культура не просто принимает, а вбирает в себя культуру «центра» и со временем перемещается на самый конец глобального тренда. В современном культурном пространстве роль такого «центра, как правило, выполняют США, Япония, государства Северной и Западной Европы, которые, как субъекты культурного обмена, начинают диктовать всему остальному миру свои культурные, нормы, правила, традиции. Роль «периферии» отведена, к примеру, и России, которая только недавно стала частью мирового сообщества, но которая имеет свою длительную историю культурного развития, в связи с чем не хочет мириться отведенным ей местом в глобальном культурном пространстве.

С другой стороны, ситуация в области культурных процессов складывается таким образом, что представители всевозможных культурных сообществ и групп, обнаружив друг друга благодаря развитию средств массовой коммуникации, создают виртуальные, транснациональные союзы, в которых каждый человек, будучи личностью, получает право на собственную самоидентификацию, что способствует к переходу в пространство «индивидуальных миров». Общение отдельных этнических групп в тех или иных сегментах культурного пространства является одним из проявлений социокультурной диверсификации, то есть «процесса проникновения этнокультурных общностей в общекультурную среду и формирование их единства» [4, с. 102].

А.И. Кравченко определяет диверсификацию культур

туры как «распадение, расчленение единой культуры на составные части» [6, с. 144], когда глобальная культура «начинает разделяться на секторы, активность в которых ограничивается отдельными социокультурными общностями и в которых новыми методами происходит конструирование национальной, классовой или этнической идеи» [4, с. 103].

На наш взгляд, стремление народов к диверсификации и индивидуализации не означает конца эры массовой культуры и переходу к пространству «индивидуальных миров». Большая часть современных этнокультурных сообществ характеризуется лабильностью и непостоянством (как правило, это виртуальные сообщества или клубные культуры). Члены этих сообществ, именуемых «дискурсивными группами», тяготеют к своей собственной субкультуре, которой свойственен определенный набор своих собственных знаков, символов, ценностных ориентаций. Но не всегда подобные объединения носят долгосрочный характер. Со временем они трансформируются, переходя в новое состояние.

Члены каждой социальной группы или этнокультурного коллектива, как правило, тесно взаимосвязаны и зачастую однородны по своему составу. Их, прежде всего, объединяет сильное стремление – осознанное или неосознанное – к идентичности, которая и является основой диверсификации. При этом они не только тесно сплочены между собой, но и формируют четкую границу между «своим» сообществом и «чужаками», которые не должны вторгаться на их «территорию».

В то же время в пространстве культуры можно выделить сообщества, которым присуща слабая идентичность. Считая собственную культуру нестабильной, фрагментированной и не имеющей определенной ценности, а мировую культуру, наоборот, – многогранной и хорошо сконструированной, члены этих сообществ помогают раствориться собственной культуре в пространстве глобальной массовой культуры.

Итак, современная цивилизация диктует два условия существования культуры. С одной стороны, в последнее время этнокультурные сообщества и отдельные их представители в поисках национальной идентичности стали чаще обращаться к собственным корням, но при этом отвергая ценности и достижения иных культур (такие культуры носят название контркультур). С другой стороны, наблюдается взаимодействие субкультур, которые организуют единое поле глобальной культуры с риском рассеивания по этому полю «семян» отдельно взятой культуры, которые, прорастая, сольются с другими такими же «семенами», в связи с чем они могут напрочь лишиться своей неповторимости и самобытности («культурную диффузию»

этносов увеличивают процессы миграции). Но именно это явление способствует возникновению феномена мультикультурализма, под которым понимается сосуществование многих субкультур в рамках той или иной региональной или национальной общности. Само же взаимодействие субкультур, их взаимовлияние и взаимопонимание определяется термином «интер-культурализм» [9, с. 310].

Любая субкультура представляет собой некую подсистему, ставшую частью иной, более крупной системы – мировой культуры [7, с. 64], но она образует и свое собственное, целостное, пространство, ибо имеет свой ценностный строй, обычаи, нормы, лексику, кодекс поведения. От контркультуры, стремящейся вытеснить доминирующую культуру, субкультуру отличает автономия, она не вступает в борьбу с доминирующей культурой чтобы заместить ее. Любая субкультура – это, прежде всего, особенности ментальности определенной социальной или этнической группы, настраивающие ее членов на отношения с «центром», в которому эта культура примыкает.

Но, говоря о сугубо идентичных ценностных доминантах той или иной субкультуры, не будем забывать, что сама культура, если рассматривать ее как глобальное явление, представляет собой своеобразную пирамиду, в которой по вертикали расположены ценности, признавать которые должны все без исключения члены мирового сообщества. В этом смысле культура едина и являет собой доминантную парадигму человечества. Деление культуры на национальные ее разновидности произошло примерно в XVIII–XIX вв. Последние же, в процессе формирования разных социальных классов и этнических групп, начали распадаться на локальные, этнографические, региональные культуры и трактоваться как субкультуры. Так появилась культура германских народов, афроамериканская культура, молодежная культура, рок- и поп-культуры и т.п.

Субкультура как феномен, расцветший в эпоху глобализации, а именно в XX веке, начала изучаться социологией, питающей интерес к идентичности различных групп населения, этнографией, делавшей предметом своих исследований быт и традиции коренных народов, далеких от универсальной, европейской, культуры, и непосредственно культурологией, изучающей многополярную и мультикультурную картину мира, народы которого открыты к взаимодействию и диалогу.

Сегодня культуры различных, больших и малых, народов объявлены ЮНЕСКО равноправными. И субкультуры теперь именуются таковыми не по отношению к национальной культуре, а по отношению к глобальной массовой культуре, с которой у них зачастую непростые и противоречивые отношения, поскольку послед-

няя навязывает этим субкультурам определенные стереотипы, устоявшиеся в мировой культурной практике модели и принципы поведения. Но ведь и глобальная культура впитывает в себя элементы субкультур – даже в тех случаях, когда эти субкультуры стараются отмежеваться не только от нее, но и от друг друга.

Анализируя особенности современной культуры, следует отметить, что если в предшествующие периоды развития общества в нем доминировала европейская культура, то в последнее время границы этого культурного пространства значительно расширились. Не для кого не секрет, что в нынешнюю эпоху полным ходом идет экспансия восточной культуры, претендующей на лидерство. Материальная и духовная культура стран, исповедующих ислам, давно уже стала частью жизни современного общества.

Однако, исламская культура – не единственная культура, органично вписавшаяся в мультикультурное пространство глобальной цивилизации. В современном мире идет тенденция к универсализации культуры, отдельные «ячейки» которой способны вести диалог, отличаются плюрализмом и в то же время способны отстаивать свою национальную идентичность.

Мы живем в эпоху, когда понятие «граница» приобрело совершенно новый смысл. Сегодня даже границы между государствами становятся зыбкими, истончаются, открывая путь свободе передвижений. Границы между культурами еще в большей степени стираются, и мы уже не можем говорить о культуре-доминанте, диктующей свои правила, потому что мир многополярен и многонационален.

Процессы глобализации, стирающей грани между народами и диверсификации, генерирующей новые границы между различными сообществами и, соответственно, идентичностями, позволяет обнаружить многосоставность каждой этнической общности и определить общие и специфические черты разных национальных сообществ, входящих в глобальное культурное пространство.

Одной из основных черт современной культуры является тот факт, что в ней индивидуальное превалирует над коллективным, поскольку она развивалась в постмодернистскую эпоху, не признающую подчинения коллективистским моделям общественного сознания. И именно через глобализацию культурного пространства, состоящего из великого множества культур, влияющих друг на друга, проявляется единство человечества. Что касается диверсификации культурного пространства, то она способствует развитию толерантности, проявлению терпимости и организации межнационального общения в духе «диалога культур».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Н.В. Культура как фундаментальное понятие в современном обществе // Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной науч.-практ. конф. Великий Новгород, 19-20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 1. / Отв. ред. О.А. Александрова, Е.Ф. Жукова; НовГУ им. Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2011. – С. 48 – 50.
2. Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. – М.: Магистр : ИНФРА-М, 2011. – 496с.
3. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. – СПб: Алетейя, 2004. – 278 с.
4. Голубинская А.В. Диверсификация и унификация культур в глобальном веб-пространстве // Век глобализации. – 2017. – № 1. – С. 98-105.
5. Золотухин В.М. Культура, инновации и толерантность // Глобализация и пути сохранения традиционной культуры: сб. ст. Международной научно-практической конференции. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – С. 79-85.
6. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. – М.: Академический проект, 2000. – 671 с.
7. Малахова Е.В. Субкультура в культуре: мировоззренческий аспект // Социально-гуманитарное знание, 2015. № 8. – С. 63-65.
8. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003. – 300 с.
9. Теоретическая культурология. – М.: Академический проект: Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.
10. Чумаков А.Н. Культурный код общественного развития: глобальные и локальные аспекты // Культура в условиях глобализации взгляд из России : монография / Под ред. А.Н. Чумакова. – М.: КНОРУС, 2017. – С. 8-32.

© Сметанкина Людмила Васильевна (lsmetankina.umo@mail.ru), Михалёв Сергей Александрович (sermichalev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного

ПАТОЛОГИЯ КАК ИНДИКАТОР НОРМЫ

Тетенков Николай Борисович

К.ф.н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
tenibo@yandex.ru

EPISTEMOLOGY: PATHOLOGY AS AN NORM' INDICATOR

N. Tetenkov

Summary: The article discusses one of the conceptual issues of epistemology: the possibility of cognizing the norm through the pathology. The relevance of the research topic is due to the fact that in the modern philosophy the problem of "pathology", as a way of cognizing the "norm", is considered mainly within the framework of the classical approaches by O. Comte, J.F. Brusset, as well as by K. Bernard. At the same time, modern supporters of neo-positivism do not take into account the specifics of the ideas about the "pathology" and "norm" by the classics themselves, since the views of J.F. Brousset and K. Bernard have fundamental differences from the generalizations of O. Comte, who extrapolated the dichotomy "norm-pathology" to social processes.

The purpose of the article is to more fully consider modern theses about "pathology" as a way of cognizing the "norm" within the epistemology framework. The article objectives are: to analyze modern scientific literature; to identify the main positions in classical approaches in relation to "norm" and "pathology" as epistemological categories, as well as in a critical analysis of some postulates by modern researchers. The article is debatable.

The research methodology is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction); as well as a group of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, retrospective and epistemological analysis. The author of the article comes to the conclusion that philosophical constructions, regarding the possibilities of indicating the norm through pathology, have a number of logical and epistemological limitations that must be eliminated by analyzing the state of the subject of cognition.

Keywords: epistemology, norm, pathology, epistemological categories, neo-positivism.

Аннотация: В статье рассматривается один из концептуальных вопросов эпистемологии: возможно ли познание нормы с помощью патологии. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современной философии познания проблематика «патологии» как способа познания «нормы» рассматривается в основном в рамках классических подходов О. Конта, Ж.Ф. Бруссе, а также К. Бернара, при этом современными сторонниками неопозитивизма не учитывается специфика представлений о «патологии» и «норме» самих классиков, поскольку взгляды Ж.Ф. Бруссе и К. Бернара имеют принципиальные отличия от обобщений О. Конта, экстраполировавшего дихотомию «норма-патология» на социальные процессы.

Цель статьи заключается в том, чтобы более полно рассмотреть современные тезисы о «патологии» как способе познания «нормы» в рамках эпистемологии. Задачи статьи заключаются в проведении анализа современной научной литературы; выявление основных позиций в классических подходах в отношении «нормы» и «патологии» как эпистемологических категорий, а также в критическом анализе некоторых постулатов современных исследователей. Статья носит дискуссионный характер.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция); а также группу специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, ретроспективный и гносеологический анализ. Автор статьи приходит к выводу о том, что философские построения относительно возможностей индикации нормы через патологию имеют ряд логических и эпистемологических ограничений, которые необходимо устранить с помощью анализа состояния субъекта познания.

Ключевые слова: эпистемология, норма, патология, гносеологические категории, неопозитивизм.

Актуальность темы исследования заключается в том, что в современной философии познания продолжается дискуссия о возможности познания нормы через патологию, в частности, с позиций классических подходов О. Конта, Ж.Ф. Бруссе и К. Бернара. Тем не менее, данные концепции, несмотря на их несомненные достоинства для философии медицины, экстраполируются на социум как на специфический социальный организм. В итоге происходит некоторое размывание границ между понятиями «норма» и «патология». В силу этого необходимо рассмотреть вопрос о том, является ли патологическое состояние только количественным, или представляет собой модификацию нормального состояния субъекта познания, с эпистемологической точки зрения.

Историография исследуемой проблемы очень обширна и включает в себя труды как отечественных, так и зарубежных авторов. В числе первых необходимо отметить работы таких исследователей, как Е.И. Громова [1], А.Л. Дрозд [2], В.И. Жилин [3], Т.Д. Мустафазаде [4], В.В. Погорелов [5], чьи работы посвящены вопросам философии медицины в современной философии познания. Среди зарубежных авторов определенный интерес вызывают работы В. Фрере [6], Д. Левайна [7], С. Нормандина [8], В. О'Донахью [9], которые содержат некоторые критические суждения по вопросу о патологии как способу познания нормы. Подробный разбор тезисов О. Конта по вопросу патологии и нормы дается в работах таких авторов, как Ю.С. Парк, Л. Конге, Л.Р. Артино [10],

М. Пикеринг [11], а также Б. С. Святчак и А.И. Таубер [12].

В целом, анализ научной литературы по теме исследования позволяет заключить, что в течение практически всего XIX века сущность нормальных и патологических витальных явлений, которые, по-видимому, были настолько разными, с учетом противоположных ценностей человеческого опыта, стала своего рода научной догмой, распространение которой в области философии и психологии, по-видимому, было продиктовано авторитетом биологов и медиков. Эта догма была изложена во французской философии познания основоположником позитивизма О. Контом и медиком-практиком К. Бернаром, каждый из которых работал в совершенно разных направлениях: первый был философом-теоретиком, второй – физиологом практиком.

В частности, своих размышлениях О. Конт переходит от патологического к нормальному с целью умозрительного определения законов нормального; поскольку он заменяет биологические эксперименты – часто невыполнимые, особенно для человека, логическими построениями. Именно в трудах О. Конта утверждается идентичность нормального и патологического как приобретение знаний о нормальном [11, с. 343]. То есть, для О. Конта патология является логически обоснованным индикатором нормы. В своих исследованиях К. Бернард, напротив, переходит от нормального к патологическому с целью рационального действия, направленного на патологическое; поскольку именно в качестве основы неэмпирической терапии необходимы знания о болезнях (на основе физиологии). Идентичность нормального и патологического утверждается как сравнение по результату устранения патологического [12, с.16]. Таким образом, О. Конт выводит сущность патологии как чистой логической концепции, как индикатора нормы; в то время как К. Бернар пытается уточнить сущность патологии в отношении нормы в количественной, численной интерпретации.

Распространение идей О. Конта и К. Бернара в медицинских, научных и литературных кругах больше всего ощущается в области психологии.

В частности, некоторые авторы полагают, что при изучении психологии личности сон, безумие, бред, сомнамбулизм, галлюцинации предлагают гораздо более благоприятную область опыта, чем нормальное состояние [10, с.18].

Явления, которые в нормальном состоянии почти стерты из-за их незначительности, кажутся более ощутимыми в чрезвычайных кризисах, потому что они преувеличены [9, с.24].

В своей статье Д. Левайн отмечает, что «физик не изу-

чает гальванизм в слабых количествах, встречающихся в природе, но увеличивает его с помощью экспериментов, чтобы его было легче изучать, хотя законы, изученные в этом преувеличенном состоянии, идентичны естественному состоянию, то есть норме» [7, с.678].

По мнению других авторов, «человеческая психология должна изучать безумие человечества, мечты и галлюцинации, которые можно найти на каждой странице истории человеческого духа» [8, с.500]. Вероятно, поэтому сторонники концепции О. Конта полагают, что «физиология и патология, как физическая, так и психологическая, не противопоставляются друг другу как две противоположности, а скорее, должны изучаться как две части одного целого» [11, с.350].

Предложенный французскими исследователями «патологический» метод стремится одновременно к чистому наблюдению и экспериментам. Это мощное средство исследования: «болезнь, по сути, является экспериментом самого тонкого порядка, установленным самой природой в очень точных обстоятельствах с помощью средств, недоступных человеческому умению, поскольку природа достигает недоступного» [8, с.496]. Интересно, что знаменитый немецкий философ, Ф. Ницше, заимствовал именно у К. Бернара идею о том, что «патологическое однородно с нормальным». Цитируя длинный отрывок о здоровье и болезни, взятый из трактата К. Бернара «Lec, ons sur la chaleur animale» («Лекции о жаре у животных»), Ф. Ницше формулирует следующее утверждение: ценность всех болезненных состояний в том, что они показывают нам под увеличительным стеклом определенные состояния, которые являются нормальными, но не всегда хорошо видны в нормальном состоянии» [8, с.498].

Примечательно, что и в своей позитивистской концепции О. Конт часто ссылается на афоризм Ф.Ж. Бруссе: «каждая модификация – естественная или искусственная – реального порядка касается только интенсивности соответствующих явлений; несмотря на различия в степени, явления всегда сохраняют одно и то же расположение; кроме того, любое изменение в реальной природе, то есть классе объекта признается противоречивым» [11, с.342]. Более того, по сути, вся позитивистская теория изменчивости явлений полностью сводится к этому универсальному принципу и является результатом систематического применения афоризма Ф.Ж. Бруссе.

Непосредственно полезный для изучения биологических проблем, этот принцип рассматривается большинством исследователей в качестве логической подготовки к аналогичным процедурам в любой науке. Социум, как коллективный организм, из-за высокой степени его сложности, имеет множество проблем. Они разнообразны и более часты, чем у отдельного организма. Поэтому

некоторые современные авторы склонны распространять принцип Ф.Ж. Бруссе на все социальные процессы, в частности, активно он применяется для ограничения или совершенствования социологических законов [12, с.30].

Следует признать, что суть эксперимента по принципу Ф.Ж. Бруссе заключается не в искусственном вмешательстве исследователя в систему явления, которое он намеренно стремится нарушить, а скорее в сравнении между контрольным явлением и феноменом, измененным в отношении любого из его условий.

В соответствии с исключительно философским принципом Ф.Ж. Бруссе, который стал в XXI веке общей основой для позитивистской концепции патологии, патологическое состояние вовсе не является радикально отличным от физиологического состояния, в отношении которого - независимо от того, как его интерпретирует субъект познания, - оно может представлять собой лишь простое расширение, выходящее более или менее за пределы более высоких или более низких пределов вариации, свойственных каждому явлению нормального состояния [12, с.32].

Следовательно, каждая концепция патологии должна основываться на предварительном знании соответствующего нормального состояния. Однако с точки зрения эпистемологии, научное изучение патологических случаев становится необходимой фазой в общем поиске законов нормального состояния. Наблюдение за патологическими случаями предлагает многочисленные, подлинные преимущества для фактического экспериментального исследования. Переход от нормального к патологическому состоянию является более медленным и естественным в случае болезни, а возвращение к норме, когда оно происходит, самопроизвольно обеспечивает необходимое противодействие.

Согласно такому подходу к патологии как к индикатору изменений нормы, некоторые современные исследователи предлагают изучение аномалий и чудовищ: «тератологический подход» (изучение монстров) дополняет позитивистский патологический метод» [9, с.27].

При этом, на наш взгляд, ставшая классической концепция О. Конта, нуждается в некоторых уточнениях с позиции эпистемологии. Во-первых, поскольку мы не можем связать такого рода общие положения с каким-либо примером, мы не знаем, с какой точки зрения О. Конт утверждает, что патологическое явление всегда имеет свой аналог в физиологическом явлении, и что оно не является радикально новым.

Во-вторых, следует отметить, что, несмотря на взаимный характер разъяснения, достигнутого путем срав-

нения нормального с патологическим и ассимиляции патологического и нормального, О. Конт неоднократно настаивает на необходимости определения нормального и пределов вариации нормальности, прежде чем методически исследовать патологические случаи. Строго говоря, знание нормальных явлений, основанное исключительно на наблюдениях, возможно и необходимо без знания патологии, особенно на основе экспериментов.

Однако, в тезисах О. Конта и его последователей обнаруживается серьезный пробел в том, что никто из них до сих пор не предоставит критерия, который позволил бы нам узнать, что такое нормальное явление. Нам остается сделать вывод, что в этом отношении О. Конт и его последователи ссылаются на обычную соответствующую концепцию, учитывая тот факт, что они используют понятия нормального состояния, физиологического состояния и естественного состояния как взаимозаменяемые понятия [6, с.45].

Более того, когда речь идет об определении границ патологических или, или согласно позитивистскому патологическому методу- экспериментальных нарушений, совместимых с существованием организмов, О. Конт отождествляет эти пределы с границами «гармонии различных влияний, как внешних, так и внутренних» [6, с.46]. В результате такой трактовки понятие нормального или физиологического, окончательно проясненного этим понятием гармонии, равнозначно качественному и поливалентному понятию, все еще более эстетическому и моральному, чем научному.

Что касается утверждения об идентичности нормальных и соответствующего патологических явлений, то столь же ясно, что основная цель его в том, чтобы отрицать качественное различие между этими двумя феноменами. По логике вещей, отрицание качественных различий должно привести к утверждению однородности, способной выражаться в количественном выражении. Однако, следует признать, что используемые сторонниками концепции О. Конта количественные термины, они все же имеют качественный аспект, при этом различия между нормальным и патологическим состоянием могут быть выражены в количественном выражении, поскольку только количество позволяет учитывать как однородность, так и вариацию. Ставя под сомнение эту двойную возможность, мы не собираемся недооценивать ни физиологию, ни патологию. В любом случае должно быть очевидно, что ни Ф.Ж. Бруссе, ни О. Конт не выполнили два требования, которые кажутся неотделимыми от попытки понять норму через патологию, а их последователи преуспели только в построении концептуальной иерархии патологических явлений, качественного устройства для обозначения состояния между двумя крайностями здоровья и болезни [2, с.62].

Постулируя логически, мы можем отметить следующее: совершенно правильно, что идентификация явлений, качественные различия которых считаются иллюзорными, принимает форму количественного определения. Маркировка, идентификация одного явления через исследование его противоположности не является кардинальной единицей измерения.

Более того, нестабильность и нерегулярность являются существенными характеристиками жизненных явлений, так что попытки втиснуть их в жесткие рамки метрических отношений искажают их природу [9, с.37]. Таким образом, фактическое понятие нормы зависит от возможности ее нарушения. С точки зрения эпистемологии, такое утверждение практически полностью лишено смысла, поскольку если норму нельзя познать без ее изменения, а норма в ее измененном состоянии обязательно является патологией, то объект познания теряет всякий смысл. Более того, такого рода абстрактные суждения позволяют развивать довольно опасные для общества идеи о том, что норма и патология – есть одно и то же состояние, и различаются они только в количественном отношении, в измеряемом отклонении «либо в уменьшение, либо в увеличение».

Необходимо понимать, что такого рода «ускользающий» объект как измененная норма, не являющаяся патологией, особенно применительно к социуму, а не к индивидуальному организму, предполагает отсутствие четких критериев в сознании самого субъекта познания. Иными словами, невозможно постичь то, что постоянно изменяется, но при этом остается неизменным. Таким образом, все перечисленные подходы к патологии как индикатору нормы снова сводятся к кантовской трактовке «вещь в себе», что окончательно нивелирует весь смысл дальнейших рассуждений о способе познания нормы через патологию.

Более того, неопозитивистские идеи, выраженные в работах Ю.С. Парк, Л. Конге, Л.Р. Артино [10], М. Пикеринга [11], а также Б.С. Святчака и А.И. Таубера [12] по вопросу познания нормы через патологию, приводят не только к отождествлению нормы и патологии, при их исключительно количественных различиях, но и к размыванию критериев, используемых для определения этих категорий.

На примере общества как особого социального организма со сложной и подверженной «болезням» организацией, можно говорить о том, что концепция О. Конта в ее трансформированном виде привела к тому, что в западных обществах происходит процесс прямой подмены понятий, когда норма интерпретируется как патология, а патология, напротив, возводится в статус нормы. Таким образом, можно констатировать, что ни в одном из современных исследований, посвященных роли па-

тологии в анализе нормы, нет акцента на гносеологический аспект проблемы: познающий субъект должен, по крайней мере, осознавать себя познающим, чтобы интерпретировать собственное состояние.

Если рассматривать патологию только как количественный инструмент познания нормы, как это делается в неопозитивизме и в работах сторонников Ж.Ф. Бруссе и К. Бернара, то с позиций гносеологии получается, что современное общество как субъект познания теряет свою главную характеристику субъективности, не осознавая себя познающим субъектом.

Без понимания того, что происходит некое изменение, невозможно судить о норме с помощью патологии, поскольку при таком подходе теряется значение обоих понятий, а суждения перестают отвечать критериям логики. При искаженном сознании самого субъекта познания, фактически, невозможно доказать, происходит ли изменение или нет, существует ли сама норма или нет.

Таким образом, способ познания нормы с помощью исследования патологии требует коренного пересмотра в современной философии, с учетом того, что все классические концепции все-таки относились не к социальной философии, но к философии медицины и несут на себе более чем заметный отпечаток физиологии и биологии. При этом органические теории общества на современном этапе, сколь ни близки они по духу к физиологическим концепциям в медицине, все же не отвечают новому состоянию общества как субъекта познания.

Подводя итог всего сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

1. классические теории познания нормы через исследование патологии фактически свели саму категорию «патология» к индикаторы количественных отклонений для нормы;
2. в современной историографии вопроса доминирует тенденция к переосмыслению концепций О. Конта, Ф.Ж. Бруссе и К. Бернара в рамках общей концепции постмодернизма, когда, по сути, сам смысл познания подменяется процессом хаотической деятельности познающего субъекта, не осознающего свой познавательный опыт;
3. патология в качестве способа познания нормы требует конкретизации не только как общая медицинская, но и как гносеологическая категория. Поэтому наиболее перспективным направлением дальнейших исследований в сфере соотношения категорий «норма» и «патология» в современной гносеологии, на наш взгляд, является кардинальный пересмотр классического описательного и терминологического аппарата, применяемого изначально в области философии медицины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова Е.И. «Другой» и концептуализация психической болезни // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2016. № 6. – С. 33-44.
2. Дрозд А.Л. Проблема болезни и адапционных возможностей человека в зеркале философской рефлексии // Манускрипт. 2017. № 12. – С. 63-67.
3. Жилин В.И. Психология восприятия и эпистемология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4-1. – С. 18-23.
4. Мустафазаде Д.Т. Философия и медицина: диалектика их взаимосвязи // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. № 11. – С. 11-23. ISSN 2224-6150.
5. Погорелов В.В. Соотношение естественнонаучного и гуманитарного подходов в современных исследованиях проблем здоровья человека и общества // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 5-6. – С. 1-4.
6. Frere B. Positivism. Chapter in The Blackwell Encyclopedia of Sociology 2020. – P. 44-69. DOI: 10.1002/9781405165518.wbeosp061.pub2
7. Levine D. Auguste Comte and Positivism: The Essential Writings. Contemporary Sociology. 2019. Vol.47(6). – P. 677-678. DOI: 10.1177/0094306118805421cISBN: 0094-3061
8. Normandin S. Claude Bernard and An Introduction to the Study of Experimental Medicine: «Physical Vitalism,» Dialectic, and Epistemology. Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 2017. Vol. 62(4). – P. 495-528.
9. O'Donohue W. Epistemology and Logical Positivism. Chapter in the book Clinical Psychology and the Philosophy of Science. 2nd edition. 2019. - P.23-42.
10. Park Y.S., Konge L., Artino L.R. The Positivism Paradigm of Research. Academic Medicine. 2020. Vol. 95(5):1. – P. 17-26. DOI: 10.1097/ACM.0000000000003093ISBN: 1040-2446
11. Pickering M. Auguste Comte and Positivism. In book: The Cambridge History of French Thought. 2019. – P. 342-352. DOI: 10.1017/9781316681572.040ISBN: 9781107163676
12. Swiatczak B., Tauber A.I. Philosophy of Immunology. Chapter in Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2020. – P. 15-44. DOI: 10.1093/oso/9780190098353.003.0001ISBN: 9780190098353

© Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Наши авторы

Abdulaeva Z. – candidate of philosophical sciences, Associate professor, Dagestan state medical university

Afanasev N. – PhD in Philology, Associate Professor, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Yakutsk, Russia)

Afinogenova V. – PhD in Psychological sciences, Researcher at the Institute of Psychology Russian Academy of Sciences (Moscow)

Barkhoyants G. – Applicant, Kuban state University

Basmanov A. – Teacher, Peoples' friendship University of Russia, Moscow

Gezenko D. – Senior lecturer, Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences

Ivanov D. – Samara State University of Social Sciences and Education

Kadyshev Alexey S. (Hegumen Anthony) – PhD of medical Sciences, PhD of theology, Church-wide postgraduate study and doctoral studies Sts. Equal to the Apostles Cyril and Methodius; dentist of ANO CCH of St. Alexey, Moscow

Kalendarishvili Z. – Candidate of Law, candidate of pedagogical sciences, professor, Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences

Kapidinova S. – PhD in Psychology, Lecturer, Crimean Engineering and Pedagogical University them. Fevzi Yakubov»

Khachunts D. – Samara State University of Social Sciences and Education

Our authors

Kibal'chenko I. – Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Education «Southern Federal University»

Krivovyaz N. – Assistant, National Research Tomsk Polytechnic University

Lito A. – Independent researcher

Litvinenko A. – Independent researcher

Mikhalev S. – PhD in Philosophy, Associate Professor, FGKVOU VO «Military Academy of communications named after Marshal The Soviet Union S. M. Budyonny» MO RF

Pitik G. – Post-graduate student, Sochi State University, Sochi

Senchenko N. – Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov (Simferopol)

Senchenko V. – Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov «(Simferopol)

Smetankina L. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, FGKVOU VO «Military Academy of communications named after Marshal The Soviet Union S. M. Budyonny» MO RF

Tetenkov N. – candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Zimovec L. – Grand Ph.D. in philosophy, professor, Sochi State University, Sochi

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).